

ТЕМА 1. ПОНЯТИЕ О СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

- 1. Обыденное и научное понимание коммуникации**
- 2. Проблема смысла**
- 3. Проблема понимания**
- 4. Социальное пространство и время**

Обыденное толкование коммуникации, бытовавшее в русском языке, легко проследить по справочной литературе. В первом словаре иностранных слов «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», правленном лично Петром I, среди более 500 иностранных «вокабул» учтена и «коммуникация» в значении «переговор, сообщение». Встречается это слово в писаниях Петра и его сподвижников⁷. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (1881 г.) слово «коммуникация» писалось с одним «м» и толковалось как «пути, дороги, средства связи мест». Именно в этом смысле Н. В. Гоголь писал: «Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга». До революции иных значений за термином «коммуникация» не числилось (с начала XX века его стали писать с двумя буквами «м»). Современный «Большой энциклопедический словарь» (М., 1997) указывает два значения: 1) путь сообщения, связь одного места с другим; 2) общение, передача информации от человека к человеку, осуществляющаяся главным образом при помощи языка. Коммуникацией называются также сигнальные способы связи у животных.

Термин «коммуникация» используется многими общественными, биологическими, техническими науками, и чаще всего имеется в виду элементарная схема коммуникации.

Элементарная схема показывает, что коммуникация предполагает наличие не менее трех участников: передающий субъект (коммуникант) — передаваемый объект (сообщение) — принимающий субъект (реципиент). Стало быть, коммуникация — это разновидность взаимодействия между субъектами, опосредованного некоторым объектом. Для отграничения

коммуникации от других процессов обратим внимание на следующие ее отличительные признаки:

1. В качестве участников коммуникации выступают два субъекта, которыми могут быть: отдельный человек или группа людей, вплоть до общества в целом, а также животные (зоокоммуникация). Согласно этому признаку из понятия коммуникации исключается взаимодействие неодушевленных объектов; так, взаимосвязи Солнца и Земли не есть коммуникационный процесс.

2. Обязательно наличие передаваемого объекта, который может иметь материальную форму (книга, речь, жест, милостыня, подарок и т. д.) или не иметь ее. Например, коммуникант может неосознанно воздействовать на реципиента, внушая ему доверие, симпатию, антипатию, любовь. Вырожденная форма коммуникации — общение человека с самим собой (внутренняя речь, размышления, воспоминания и т. п.).

3. Коммуникации свойственна целесообразность или функциональность, поэтому бред — не коммуникационный акт. Целесообразность может проявляться в трех формах:

- Перемещение материального объекта в геометрическом пространстве из пункта А в пункт В — в этом заключается цель транспортной или энергетической коммуникации.
- Цель взаимодействующих субъектов заключается не в обмене материальными предметами, а в сообщении друг другу смыслов, обладающих идеальной природой. Носителями смыслов являются знаки, символы, тексты, имеющие внешнюю, чувственно воспринимаемую форму и внутреннее, постигаемое умозрительно содержание.
- Элементарная схема коммуникации пригодна для генетической связи «дети — родители». Как известно, эта связь осуществляется посредством генетической информации (передаваемый объект), представляющей собой особым образом закодированную программу воспроизводства (биосинтеза, репликации) определенного организма. Специфика ситуации состоит в том, что дитё, т. е. реципиент, отсутствует до появления генетической информации и

синтезируется на ее основе. Зигота, т. е. оплодотворенная клетка, знаменующая образование зародыша, еще может рассматриваться как объединение частей родительского тела в виде половых клеток — гамет, но сам ребенок является не частью своих родителей, а их подобием, точнее — биологическим образом. В данном случае цель коммуникации заключается в передаче этого образа от поколения к поколению, допустим, передача «лошадности» от лошади к жеребенку.

Исходя из сказанного, можно дать следующее научное толкование: коммуникация есть опосредованное и целесообразное взаимодействие двух субъектов.

Это взаимодействие может представлять собой: движение материальных объектов в трехмерном геометрическом пространстве и в астрономическом времени или движение идеальных объектов (смыслов, образов) в многомерных умоглядных (виртуальных) пространствах и временах.

Различаются три многомерных хронотопа (хронотоп — пространственно-временные координаты):

- генетический хронотоп, где происходит движение биологических образов и генетических программ в биологическом времени и пространстве (ареале обитания данной популяции);
- психический (личностный) хронотоп, где бытуют смыслы, освоенные данной личностью; это область духовной жизни, формируемая в процессе жизнедеятельности человека;
- социальный хронотоп, где происходит движение смыслов в социальном времени и пространстве, т. е. в определенном человеческом обществе.

В зависимости от пространственно-временной среды получается типизация коммуникации.

Имеются четыре типа коммуникации, т. е. опосредованного и целесообразного взаимодействия субъектов:

- материальная (транспортная, энергетическая, миграция населения, эпидемии и др.);
- генетическая (биологическая, видовая);

- психическая (внутриличностная, автокоммуникация);
- социальная (общественная).

Последние три типа являются смысловыми, т. е. в качестве передаваемого сообщения выступает не данная в ощущениях вещь или вещественное свойство, а умозрачительно постигаемый смысл. При этом соблюдается следующий закон коммуникации: сообщения смысловых коммуникаций всегда имеют идеальное (духовное) содержание и, как правило, но не всегда — материальную, чувственно воспринимаемую форму. Так, подражание или телепатия — это социально-коммуникационные акты, не имеющие материальной формы.

Важно обратить внимание на то, что все виды смысловой коммуникации взаимосвязаны через личность (человека), т. е. субъекта социальной коммуникации. Благодаря генетической коммуникации мы получаем свойственные хомо сапиенс нейрофизиологические и анатомические предпосылки мыслительной и речевой деятельности: асимметричный мозг, «речевые зоны» в левом полушарии, артикуляционный аппарат для произнесения членораздельных звуков. Ясно, что без этих предпосылок не была бы возможна ни внутриличностная, ни социальная коммуникация. Можно сказать, что наследственность «вооружает» человека для социальной коммуникации.

Внутриличностная коммуникация или автокоммуникация формируется в ходе интеллектуального становления человека в социальной среде. Говорят, что автокоммуникация — интериоризованная социальная коммуникация. Благодаря этой интериоризации взрослый человек научается облекать свои мысли, чувства, желания в коммуникабельную форму и становится коммуникантом и реципиентом осмысленных внешних сообщений. При этом внутренняя речь выполняет две функции: во-первых, функцию «полуфабриката» внешних высказываний, смысл которых окончательно «совершается в слове» (Л. С. Выготский); во-вторых, функцию особого коммуникационного канала, обращенного к «самости» личности, ее «внутреннему голосу». Именно этот

скрытый диалог с самим собой активизируется при восприятии произведений искусства, которые нужно не просто осмыслить как сообщение о чем-то, а пережить как личный опыт.

Итак, социальная коммуникация неразрывно связана с генетической и психологической смысловыми коммуникациями, которые служат ее необходимыми предпосылками, и вместе с тем она определяющим образом воздействует на становление и формирование последних. Действительно, генетически наследуемые органы мышления и речи никогда бы не возникли, если бы их не востребовала социально-коммуникационная практика; психическое развитие ребенка зависит от нахождения в социальной среде и общения с другими людьми (печальный опыт «маугли», возвращенных животными, свидетельствует об этом).

Теперь можно дать научную дефиницию понятию социальной коммуникации: социальная коммуникация есть движение смыслов в социальном времени и пространстве. Это движение возможно только между субъектами, так или иначе вовлеченными в социальную сферу, поэтому обязательное наличие коммуникантов и реципиентов подразумевается. Именно из данной дефиниции мы будем исходить в дальнейшем изложении.

Следует отметить, что многими авторами используется техницистская трактовка социальной коммуникации, когда коммуникация представляется как передача информации от отправителя (передатчика) к потребителю (приемнику). Под информацией понимается содержание сообщения, которое кодируется, чтобы обеспечить его коммуникабельность, а сам коммуникационный процесс отождествляется стелеграфно-телефонной моделью связи.

Приведенная схема технической коммуникации оправдывает себя в области проводной и радиосвязи, теории информации, телекоммуникации и в других технических приложениях, но она не является схемой социальной коммуникации, ибо закодированные сообщения движутся не в социальном, а в геометрическом пространстве. Техническая схема передачи информации по сути дела есть разновидность материальной, точнее — модулированной

энергетической коммуникации. Мы используем далее некоторые понятия технической коммуникации, в частности, понятие коммуникационный канал и рассмотрим природу понятия информации, но руководствоваться технической трактовкой социальной коммуникации в метатеоретических построениях нельзя, потому что она относится к частному случаю коммуникационной деятельности.

Для более глубокого раскрытия сути принятой нами дефиниции социальной коммуникации поясним три момента:

- что есть смысл, образующий содержание коммуникационных сообщений;
- как этот смысл понимается реципиентом;
- чем социальное время и социальное пространство отличаются от материального хронотопа — единства астрономического времени и геометрического пространства.

2. Проблема смысла

Смысл (значение), по словам С. Лема, «сущее бедствие» лингвистов, логиков, психологов, философов 9. Проблема смысла — бурный эпицентр многовековых споров идеалистов и материалистов, поскольку «смысл» — псевдоним философской категории «идеальное». Беда в том, что смыслы обнаруживаются не только в продуктах умственной деятельности людей, например, в психической или социальной коммуникации, но и в материальных культурных ценностях (утварь, машины, украшения и пр.). Некоторые особенно чуткие натуры видят осмысленность в природных явлениях, не зря же Ф. И. Тютчев заверил:

Не то, что мните вы, природа.

Не слепок, не бездушный лик.

В ней есть душа, в ней есть свобода,

В ней есть любовь, в ней есть язык.

Известно, что люди могут общаться не только с подобными себе одушевленными субъектами, но и с Богом, с Природой, с компьютерными сетями, и это общение не бессмысленно. Стало быть, источниками смыслов, т. е. коммуникантами в смысловой коммуникации, могут быть не только социализированные личности, владеющие устной и письменной речью, и мы не можем не учитывать этот факт.

Проблема смысла, как и проблема идеального, не решена в современной науке и философии. Это — *terra incognita* нашего познания. В нашу задачу не входит освоение этой «неведомой земли», но без некоторых ее «достопримечательностей» обойтись нельзя. Не будем стремиться к ответу на вопрос: «что такое смысл вообще?» и не будем уточнять смыслы, скрытые в небесной механике, системе кровообращения и моделях атома. Нас интересуют те смыслы, которые содержатся в социально-коммуникационных соотношениях.

В целесообразной, а не хаотичной социальной коммуникации коммуниканты и реципиенты осознанно преследуют три цели:

- познавательную — распространение (коммуникант) или приобретение (реципиент) новых знаний или умений;
- побудительную — стимулирование других людей к каким-либо действиям или получение нужных стимулов;
- экспрессивную — выражение или обретение определенных переживаний, эмоций.

Для достижения этих целей содержание коммуникационных сообщений должно включать: знания и умения (коммуникант нечто знает или умеет и может поделиться этим опытом с другими людьми); стимулы (волевые воздействия, побуждающие к активности); эмоции (коммуниканту важно эмоционально «разрядиться», получить сочувствие, а реципиент ищет положительных эмоций и душевного комфорта). Именно эти продукты духовной человеческой деятельности мы называем смыслами. Когда речь идет о социальной коммуникации, имеется в виду движение в социальном пространстве и времени знаний, умений, стимулов, эмоций.

Строго говоря, сведение результатов духовной деятельности всего лишь к четырем идеальным продуктам является огрублением и принимается нами условно. Поэтому сделаем два примечания:

1. В понятие «знание» мы включаем не только санкционированные разумом факты и концепции, но и интуитивно принимаемые ценностные ориентации, идеалы, убеждения и предметы веры, ибо человек знает об их существовании в своем сознании. В понятие «умение» входят нормы, навыки, методы, приемы, привычки, бессознательные установки, определяющие действия человека в той или иной ситуации. Короче говоря, знание — то, что человек думает (содержание мышления), а умение — то, как человек действует. Принципиальная разница между знанием и умением та, что знание можно сообщить устно или письменно, а умение нужно показать, продемонстрировать, ибо описание всегда будет неполным.

2. Нужно отдавать себе отчет в существовании гибридных, промежуточных смыслов. Идеалы, убеждения, предметы веры — это синтез рационального, эмоционального и волевого начала; они не только признаются разумом «наилучшими», но и чувственно переживаются и способны побуждать к действию. Аналогично нормы и методы представляют собой «инструментальное знание» и не вписываются полностью в категорию «умения».

Начальным источником знаний, умений, стимулов, эмоций является индивидуальная психика, где эти стимулы зарождаются и движутся в психическом времени и пространстве (коммуникацию с Богом и Природой оставим в стороне). Для того, чтобы началась социальная коммуникация, коммуникант должен опредметить, овеществить свои смыслы, т. е. воплотить их в содержании коммуникационного сообщения. Коммуникационное сообщение движется в материальном пространстве и времени, достигая в конце концов своего реципиента. Для того, чтобы завершилась социальная коммуникация, реципиенту нужно распредметить смысловое содержание

сообщения, т. е. понять его и включить понятые смыслы в свою психику, точнее — в индивидуальную память.

Социальная коммуникация оказывается весьма сложным процессом, где происходят операции опредмечивания и распредмечивания смыслов и переход смыслов из психического хронотопа в материальный хронотоп и снова в психический хронотоп. Нам нет необходимости детально проследивать эти преобразования, тем более, что механизм их известен весьма схематично. Отметим очевидное. Смыслы, которыми владеет коммуникант, могут «опредметиться» двояко: во-первых, в видекоммуникационных сообщений (речь, письмо, рисунок); во-вторых, в видеутилитарных изделий (орудия, оружие, одежда, жилища), где также воплощены знания и умения человека. Реципиент может использовать для постижения смыслов оба вида сообщений, и в обоих случаях есть свои проблемы. Казалось бы, предпочтительнее иметь дело с устным или письменным посланием на знакомом естественном языке, специально предназначенном для восприятия его данным реципиентом. Ведь смыслы, воплощенные в изделиях, нужно уметь извлечь, раскодировать и осмыслить, что, по-видимому, сложнее чтения текста на родном языке. Однако и в последнем случае адекватное понимание проблематично. Познакомимся теперь с проблемой понимания.

3. Проблема понимания

До сих пор мы акцентировали внимание на смысловых процессах в сознании коммуниканта, теперь обратимся к реципиенту, поскольку именно он является конечной инстанцией, определяющей эффективность смысловой коммуникации.

Единственный способ овладеть смыслами — их понимание. Понимание присутствует в двух умственных процессах: в познании и в коммуникации. Когда речь идет о понимании причинно-следственной связи, устройства машины, мотивов поведения человека, особенностей сложившейся ситуации, имеет место познавательное понимание. Когда же речь идет о понимании сообщения, имеется в видукоммуникационное понимание. Познавательное

понимание — предмет изучения гносеологии (теории познания), а коммуникационное понимание со времен античности изучается герменевтикой.

Герменевтика этимологически связана с именем Гермеса, которого древнегреческая мифология рисовала посланцем олимпийских богов, передававшим их повеления и послания людям. В обязанности Гермеса входило истолкование и объяснение передаваемого текста, ему приписывалось изобретение письма. В Древней Греции герменевтика представляла собой искусство толкования (интерпретации) иносказаний, символов, произведений древних поэтов, прежде всего — Гомера. В христианском богословии герменевтика ориентировалась на толкование Библии. Особенное значение поиску истинного смысла священных текстов придавали протестанты, которые на этой почве непримиримо враждовали с католиками, считавшими невозможным правильное понимание Священного писания в отрыве от церковной традиции.

С эпохи Возрождения герменевтическая проблематика вошла в состав классической филологии в связи с актуальными тогда проблемами понимания и включения в современность памятников античной культуры. С XIX века начался период современной герменевтики, трактуемой как метод «вживания», «вчувствования» в духовную жизнь, в культуру прошлых эпох, который свойственен гуманитарным наукам, в отличие от естественных наук. Она получила статус философской науки, углубилась в гносеологию и онтологию (М. Хайдеггер, Г. Гадамер, П. Рикер), и коммуникационное понимание постепенно оказалось за пределами ее предмета.

Коммуникационное понимание может иметь три формы:

- реципиент получает новое для него знание; коммуникационное понимание сливается с познавательным и имеет место коммуникационное познание;
- реципиент, получивший сообщение, не постигает его глубинный смысл, ограничиваясь коммуникационным восприятием (к примеру, текст басни понят, а мораль ее уразуметь не удалось);

- реципиент запоминает, повторяет, переписывает отдельные слова или фразы, не понимая даже поверхностного смысла сообщения; тогда имеет место псевдокоммуникация, так как нет движения смыслов, а есть лишь движение материальной оболочки знаков.

Коммуникационное познание является творческим познавательным актом, потому что реципиент не только осознает поверхностный и глубинный смыслы сообщения, но и оценивает их с точки зрения этического долженствования и прагматической пользы.

Предлагаются разные критерии распознавания уровня понимания. Американские прагматики считают критерием поведение человека: если один человек попросил другого выключить свет, то неважны познавательно-коммуникационные операции в головах собеседников, важно, будет ли выключен свет. Если да, то имеет место коммуникационное познание.

Другие ученые полагают, что сообщение понято правильно, если реципиент может стать автором разумных утвердительных высказываний по поводу его содержания, т. е. обсуждать раскрытие темы, идейно-художественные достоинства, стиль изложения, полезность сообщения и т. д.

Третьи отвергают столь упрощенные критерии, считая, что они не годятся для оценки адекватного понимания художественного, религиозного, научного произведения. А. Франс заметил: «Понимать совершенное произведение искусства, значит, в общем, заново создавать его в своем внутреннем мире». Дело в том, что глубокое понимание включает сопереживание, т. е. нужно не только узнать знаки и уяснить поверхностный и глубинный смысл сообщения, но также открыть и пережить то эмоциональное состояние, которое владело автором в процессе творчества. Конечно, не каждый человек обладает даром заново воссоздавать произведения искусства в своей душе.

Завышенный, практически недостижимый уровень коммуникационного познания питает скепсис относительно возможностей понимания людьми друг друга. Гете, изучая Спинозу, пришел к выводу: «Никто не понимает другого; никто при тех же самых словах не думает того, что думает другой; разговор,

чтение у различных людей возбуждает различные ряды мыслей». В. Гумбольдт выразился афористично: «Всякое понимание есть вместе с тем непонимание». Ф. И. Тютчев (1803—1873), который с 1822 по 1837 г. служил в Мюнхене и, возможно, слышал о словах Гете и Гумбольдта, выразил свою точку зрения в известных поэтических строках (1830 г.):

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пускай в душевной глубине
И всходят и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи,
Любуйся ими и молчи!
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи.
Питайся ими и молчи!

Маститый литературовед Д. Н. Овсяннико-Куликовский (1853 —1920) утверждал, что полное понимание одним человеком другого было бы возможно лишь тогда, когда воспринимающий полностью уподобляется говорящему, теряет индивидуальные особенности своей личности. Что-бы полностью понять Пушкина, недостаточно прочесть все книги, которые он читал, нужно еще не читать то, что не читал он.

Наш современник Ю. Б. Борев как бы отвечает Д. Н. Овсяннико-Куликовскому: «Понимание вовсе не есть соприкосновение душ. Мы понимаем мысль автора настолько, насколько мы оказываемся конгениальны ему... Объем духовного мира автора шире самого обширного авторского текста. Понимание имеет дело с текстом, а не с духовным миром человека, хотя они и не чужды друг другу»¹⁰.

Проблему понимания усугубляет еще и тот факт, что оно всегда сопровождается «приписыванием смысла» со стороны реципиента. Получается ситуация «суперпонимания», которую А. А. Потебня описал так: «Слушающий может гораздо лучше говорящего понимать то, что скрыто за словом, и читатель может лучше самого поэта постичь идею его произведения..., сущность, сила такого произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя»¹¹. Действительно, ученый-герменевтик может прочитать в трактате средневекового алхимика такие откровения, о которых тот и не подозревал.

Итак, проблема коммуникационного познания остается открытой, это еще одна, наряду с проблемой смысла, *terraincognita* нашей науки. Несколько лучше обстоит дело с коммуникационным восприятием. Не доходя до глубинных мотивов и замыслов коммуниканта, реципиент в состоянии поддерживать диалог с ним и даже «понимать мысль автора настолько, насколько он оказывается конгениальным ему». Что касается «псевдокоммуникации», то, вообще говоря, она — обыденное явление в нашем обществе и причина многих недоразумений и конфликтов.

4. Социальное пространство и время

Как уже отмечалось, существуют разные хронотопы (пространственно-временные координаты), и нужно пояснить, почему для социальной коммуникации нами выбран социальный хронотоп, а не материальное трехмерное пространство и астрономическое время. Ведь члены общества обитают в географическом пространстве трех измерений и время отсчитывают согласно календарям, согласованным с движением небесных светил. Зачем понадобилось из осязаемого и привычного материального хронотопа удалиться в умоглядный хронотоп, где нет ни линейных мер, ни обыкновенных часов?

Во всем виновата идеальная природа смыслов, которыми оперирует социальная коммуникация. Если бы речь шла о технической коммуникации, т.

е. о передаче сообщений, сигналов, текстов, вообще — объектов, имеющих материально предъявленную форму, обращение к многомерным хронотопам было бы неуместно. Смыслы же принадлежат не материальной, а идеальной реальности, поэтому их движение нельзя проследить в земной атмосфере или измерить сверхточным хронометром. Его нужно фиксировать идеальными, а не материальными инструментами. Такими «идеальными инструментами» служат понятия социальное пространство и социальное время.

Социальное пространство — это интуитивно ощущаемая людьми система социальных отношений между ними. Социальные отношения многочисленны и разнообразны — родственные, служебные, соседские, случайные знакомства и т. д., поэтому социальное пространство должно быть многомерным. Когда говорят, что человек «пошел вверх» или «опустился на дно жизни», имеется в виду социальное пространство.

Распространение смыслов в социальном пространстве означает восприятие их людьми, находящимися в определенных социальных отношениях с коммуникантом. Коммуникант никогда не ставит целью передать сообщение из пункта А в пункт В; ему важно, чтобы смысл сообщения дошел до социально связанных с ним людей и был ими правильно понят. В противном случае получается бессмысловое взаимодействие, социальной коммуникации нет. Так, читательское назначение книги есть ее социально-коммуникационный адрес, а почтовый адрес, по которому переслали книгу, — материально-пространственные координаты читателя.

Социальное время — это интуитивное ощущение течения социальной жизни, переживаемое современниками. Это ощущение зависит от интенсивности социальных изменений. Если в обществе изменений мало, социальное время течет медленно; если изменений много, время ускоряет свой ход. Согласно «социальным часам», десятилетия застоя равны году революционной перестройки.

Социальные смыслы (знания, эмоции, стимулы) обладают свойством старения, т. е. утрачивают ценность со временем. Но только не с календарно-астрономическим временем, измеряемым сутками, годами, веками, а с

социальным временем, измеряемым скоростью общественных преобразований. Смыслы устаревают потому, что появляются новые, более актуальные смыслы, завладевающие вниманием общества. Поэтому одни смыслы, например математические теоремы, сохраняют свою ценность веками, а другие, например прогнозы погоды на завтра, послезавтра, никого не интересуют. Движение смыслов в социальном времени — это длительность сохранения смыслами своей ценности.

Изучать социальную коммуникацию как движение смыслов в социальном пространстве и времени это значит изучать, как знания, умения, эмоции, стимулы доходят до реципиентов и понимаются ими, а также как долго эти смыслы сохраняют свою ценность для общества.

Выводы

1. Понятие социальной коммуникации является междисциплинарным. В его разработке участвуют науки: герменевтика, лингвистика, логика, психология, социология, философия, эстетика, но главную роль должна сыграть обобщающая метатеория социальной коммуникации (МТСК), для которой это понятие является базовой научной категорией, служащей отправной точкой и основой для метатеоретического исследования

2. Научным результатом главы 1 являются следующие основополагающие понятия:

- Коммуникация вообще — это опосредованное и целесообразное взаимодействие двух субъектов.
- В зависимости от пространственно-временной среды различаются четыре типа коммуникации: материальная, генетическая, психическая, социальная. Три последних образуют класс смысловой коммуникации.
- Социальная коммуникация есть движение смыслов в социальном времени и пространстве.

- Смыслы, движущиеся в социальном времени и пространстве от коммуниканта к реципиенту, представляют собой знания, умения, стимулы, эмоции.
- Социальное пространство — интуитивно ощущаемая людьми система социальных отношений между ними.
- Социальное время — интуитивно ощущаемое людьми течение социальной жизни, зависящее от интенсивности социальных изменений.
- Социальная коммуникация, как правило, имеет материальную, чувственно воспринимаемую форму и духовное умопостигаемое содержание.

3. Поскольку социальная коммуникация представляет собой движение смыслов в социальном времени и в социальном пространстве, напрашивается разделение движения в пространстве и движения во времени, которые, очевидно, не совпадают и имеют свою специфику. Будем рассматривать эти движения отдельно и назовем движение смыслов в социальном пространстве диатопной, коммуникационно-пространственной, или просто коммуникационной деятельностью, а движение смыслов в социальном времени — социальной памятью, коммуникационно-временной, диахронической или мнемической деятельностью. Вместе с тем нужно всегда иметь в виду закон: коммуникационная деятельность и память — две стороны одной медали, именуемой «коммуникация».

4. Terra incognita. Метатеория социальной коммуникации, являясь обобщающей наукой, зависит от уровня разработанности коммуникационной проблематики в других научных дисциплинах и теориях. Материал главы 1 показывает неразработанность двух фундаментальных философских проблем:

- Проблема смысла: как связаны мысль и мозг?
- Проблема понимания: каким образом происходит опредмечивание и распредмечивание смыслов? Как внутриличностная коммуникация преобразуется во внешнюю социальную коммуникацию, и наоборот?

Литература [5,9]

Дополнительная:

1. Агафонов А. Ю. Человек как смысловая модель мира. — Самара: Изд. дом «Бахрах—М», 2000. — 336 с.
2. Бурдые П. Начала. — М., 1994. — С. 181—207.
3. Знаков В. В. Понимание в познании и общении. — М.: Ин-т психологии РАН, 1994. — 237 с.
4. Конецкая В. П. Социология коммуникации: Учебник. — М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. — 304 с.
5. Лосев А. Ф. Проблема смысла и реалистическое искусство. — М.: Искусство, 1995. — 320 с.
6. Павиленис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. — М.: Мысль, 1983. — 286 с.
7. Петров Л. В. Массовая коммуникация и культура. Введение в теорию и историю. — СПб., 1999. — С. 15—34.
8. Соколов А. В. Введение в теорию социальной коммуникации. — СПб., 1996. — С. 17 —43; 201 —228.
9. Чернышев С. Б. Смысл. Периодическая система его элементов. — М., 1993. — 223 с.

Задание для самостоятельной работы:

1. Подготовить сообщение на следующие темы: «Проблема смысла, проблема понимания», «Социальное пространство и время».

ТЕМА 2. ВИДЫ, УРОВНИ и ФОРМЫ КОММУНИКАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- 1. Коммуникационные действия и их формы**
- 2. Виды, уровни и формы коммуникационной деятельности**
- 3. Виды коммуникационной деятельности**

3.1. Микрокоммуникация

3.2. Мидикоммуникация

3.3. Макрокоммуникация

4. Сотрудничество и конфликты в коммуникационной деятельности

Коммуникационную деятельность мы определили как движение смыслов в социальном пространстве. Элементарная схема коммуникации соответствует коммуникационной деятельности, точнее — не деятельности в целом, а элементарной ее части — коммуникационному действию. Коммуникационное действие — завершенная операция смыслового взаимодействия, происходящая без смены участников коммуникации. Субъектами, вступившими в коммуникацию, могут преследоваться три цели: во-первых, реципиент желает получить от коммуниканта некоторые привлекательные для него смыслы; во-вторых, коммуникант желает сообщить реципиенту некоторые смыслы, влияющие на поведение последнего; в-третьих, и коммуникант, и реципиент заинтересованы во взаимодействии с целью обмена какими-то смыслами. Соответственно возможны три формы коммуникационного действия.

1. *Подражание* — одна из древнейших форм передачи смыслов, используемая высшими животными и птицами; недаром некоторые ученые считали источником подражания стадный инстинкт. Под подражанием понимается воспроизведение реципиентом движений, действий, повадок коммуниканта. Подражание может быть произвольным и непроизвольным (бессознательным). Произвольное подражание (имитация) используется при школьном обучении, овладении технологиями, мастерством. Непроизвольное подражание — главный метод первичной социализации детей дошкольного возраста.

В общественной жизни посредством подражания происходит распространение модных новаций, популярных идей и веяний. Вместе с тем, благодаря подражанию, из поколения к поколению передаются традиции, обычаи, стереотипы поведения. Недаром в «Поучении Мерикара», памятнике египетской письменности XXII—XXIII вв. до н. э. сказано: «Подражай отцам

своим и предкам своим». Можно сказать, что подражание — один из способов существования живой социальной памяти.

Э. Фромм среди специфически человеческих социально-культурных потребностей отмечал стремление к уподоблению, поиску объекта поклонения, отождествлению себя с кем-то более сильным, умным, красивым. В детстве дети уподобляют себя родителям, во взрослом состоянии — литературным героям, спортсменам, артистам, воинам. Эту потребность можно назвать потребностью в кумиротворчестве (отыскать или сотворить себе кумира).

Не следует думать, что подражание не соответствует элементарной схеме коммуникационного действия (рис. 1.1), ибо не обнаруживается явного смыслового сообщения, адресованного реципиенту. На самом деле такое сообщение, обладающее привлекательностью для реципиента, всегда есть. Реципиент целенаправленно выбирает коммуниканта и использует его в качестве источника смыслов, которые он хотел бы усвоить. Коммуникант при этом зачастую не осознает своего участия в коммуникационном действии. Подражание — это такое объект-субъектное отношение, где активную роль играет реципиент, а коммуникант — пассивный объект для подражания.

2. **Диалог** — форма коммуникационного взаимодействия, освоенная людьми в процессе антропогенеза при формировании человеческого языка и речи. Участники диалога относятся друг к другу как к равноправным субъектам, владеющим определенными смыслами. Между ними складывается субъект — субъектное отношение, а взаимодействие их носит творческий характер в том смысле, что достигается социально-психологическая общность партнеров, обозначаемая словом «МЫ».

Диалоговая коммуникация представляется как последовательность высказываний участников, сменяющих друг друга в роли коммуниканта и реципиента. Высказывание — это не слово, не предложение, не абзац, а единица смысла, дающая возможность ответить на него. Участники диалога совместно создают драматургический Текст, обладающий относительной смысловой завершенностью. Относительность завершения диалога определяется тем, что реакция на то или иное высказывание может проявиться

в поведении реципиента спустя много времени. Литература, театр, лекция как раз рассчитаны на ответ замедленного действия. Незавершенный диалог перерастает в коммуникационный дискурс, охватывающий множество субъектов и продолжающийся бесконечно. Короче говоря, дискурс — это мультисубъектный бесконечный диалог.

3. Управление — такое коммуникационное действие, когда коммуникант рассматривает реципиента как средство достижения своих целей, как объект управления. В этом случае между коммуникантом и реципиентом устанавливаются субъект-объектные отношения. Управление отличается от диалога тем, что субъект имеет право монолога, а реципиент не может дискутировать с коммуникантом, он может только сообщать о своей реакции по каналу обратной связи.

Управленческий монолог может быть: в форме приказа (коммуникант имеет властные полномочия, признаваемые реципиентом); в форме внушения (суггестии), когда используется принудительная сила слова за счёт многократного повторения одного и того же монолога (реклама, пропаганда, проповедь); в форме убеждения, апеллирующего не к подсознательным мотивам, как при внушении, а к разуму и здравому смыслу при помощи логически выстроенной аргументации.

Особой формой управленческого коммуникационного действия является заражение, которое стихийно возникает в массах людей. Заражение характеризуется эмоциональным накалом и агрессивностью. Его источниками могут быть ритуальные танцы, музыкальные ритмы, религиозный экстаз, спортивный азарт, ораторское мастерство. По-видимому, как и в случае внушения, при заражении большую роль играют бессознательные побуждения.

Диалог близок к поведению по схеме «стимул—реакция», он не требует такого уровня программирования и организации, как монологическое выступление. Поэтому именно диалог считается первоначальной формой речи, возникшей еще у питекантропов (1500—200 тыс. лет назад), а монологическая речь — более поздним коммуникационным достижением, требующим более высокой культуры речи и некоторых ораторских навыков.

Формы коммуникативных действий систематизированы по сходству и различию. Следует обратить внимание на то, что формы коммуникационных действий могут включать различное содержание, и вместе с тем, один и тот же смысл может передаваться в двух или даже в трех формах, например, обучать чему-либо можно путем показа (подражание), путем инструктирования (управление) или путем диалогического объяснения.

Не следует абсолютизировать границы между разными коммуникационными формами. Подражание, диалог, управление могут сливаться друг с другом, дополнять друг друга. Так, диалог может стать методом управления, например, сократический диалог построен так, чтобы заставить оппонента признать правоту Сократа; диалог между учителем и учеником — обычная форма педагогического воздействия. Вообще говоря, любой содержательный диалог (бессодержательная болтовня не в счет) имеет целью оказать какое-то управленческое воздействие на сознание собеседников. Подражание — это вырожденный диалог, где коммуникант безучастен по отношению к реципиенту (игнорирует его), а реципиент ведет воображаемый диалог с коммуникантом.

Коммуникационные действия есть элементарные акты, можно сказать атомы коммуникационной деятельности, но используются они и в некоммуникационной деятельности (познание, труд). Практически во всех видах коммуникационной деятельности обнаруживаются формы, рассмотренные нами, но преобладает одна из форм. Это позволяет коммуникационную деятельность и в целом на различных ее уровнях представить в виде диалогической, управленческой, подражательной, т. е. отождествить формы коммуникационной деятельности и формы элементарных коммуникационных актов.

2. Виды, уровни и формы коммуникационной деятельности

В качестве коммуникантов и реципиентов могут выступать три субъекта, относящиеся к разным уровням социальной структуры: индивидуальная личность (И), социальная группа (Г), массовая совокупность (М)¹². Они могут взаимодействовать друг с другом, например И — И, Г — Г, М — М, или между собой, например И — Г, И — М, Г — М и т. д. Абстрактно говоря, получается 9 видов социальных коммуникаций. Но этого мало. Как показано в разделе 2.1, коммуникационные действия могут осуществляться в форме подражания, диалога, управления. Диалог есть взаимодействие равноправных партнеров, которое возможно между субъектами одинакового социального уровня, а не разных уровней, ибо разноуровневые субъекты, например И и М, не являются равноправными. Между разноуровневыми субъектами может быть подражание или управление, но не диалог равных участников.

Примем следующие обозначения. Те виды коммуникационной деятельности, где в качестве активного, целенаправленного субъекта выступает И, либо Г, либо М, будем называть соответственно микрокоммуникацией, мидикоммуникацией, макрокоммуникацией. Те виды, где И, либо Г, либо М выступают в роли объекта воздействия назовем соответственно межличностной, групповой и массовой коммуникацией, понимая под ними уровни социальных коммуникаций.

Можно выделить 7 форм микрокоммуникации, 5 форм мидикоммуникации и 3 формы макрокоммуникации. Каждая из форм проявляется на межличностном, групповом, массовом уровне. Систематизируем и обозначим получившиеся 15 форм коммуникационной деятельности.

Для полноты картины возможных форм коммуникационной деятельности следует учесть квазикоммуникацию, когда коммуникант обращается квоображаемому субъекту и обретает ощущение диалога с ним. Сюда относится феноменфетишизации, который Н. Д. Кондратьев описывал следующим образом: «людям начинает казаться, что вещи обладают особыми

сверхъестественными свойствами быть ценностью, обладать прерогативами святости, величия, источника права и т. п. Иначе говоря, люди начинают наделять вещи физически не присущими им значительными свойствами, подобно тому, как дикари приписывали свойства всемогущего божества истуканам»¹³. Сотворение всевозможных «кумиров», культ вождей и т. д. в конечном счете имеет целью создание всезнающего и всемогущего «квазикоммуникационного» партнера.

Теперь рассмотрим более подробно перечисленные формы коммуникационной деятельности, распределив их по видам социальной коммуникации: микро-, миди-, макрокоммуникация.

3. Виды коммуникационной деятельности

3.1. Микрокоммуникация

Содержание микрокоммуникации достаточно очевидно; на межличностном уровне — это либо усвоение форм поведения, умений, внешних атрибутов выбранного образца для подражания — копирование образца, либо обмен идеями, доводами, предложениями между собеседниками — дружеская или деловая беседа, либо указания для исполнения их подчиненному — команда. На групповом уровне возможны референция (то же подражание, но не отдельному человеку, а социальной группе, с которой индивид желает себя идентифицировать, например подражание купцов дворянскому сословию или «новых русских» аристократам духа; отметим, что встречается отрицательная референция, когда человек сознательно избегает признаков отвергаемой им группы) или руководство коллективом — менеджмент, организация, лидерство в группе; наконец на массовом уровне коммуникационные действия служат для социализации — освоения человеком общепринятых в данном обществе норм, верований, идеалов, чтобы «быть как все», и авторитаризма, т. е. деспотического управления массами подвластных людей (абсолютизм, тирания, самодержавие — политические формы авторитаризма). Заметим, что диалогические отношения индивида с группой

или массой исключаются, потому что диалог возможен только между равноуровневыми партнерами. Имитация дружеской беседы генерала с солдатами не в счет, ибо это «квазидиалог».

Возникает практически важный вопрос: можно ли научиться микрокоммуникации? Этот вопрос чрезвычайно значим для педагогов, деловых, людей (бизнесменов), менеджеров, политиков, которые по сути дела являются профессионалами микрокоммуникационного общения. Интересует этот вопрос и людей, желающих иметь успех в обществе, достигать эффективного самовыражения и одобрения публики. Существует множество остроумных и занудных советов, рекомендаций, правил, например: молчи или говори что-нибудь получше молчания; употребляй расчетливо слова, не даром рот один, а уха два; сила речи состоит в умении выразить многое в немногих словах; люди слушаются не того, кто умнее других, а того, кто всех громче говорит и т. п.

Со времен античности развивается риторика — учение о красноречии, освещенное авторитетом Платона и Аристотеля, в XX веке в качестве научной дисциплины оформилась стилистика, изучающая языковые нормы и области их применения, в учебных заведениях стали преподавать культуру речи, а менеджеров и политиков начали обучать правилам делового общения, социальной конфликтологии и искусству ведения споров. Нет недостатка в методических рекомендациях. Приведем некоторые из них.

- Не совершай непонятных речевых актов; смысл речи должен быть ясным для слушающих.
- Не совершай неискренних речевых актов; речь должна соответствовать реальным мыслям, намерениям, переживаниям говорящего.
- Будь последователен и следи, чтобы последующие речевые акты были логически связаны с предыдущими.
- Речь должна быть целенаправленной, у оратора должен быть замысел, реализуемый в речи и т. д.

Особенно много полезных советов касается невербальных средств микрокоммуникации: жесты, мимика, позы, расстояние между собеседниками, громкость и интонация произнесения речи. Однако знакомство с потоками

учебной, научной и практической литературы приводит к однозначному выводу: микрокоммуникационную деятельность нельзя «выучить» по книжкам, здесь нет готовых рецептов, потому что она представляет собой искусство, т. е. творчески-продуктивную, игровую, а не репродуктивно-ритуальную деятельность. Успех всякого устного выступления или письменного сообщения зависит прежде всего от способностей и талантов их авторов. Допустим, можно вы зубрить «Письма к сыну» английского аристократа Филиппа Честерфилда (1694—1773) или проштудировать бестселлеры удачливого бизнесмена Дейла Карнеги (1888—1955), но это не гарантирует духовной свободы, умения «завоевывать друзей и оказывать влияние на людей» или уверенности в публичных выступлениях. Тем не менее очень полезно познакомиться с этими классическими произведениями¹⁴.

3.2. Мидикоммуникация

Пять форм мидикоммуникации включают такие социально-коммуникационные явления, как мода — основанная на подражании передача в социальном пространстве вещественных форм, образцов поведения и идей, эмоционально привлекательных для социальных групп (отметим, что мода — продукт неокультуры, палеокультура моды не знала); переговоры — обычный способ разрешения конфликтов и достижения соглашений между социальными группами; групповая иерархия складывается в крупных учреждениях (управленцы — рабочие), в армейских подразделениях, в сословно-кастовых обществах, где контакты между группами четко регламентированы; адаптация к среде превращается в коммуникационную проблему для национальных диаспор, живущих среди чужеземцев; для иноверцев, например, мусульман среди христиан; для революционеров-подпольщиков и т.п.; руководство обществом осуществляется со стороны творческих групп, генерирующих мировоззренческие смыслы, определяющие духовную (не материальную!) жизнь общества. Остановимся подробнее на этой форме мидикоммуникации.

Мировоззренческие смыслы — это знания, объясняющие наблюдаемые явления, происхождение человека и Вселенной, смысл человеческой жизни, идеалы, нормы и стимулы социальной деятельности. Социальные группы, вырабатывающие эти смыслы и коммуникационные сообщения, в которых они запечатлены, оказываются в центре духовной жизни общества. Эти центры смещаются по ходу социально-культурной эволюции.

Археокультуре свойственен мифоцентризм, хранителем которого была каста жрецов, владевшая священным эзотерическим знанием. Для палеокультуры характерен религиозно-эстетический центризм, в русле которого находились литература, искусство, образование, философия. Западноевропейская неокультура XVIII века (век гениев-универсалов) развивалась под эгидой светского знания во главе с философией и в XIX веке постепенно перешла к наукоцентризму. Ученые-физики, экономисты, политологи определяли духовный климат в демократических западных странах. Иначе дело было в России.

Неокультурная модернизация началась, как известно, с бурной реформаторской деятельности Петра I, которая в более мягкой манере была продолжена Екатериной II. Главной военно-политической и экономической силой российского общества XVIII века было дворянство. После 1761 г., когда согласно указу Петра III «О вольности дворянства», подтвержденному Екатериной, это сословие было освобождено от обязательной государственной службы и получило свободу рук для культурного творчества, была создана роскошная, блестящая, хотя и поверхностная дворянская культура, золотой век которой начал Н. М. Карамзин, а закончил М. Ю. Лермонтов. В духовной жизни России XVIII—первой половины XIX века сложилось характерное «двоецентрие»: один идеологический центр — православная церковь (вспомним уваровскую триаду «православие, самодержавие, народность»), а другой центр находился в Западной Европе, откуда русские дворяне черпали то идеи Вольтера и Руссо, то либерализм мадам де Сталь и Бенжамена Константа, то утопический социализм А. Сен-Симона и Ш. Фурье.

Однако с пушкинских времен в духовной жизни России стало происходить явление, неведомое Западной Европе — центром духовной жизни сделалась художественная литература, а талантливые литераторы — писатели, поэты, критики стали «властителями мировоззренческих дум» русского общества, учителями и пророками. Вторая половина XIX века — эпоха русско-литературо-центризма. К этому времени относятся хорошо известные слова А. И. Герцена: «У народа, лишенного общественной свободы, литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести. Влияние литературы в подобном обществе приобретает размеры, давно утраченные другими странами Европы»¹⁵. Общеизвестная роль литературы в подготовке общественного мнения к отмене крепостного права (Д. В. Григорович, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов), в зарождении и развертывании нигилизма, народничества, толстовства, эмансипации женщин, героизации образов самоотверженных боевиков подпольной России. Складывается характерная для критического реализма тенденция учительства, проповедничества, обличительства. Литературоцентризм стал школой воспитания разночинной интеллигенции, расшатавшей колосс русского самодержавия.

Явление литературоцентризма в русской истории интересно и поучительно в связи с тем, что оно показывает революционный потенциал, скрытый в недрах, казалось бы, самого мирного и безобидного социально-коммуникационного института — художественной литературы.

Советское время — господство политикоцентризма, содержание которого определялось группой руководящих коммунистических идеологов согласно формуле Г у М. На основе ленинского принципа партийности была создана гигантская пропагандистская система. Эта система обладала следующими чертами:

- допускался только управленческий монолог, излагающий идеологически выдержанные истины; сомнения, возражения, инакомыслие, плюрализм безоговорочно исключались, поэтому поля для диалога не было;

- централизованное управление, обеспечивающее согласованность и координированность всех воздействий на массовое сознание;
- мобилизация всех коммуникационных ресурсов: средств массовой коммуникации, художественной литературы, кино, изобразительного искусства, театра;

В результате обеспечивалась высокая эффективность коммунистического воспитания человека новой формации — хомо советикус. Хомо советикус — продукт советской коммуникационной системы, ее родное детище, выращенное на плодородной почве социальной мифологии. Дело Ленина—Сталина, коммунистическое будущее человечества, партия — ум, честь и совесть эпохи, враждебное окружение и шпиономания, — это были сильные мифы, идеологически обеспечивающие и культ личности Сталина, и сплоченность народа в годы предвоенных, военных и послевоенных испытаний.

3.3. Макрокоммуникация

Макрокоммуникационные формы коммуникационного взаимодействия, которые в табл. 2.1 названы заимствование достижений (М п М), взаимодействие культур (М дМ) и информационная агрессия (М у М), хорошо просматриваются в тысячелетней истории взаимодействия государства Российского и Европы. Причем легко замечаются колебания от подражания к диалогу и обратно. Информационная агрессия — явление относительно новое, появившееся лишь вXXвеке.

Крещение Руси в конце Xвека — бесспорный акт макрокоммуникационного подражания. Время Киевской Руси, Владимиро-Суздальского княжества, удельных междоусобиц и татаро-монгольского ига — это период «смирennemудного ученичества» у болгар и греков, когда русский книжник был «нищим духом, побиравшимся под окнами европейских храмов мудрости плодами чужого гурда, крупницами с духовной трапезы, на которой ему не было места» (В.О.Ключевский). Но постепенно русская церковь обрела свои права духовного палеокультурного центра и высвободилась из-под опеки

константинопольских патриархов. В 1346 г. московским митрополитом стал не грек, присланный из Царьграда, а русский человек Алексей. В 1380 г. Сергей Радонежский благословил Великого князя Московского Дмитрия на битву с Мамаем. XV век — время обретения Московским государством политической самостоятельности и самостоятельности идеологической, ибо константинопольская церковь, оказавшись с 1453 г. на территории Османской империи, капитулировала перед папством. Фаза М п М закончилась.

Русские «смиренномудрые ученики», ободренные недавними победами над татарами, отказались от унии с латинянами и решили служить православию по-своему. В начале XVI века возникает идея русского мессианства — «Москва — третий Рим», зреет национальная гордыня. Русские «книжные мужи», по словам того же Ключевского, начали поучать: «Братия! не высокоумствуйте; если кто тебя спросит, знаешь ли философию, ты отвечай: ни еллинских борзостей не знах, ни ритарских астрономов не читал, ни с мудрыми философами не бывал, философию ниже очима видех». Прежде русский книжник любил переведенные с греческого статьи по разным отраслям знания: по минералогии, логике, медицине, риторике, теперь он неистово кричал: «Богомерзостен перед Богом всяк любяй геометрию; не учен я словом, не обучался диалектике, риторике и философии, но разум Христов в себе имею»¹⁶. Иван IV, затеявший Ливонскую войну за выход к Балтийскому морю и собравшийся жениться на Елизавете Английской, конечно, считал себя не учеником европейской премудрости, а равноценным партнером всякого монарха. Московия была готова к диалогу культур по формуле М д М.

XVII век — время постепенного сближения с Европой. В Москве появляется Немецкая слобода, полки иностранного строя, вольнодумные русские вельможи типа А. Л. Ордин-Нащокина одевают дома европейское платье, царских детей обучает выпускник Киевской академии, бывший иезуит Симеон Полоцкий. Однако национального достоинства русские люди не теряют. Петровские преобразования — безусловное ученичество, новое «побирание под окнами европейских храмов мудрости», новая фаза М п М.

Немецкое засилье приняло такие размеры, что русские гвардейцы охотно отдали корону очаровательной Елизавете главным образом за то, что она «дщерь Петрова». Но малограмотных русских дворян неодолимо влекли прелести европейской цивилизации, и не случайно Д. И. Фонвизин вложил в уста Иванушки (комедия «Бригадир») признание: «тело мое родилось в России, но дух мой принадлежит короне французской». Европа XVIII века подарила культурной элите русского дворянства, во-первых, атеистическое просвещение в духе Вольтера и Дидро и, во-вторых, масонство, ориентированное на духовно-мистические поиски.

Кровавая французская революция вызвала отрицательную реакцию в русском обществе и привела к разочарованию в идеалах Просвещения. Макрокоммуникационное подражание стало затухать. В 1795 г. Н. М. Карамзин с горечью писал в «Переписке Мелидора к Филарету»: «Где люди, которых мы любили? Где плод наук и мудрости? Век просвещения, я не узнаю тебя; в крови и пламени, среди убийств и разрушений я не узнаю тебя... Я закрываю лицо свое». Павел I, борясь с революционной заразой, запретил ввозить иностранные книги в империю Российскую. Агрессивные наполеоновские войны и Отечественная война 1812 г., казалось бы, должны окончательно отдалить Россию от безумной Европы, но русское офицерство возвратилось из заграничных походов с критикой не Европы, а своего Отечества. Декабристы были русскими патриотами, но мыслили они по западным образцам.

В 40-е годы сложились и начали открыто соперничать два течения русской мысли: западничество и славянофильство. Спор между западниками и славянофилами — это борьба двух макрокоммуникационных идеологий. Славянофилы утверждали право России на равноправный диалог с Западом и видели миссию России не в том, чтобы завоевывать Европу грубой жандармской силой, а в том, чтобы сообщить ей новые смыслы (православная этика, соборность, альтруизм), которые излечат дряхлеющую и загнивающую Европу от немощи (коммуникационная формула $M \text{ у } M$). Западники подчеркивали принадлежность России к западной культуре и призывали воздерживаться от высокомерного духовного сепаратизма и по-прежнему

охотно воспринимать достижения европейского прогресса, особенно в части науки, техники, демократии, эстетики (коммуникационная формула М п М).

Николаевская официальная идеология, усвоившая роль «жандарма Европы», видела в западной культуре рассадник крамолы, который следует беспощадно пресекать. Порочность этой идеологии показала Крымская война. Реформы Александра II— модернизация по западному образцу (М п М); контрреформы Александра III— попытка «подморозить» Россию в духе православия, самодержавия, народности, но было уже поздно. Маятник русской истории стремительно двигался на Запад.

Либерализм, конституционная демократия, социал-демократия, марксизм — все это не российские, а импортные плоды. Пожалуй, только анархизм, украшенный именами М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина, — отечественное произведение. Большевики начали строительство коммунизма по марксистскому сценарию, разработанному не для России, а для индустриально развитой Европы. Сценарий пришлось капитально переработать, и вот маятник истории уносит Советский Союз в неизведанные дали. Мы не можем копировать ни буржуазную демократию, ни буржуазную культуру, ни буржуазную науку, мы пойдем своим путем, мы догоним и перегоним Америку и Европу. Военная победа, а затем — железный занавес, борьба с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом, идеологически выдержанный национализм по-советски. Здесь уже нет коммуникационного диалога; это, согласно формуле М у М, информационная агрессия (табл. 2.1).

Советский Союз всегда вел активную наступательную идеологическую борьбу с любыми некоммунистическими доктринами. Роль коммуникантов на международной арене играли Коминтерн (III-й Коммунистический Интернационал, созданный в 1919 г., распущенный в 1943 г.) и «братские коммунистические партии», существовавшие в большинстве стран мира. Убедительным доводом в пользу «преимуществ социализма» стала победа СССР в Великой Отечественной войне. Этот довод был в полной мере использован коммунистической пропагандой; в послевоенные годы треть мира имела советскую ориентацию.

Но не дремали и идеологические противники страны Советов. С 1946 г. началась холодная война, которая была подлинной информационной войной, войной за доверие и симпатии мирового сообщества. Это был конфронтационный диалог по формуле М д М. Одна за другой следовали умело спланированные пропагандистские кампании, где использовались венгерские события 1956 г. и «пражская весна» 1968 г., космические полеты и спортивные достижения, олимпийские игры и молодежные фестивали, война во Вьетнаме и война в Афганистане. Борьба шла на равных, но в 70-е годы США удалось переиграть советских стратегов. Советский Союз был втянут в изнурительную гонку вооружений, в провокационную программу «звездных войн». Экономическое истощение, усугубленное бездарностью стареющего политбюро, привело к падению авторитета страны, к утрате завоеванных позиций. Холодная война закончилась поражением СССР, поражением не на полях сражений, а в виртуальном пространстве информационных войн. Конфронтация СССР—Запад завершилась. На смену формуле М д М вновь, как во времена Петровы, пришла ученическая формула М п М.

Следует обратить внимание, что понятия микро-, миди-, макрокоммуникация не совпадают с понятиями межличностная, групповая, массовая коммуникация, хотя и пересекаются с ними. Если обратиться к табл. 2.1, то видно, что из 7 видов микрокоммуникации только 3 относятся к межличностному уровню, а макрокоммуникация представлена только в трех случаях из семи на уровне массовой коммуникации. В связи с этим уточним предмет теории массовой коммуникации.

Л. В. Петров предлагает следующее определение: «массовая коммуникация — это создание единого социального поля на основе процесса, включающего в себя, с одной стороны, извлечение, переработку и передачу с помощью относительно быстродействующих технических устройств социально-значимой информации, осуществляемого специализированными институтами; и, с другой стороны, прием и усвоение этой информации численно большими, социально разнородными, рассредоточенными аудиториями»¹⁷. Таким образом, в случае массовой коммуникации в роли

коммуникантов выступают технически оснащенные «специализированные институты» в виде прессы, кино, радио, телевидения, а в роли реципиентов — массовые аудитории. Подобное коммуникационное взаимодействие характеризуется формулой Г у М (руководство обществом), и именно проблемы социального управления, как пишет Л.В. Петров, «создания единого социального поля» являются главным предметом теории массовой коммуникации. Таким образом, эта теория изучает не все формы массовой коммуникации, а только одну ее форму — Г у М, которую можно назвать миди-массовой коммуникацией. Поэтому ее нельзя считать ни теорией макрокоммуникации, ни даже общей теорией массовой коммуникации.

4. Сотрудничество и конфликты в коммуникационной деятельности

Коммуникационная трагедия:

две параллельные прямые полюбили друг друга. Увы!

Формы коммуникационной деятельности в зависимости от участвующих субъектов и их коммуникационных ролей. Эти формы могут иметь разное содержательное наполнение: они могут служить укреплению сотрудничества и консенсуса между участниками коммуникации, а могут выражать конфликтные отношения, борьбу взглядов, недоверие.

Наиболее «миролюбивой» формой является подражание: здесь нет почвы для конфликтов во всех видах коммуникации (микро-, миди-, макро-). Наиболее «воинственной» формой следует признать управление, где представлены такие способы императивного принуждения, как приказ, цензура, информационная война, контрпропаганда, культурный империализм и другие отвратительные явления коммуникационного насилия. Правда, все большее распространение в современных демократических обществах получает манипулятивное управление, подменяющее конфликтное командное принуждение мягкими психологическими технологиями, создающими у реципиента иллюзию свободы

выбора и сотрудничества с коммуникантом (реклама, паблик рилешенз, имиджмейкерство).

Диалоговая коммуникация в наибольшей степени соответствует социально-психологической природе людей и поэтому она приносит наибольшее удовлетворение участникам. Именно диалог, образуя общность «МЫ», создает почву для совместной творческой деятельности, для дружеского общения, для раскрытия и развития личностного потенциала партнеров. Диалог на уровне микрокоммуникации становится формой душевной дружбы и эффективного делового сотрудничества, что не отрицает принципиальных споров и расхождения во мнениях¹⁸. На уровне мидикоммуникации возможно диалогическое сотрудничество между различными социальными группами, в том числе — диалог с властью, что опять-таки не отменяет соперничества и полемических дискуссий между оппонентами. Для достижения национального согласия и международного сотрудничества решающее значение имеет макрокоммуникационный диалог, участниками которого становятся народы, государства, цивилизации.

Христианская проповедь любви к ближнему, по сути дела, ратует за «диффузное» дружеское слияние. П. А. Флоренский пояснял: «Всякий внешний ищет моего, а не меня. Друг же хочет не моего, а меня. И апостол пишет: «Ищу не вашего, а вас» (2. Кор. 12,14). Внешний домогается «дела», а друг «самого» меня. Внешний желает твоего, а получает из тебя, от полноты, т. е. часть, и часть эта тает в руках, как пена. Только друг, желая тебя, каков бы ты ни был, получает в тебе все, полноту и богатеет ею»¹⁹. Израильский философ Мартин Бубер (1878—1965), акцентируя различия между диалогом (субъект-субъектное отношение) и управлением (субъект-объектное отношение), постулирует два типа отношения человека к окружающей действительности: а) отношение «Я—ТЫ», предполагающее «перетекание из Я в ТЫ», подлинное понимание и взаимность общающихся людей; б) отношение «Я—ОНО», когда человек, будучи субъектом сознания и действия, воспринимает окружающие его предметы и других людей в качестве безличных объектов, служащих для утилитарного использования, эксплуатации, манипулирования. Бытие людей

делится таким образом на диалогическое существование, когда разворачивается диалог между личностью и окружающим миром, между личностью и Богом, и монологическое (эгоцентрическое) существование. Полноценная реализация личности, — утверждает М. Бубер в своем учении, именуемом «диалогическим персонализмом», — возможна лишь в первом случае²⁰. Таким образом, формы коммуникационной деятельности приобретает мировоззренческое звучание.

Разные литературные стили занимают разные места переходя от подражания к управлению и далее к диалогу. Древнерусские житийные писания (жития святых отцов), так же как романтические (Дж. Байрон, А. Бестужев-Марлинский, М. Лермонтов) и утопическо-публицистические произведения (Н. Чернышевский, П. Лавров, Н. Островский) предлагали своим читателям образцы для подражания, референтную группу, тем самым управляя их поведением посредством формулы И п Г.

Просветительская и критико-реалистическая литература, начиная с Н. М. Карамзина и заканчивая М. Горьким, культивировала субъект-объектные отношения с «другом-читателем», что соответствует формуле сотрудничество Г у МилиГ у Г. В модернизме, эпатирующем читающую публику (вспомним «Пощечину общественному вкусу») и исповедующим самоочарованный эгоцентризм, действует схема управленияГ у Г, но с конфликтующим содержанием. Социалистический реализм, пропагандировавший партийные доктрины, относится к формулеГ у М, как и все средства пропаганды, стремящиеся наладить сотрудничество с реципиентами.

В отличие от предыдущих эстетических стилей, где автор неизменно считал себя пророком, учителем жизни, «гением» (модернизм), в современном русском постмодернизме автор воздерживается от управленческого монолога и приглашает читателя участвовать в интеллектуальной игре с текстами. При этом в качестве обязательного условия подразумевается знание читателями тех «первичных текстов», тех «цитат», из которых постмодернист конструирует свое «вторичное» произведение. Например, обращаются к классической литературе XIX века («Пушкинский дом» А. Битова, «Душа патриота или различные послания к Ферфичкину» Евг. Попова) или к советской культуре

(направление соц-арт-искусство, работающее с образами, символами, идеологемами советского времени, — «Полисандрия» Саши Соколова, «Кенгуру» Юза Алешковского). Постмодернизм оказывается в классе Г д Г, где реализуется диалоговое сотрудничество элитарных писателей и элитарных читателей.

Надо признать, что проблемы сотрудничества и конфликтности до последнего времени не были предметом пристального внимания наших ученых. Правда, нельзя не вспомнить этические идеи замечательного теоретика анархизма Петра Алексеевича Кропоткина (1842—1921). В противовес социал-дарвинизму, сводившему закон борьбы за существование к безнравственной войне «всех против всех», Кропоткин отстаивал принцип универсальной кооперации в природе и обществе, взаимопомощь как фактор эволюции. Ссылаясь на институт общительности, т. е. врожденную потребность в общении, Кропоткин объяснял происхождение родовых общин, трудовой кооперации, культурного прогресса и будущее коммунистическое общество.

В первые годы Советской власти Алексей Капитонович Гастев (1882—1941), русский ученый и поэт, выступил в качестве основателя Центрального института труда (1920 г.), где развивалась методология научной организации и культуры труда, уделявшая немалое внимание коммуникации между сотрудниками. Идеи этой методологии получили развитие в эргономике — науке, изучающей взаимоотношение «человек — орудие труда», и в современной теории менеджмента.

В 90-е годы приобрели актуальность не проблемы творческой кооперации, а проблемы урегулирования конфликтов. Оказалось, что конфликты — неизбежный спутник общественной жизни, представленный на всех уровнях социальной коммуникации — межличностном, групповом, массовом. Сформировалась конфликтология, представляющая собой одну из прикладных социально-коммуникационных дисциплин. Предметом конфликтологии являются супружеские конфликты, трудовые конфликты, межэтнические и политические конфликты и другие конфликтные ситуации, упомянутые в табл. 2.2. Теоретическим и методологическим фундаментом при

изучении как сотрудничества, так и конфликтности является социальная психология, где проблема общения всегда занимала центральное место.

Итак, приходим к следующим выводам:

1. Устная коммуникация: не бывает вне общения, в то время как общение может не включать словесную коммуникацию.

2. Соотношение между устной коммуникацией и общением происходит в двух вариантах:

- коммуникация — духовная составляющая материально-производственного общения (часть общения);
- коммуникация исчерпывает содержание духовного общения (тождественна общению).

3. Устная коммуникационная деятельность есть духовное общение социальных субъектов. Обратим внимание на то, что эта дефиниция не противоречит определению коммуникационной деятельности как движения смыслов в социальном пространстве; ведь духовное общение социальных субъектов есть не что иное как упомянутое движение.

4. Письменная коммуникация и электронная коммуникация совпадают с письменным общением, поскольку совместная материально-производственная деятельность исключается.

Задание для самостоятельной работы:

1. Определить виды коммуникационной деятельности.
2. Определить место сотрудничества и конфликтов в коммуникационной деятельности.

Литература [5,9]

Тема 3. ОБЩЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И КОММУНИКАЦИОННАЯ КАТЕГОРИЯ

Категория «общение» часто отождествляется с категорией «коммуникация». Это отождествление происходит само собой в англоязычных текстах, где кроме communication нет другого слова для перевода русского «общение». В «Психологическом словаре» под редакцией В. П. Зинченко и Б. Г. Мещерякова (М.: Педагогика-Пресс, 1996) дана отсылка: Коммуникация, см. Общение. Общение же определяется как «взаимодействие двух или более людей, состоящее в обмене между ними информацией познавательного или аффективного характера», т. е. обмене знаниями или эмоциями. Обществовед Ю. Д. Прилюк пришел к выводу, что «этимологически и семантически термины «общение» и «коммуникация» тождественны»²¹.

Однако есть социальные психологи, придерживающиеся более широких взглядов. Б. Д. Парыгин утверждает: «Под общением надо иметь в виду не только отношения симпатии или антипатии в масштабах малой группы, но и всякое вообще социальное отношение — экономическое, политическое, поскольку оно имеет свою социально-психологическую сторону и проявляется в более или менее опосредованном контакте между людьми... Вся совокупность социальных отношений общества независимо от их масштабности (микро- или макросреда) может рассматриваться как одно из проявлений и результатов общения между людьми»²².

Отождествление категорий «общение» и «социальная коммуникация» было бы самым легким и простым решением, но есть опасность утратить при этом важные аспекты категории «общения», упущенные коммуникационными теориями. Обычно общение включается в практическую деятельность людей (совместный труд, познание, игра), хотя отмечается и возможность обособления общения в самостоятельную активность, удовлетворяющую потребности человека в контактах с другими людьми, т. е. коммуникационную потребность. В общем случае различаются три стороны, или три плана общения (Г. М. Андреева, Б. Д. Парыгин, А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский):

А. Перцептивная сторона — взаимное восприятие, стремление к пониманию мотивов поведения партнеров;

Б. Коммуникативная сторона — обмен высказываниями, знаковыми сообщениями;

В. Интерактивная сторона — обмен не только словами, но и действиями согласно принятой программе совместной практической деятельности.

Таким образом, общение предстает как сумма трех различных процессов: перцепция (познание людьми друг друга) + коммуникация, принимаемая как вербально-словесно-речевая деятельность + совместные целенаправленные действия, например строительство дома или игра в футбол. В этом уравнении допущены четыре упрощения: во-первых, коммуникативная сторона сводится к вербальной коммуникации, состоящей в обмене высказываниями, и упускается из виду бессловесное общение между людьми, например, взаимопонимание игроков сыгранной футбольной команды или партнеров в танце, согласованные действия охотников на крупного зверя или солдат на поле боя и т. п.; во-вторых, учитывая случай превращения коммуникации в содержание общения, когда выпадает сторона В, следовало бы констатировать обязательность присутствия во всех случаях общения акта перцепции и факультативность сторон А и В; в-третьих, интеракция т. е. совместная трудовая деятельность, может быть в виде физического труда (материальное производство) или в виде умственного труда (духовное производство); это разграничение принципиально важно, потому что совместное духовное производство по сути деласливается с вербальной коммуникацией между участниками (например «мозговая атака», научная полемика, соавторство публикаций), а в случае материального производства такого слияния нет; в-четвертых, эта формула вообще не пригодна для письменного общения или для электронной коммуникации.

В результате простая арифметическая формула: $O(\text{общение}) = A(\text{перцепция}) + B(\text{коммуникация}) + V(\text{интеракция})$ превращается в более сложную логическую формулу:

$$O = A \wedge (B \vee \neg B) \wedge (B \vee \neg B).$$

Формула читается так: общение представляет собой перцепцию Аи (\wedge — знак конъюнкции — логического умножения) вербальную коммуникацию Били (\vee — знак дизъюнкции — логического сложения)отсутствие таковой (\neg — знак отрицания, логическое НЕ)и материальную интеракцию Вили отсутствие таковой. Поскольку случай, когда нет ни Б, ниВ, исключается (общения быть не может), то остаются следующие варианты:

- 1) $O_1 = A \wedge B \wedge V$ — материальный труд, сопровождаемый словесной коммуникацией;
- 2) $O_2 = A \wedge B$ — общение посредством словесной (вербальной) коммуникации, духовный труд, при котором $V = B$;
- 3) $O_3 = A \wedge V$ — материальный труд без словесного сопровождения;
- 4) $O_4 = A \wedge \neg B$ — общение посредством несловесной (невербальной) коммуникации.

Советские философы и социальные психологи, осмысливавшие проблему общения, как правило, имели в виду вариант 1 и отождествляли понятие общения с понятием *derVerkehr* (нем. связь, сообщение, движение), использованное в трудах К. Маркса. Согласно Марксу, общение (*Verkehr*) не ограничивается движением смыслов, оно может принимать материальную форму. Материальное общение отражаетпроизводственные отношения между людьми (разделение труда, владение собственностью, руководство и исполнение), которые реализуются в процессе материального производства. Согласно этому варианту, социальная коммуникация, т. е. движение смыслов в социальном времени и пространстве, оказываетсячастью социального общения.

Остальные варианты показывают ограниченность этого вывода. Вариант 3, где словесная коммуникация отсутствует вообще, снимает вопрос о соотношении общения и коммуникации. Что касается вариантов 2 и 4, то прежде, чем анализировать их содержание, нужно констатировать

неразрывность перцепции не только с общением, но и с устной коммуникацией в вербальном и невербальном виде.

В самом деле, реальное коммуникационное действие во всех его формах — подражание, управление, диалог — обязательно включает восприятие партнерами друг друга, формирование их образов (имиджей) в сознании субъектов коммуникации и эмоциональное их переживание, т. е. перцепцию. Для эффективного управления или диалога важно предугадать реакцию реципиента на то или иное сообщение, нужно знать мотивы, которыми он руководствуется, его ожидания и коммуникационные навыки. С другой стороны, реципиент формирует свое отношение к коммуниканту: безразличие, доверие, симпатия и т. д. Короче говоря, коммуникант и реципиент «моделируют коммуникативно значимые особенности личности собеседника» (А. А. Леонтьев).

Исходя из сказанного, варианты 2 и 4 превращаются в утверждения: общение есть духовный труд в виде словесной (вербальной) коммуникации или общение есть несловесная (невербальная) коммуникация. Можно эти утверждения объединить и тогда оказывается, что устная коммуникация в этих случаях не часть общения (вариант 1), а тождественно общению.

Итак, приходим к следующим выводам:

1. Устная коммуникация: не бывает вне общения, в то время как общение может не включать словесную коммуникацию.

2. Соотношение между устной коммуникацией и общением происходит в двух вариантах:

- коммуникация — духовная составляющая материально-производственного общения (часть общения);
- коммуникация исчерпывает содержание духовного общения (тождественно общению).

3. Устная коммуникационная деятельность есть духовное общение социальных субъектов. Обратим внимание на то, что эта дефиниция не противоречит определению коммуникационной деятельности как движения смыслов в

социальном пространстве; ведь духовное общение социальных субъектов есть не что иное как упомянутое движение.

4. Письменная коммуникация и электронная коммуникация совпадают с письменным общением, поскольку совместная материально-производственная деятельность исключается.

ОБЩЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И КОММУНИКАЦИОННАЯ КАТЕГОРИЯ

Категория «общение» часто отождествляется с категорией «коммуникация». Это отождествление происходит само собой в англоязычных текстах, где кроме communication нет другого слова для перевода русского «общение». В «Психологическом словаре» под редакцией В. П. Зинченко и Б. Г. Мещерякова (М.: Педагогика-Пресс, 1996) дана отсылка: Коммуникация, см. Общение. Общение же определяется как «взаимодействие двух или более людей, состоящее в обмене между ними информацией познавательного или аффективного характера», т. е. обмене знаниями или эмоциями. Обществовед Ю. Д. Прилюк пришел к выводу, что «этимологически и семантически термины «общение» и «коммуникация» тождественны»²¹.

Однако есть социальные психологи, придерживающиеся более широких взглядов. Б. Д. Парыгин утверждает: «Под общением надо иметь в виду не только отношения симпатии или антипатии в масштабах малой группы, но и всякое вообще социальное отношение — экономическое, политическое, поскольку оно имеет свою социально-психологическую сторону и проявляется в более или менее опосредованном контакте между людьми... Вся совокупность социальных отношений общества независимо от их масштабности (микро- или макросреда) может рассматриваться как одно из проявлений и результатов общения между людьми»²².

Отождествление категорий «общение» и «социальная коммуникация» было бы самым легким и простым решением, но есть опасность утратить при этом важные аспекты категории «общения», упущенные коммуникационными

теориями. Обычно общение включается в практическую деятельность людей (совместный труд, познание, игра), хотя отмечается и возможность обособления общения в самостоятельную активность, удовлетворяющую потребности человека в контактах с другими людьми, т. е. коммуникационную потребность. В общем случае различаются три стороны, или три плана общения (Г. М. Андреева, Б. Д. Парыгин, А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский):

А. Перцептивная сторона — взаимное восприятие, стремление к пониманию мотивов поведения партнеров;

Б. Коммуникативная сторона — обмен высказываниями, знаковыми сообщениями;

В. Интерактивная сторона — обмен не только словами, но и действиями согласно принятой программе совместной практической деятельности.

Таким образом, общение предстает как сумма трех различных процессов: перцепция (познание людьми друг друга) + коммуникация, принимаемая как вербально-словесно-речевая деятельность + совместные целенаправленные действия, например строительство дома или игра в футбол. В этом уравнении допущены четыре упрощения: во-первых, коммуникативная сторона сводится к вербальной коммуникации, состоящей в обмене высказываниями, и упускается из виду бессловесное общение между людьми, например, взаимопонимание игроков сыгранной футбольной команды или партнеров в танце, согласованные действия охотников на крупного зверя или солдат на поле боя и т. п.; во-вторых, учитывая случай превращения коммуникации в содержание общения, когда выпадает сторона В, следовало бы констатировать обязательность присутствия во всех случаях общения акта перцепции и факультативность сторон Б и В; в-третьих, интеракция т. е. совместная трудовая деятельность, может быть в виде физического труда (материальное производство) или в виде умственного труда (духовное производство); это разграничение принципиально важно, потому что совместное духовное производство по сути деласливается с вербальной коммуникацией между участниками (например «мозговая атака», научная полемика, соавторство публикаций), а в случае материального производства

такого слияния нет; в-четвертых, эта формула вообще не пригодна для письменного общения или для электронной коммуникации.

В результате простая арифметическая формула: $O(\text{общение}) = A(\text{перцепция}) + B(\text{коммуникация}) + V(\text{интеракция})$ превращается в более сложную логическую формулу:

$$O = A \wedge (B \vee \neg B) \wedge (V \vee \neg V).$$

Формула читается так: общение представляет собой перцепцию A (\wedge — знак конъюнкции — логического умножения) вербальную коммуникацию B или (\vee — знак дизъюнкции — логического сложения) отсутствие таковой (\neg — знак отрицания, логическое НЕ) и материальную интеракцию V или отсутствие таковой. Поскольку случай, когда нет ни B , ни V , исключается (общения быть не может), то остаются следующие варианты:

- 1) $O_1 = A \wedge B \wedge V$ — материальный труд, сопровождаемый словесной коммуникацией;
- 2) $O_2 = A \wedge B$ — общение посредством словесной (вербальной) коммуникации, духовный труд, при котором $V = B$;
- 3) $O_3 = A \wedge V$ — материальный труд без словесного сопровождения;
- 4) $O_4 = A \wedge \neg B$ — общение посредством несловесной (невербальной) коммуникации.

Советские философы и социальные психологи, осмысливавшие проблему общения, как правило, имели в виду вариант 1 и отождествляли понятие общения с понятием *der Verkehr* (нем. связь, сообщение, движение), использованное в трудах К. Маркса. Согласно Марксу, общение (*Verkehr*) не ограничивается движением смыслов, оно может принимать материальную форму. Материальное общение отражает производственные отношения между людьми (разделение труда, владение собственностью, руководство и исполнение), которые реализуются в процессе материального производства.

Согласно этому варианту, социальная коммуникация, т. е. движение смыслов в социальном времени и пространстве, оказывается частью социального общения.

Остальные варианты показывают ограниченность этого вывода. Вариант 3, где словесная коммуникация отсутствует вообще, снимает вопрос о соотношении общения и коммуникации. Что касается вариантов 2 и 4, то прежде, чем анализировать их содержание, нужно констатировать неразрывность перцепции не только с общением, но и с устной коммуникацией в вербальном и невербальном виде.

В самом деле, реальное коммуникационное действие во всех его формах — подражание, управление, диалог — обязательно включает восприятие партнерами друг друга, формирование их образов (имиджей) в сознании субъектов коммуникации и эмоциональное их переживание, т. е. перцепцию. Для эффективного управления или диалога важно предугадать реакцию реципиента на то или иное сообщение, нужно знать мотивы, которыми он руководствуется, его ожидания и коммуникационные навыки. С другой стороны, реципиент формирует свое отношение к коммуниканту: безразличие, доверие, симпатия и т. д. Короче говоря, коммуникант и реципиент «моделируют коммуникативно значимые особенности личности собеседника» (А. А. Леонтьев).

Исходя из сказанного, варианты 2 и 4 превращаются в утверждения: общение есть духовный труд в виде словесной (вербальной) коммуникации или общение есть несловесная (невербальная) коммуникация. Можно эти утверждения объединить и тогда оказывается, что устная коммуникация в этих случаях не часть общения (вариант 1), а тождественно общению.

Итак, приходим к следующим выводам:

1. Устная коммуникация: не бывает вне общения, в то время как общение может не включать словесную коммуникацию.
2. Соотношение между устной коммуникацией и общением происходит в двух вариантах:
 - коммуникация — духовная составляющая материально-производственного общения (часть общения);

- коммуникация исчерпывает содержание духовного общения (тождественна общению).

3. Устная коммуникационная деятельность есть духовное общение социальных субъектов. Обратим внимание на то, что эта дефиниция не противоречит определению коммуникационной деятельности как движения смыслов в социальном пространстве; ведь духовное общение социальных субъектов есть не что иное как упомянутое движение.

4. Письменная коммуникация и электронная коммуникация совпадают с письменным общением, поскольку совместная материально-производственная деятельность исключается.

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

1. Виды памяти и мнемические действия
2. Информационная модель индивидуальной памяти
3. Групповая социальная память
4. Структура социальной памяти общества
5. Противоречия общественного познания

Для раскрытия сущности и специфических особенностей социальной памяти полезно сопоставлять ее с другими типами памяти, которые соответствуют другим типам смысловой коммуникации. Как показано на рисунке 1.2, помимо социальной коммуникации, существует еще генетическая и психическая коммуникация со своими смыслами и хронотопами. Следовательно, вырисовываются **три типа памяти:**

- генетическая;
- психическая;
- социальная.

Генетическая память, или **наследственность** (память биологического вида или родовая память) обеспечивает движение в биологическом времени генетических программ, инстинктов, безусловных рефлексов и биологических образов, свойственных данному виду. Материальным носителем генетической памяти служат нуклеиновые кислоты (ДНК и РНК), посредством которых закодированы генетические смыслы. Совокупность этих смыслов образует генофонд — материальное воплощение генетической памяти. Наследственность представляет консервативность живых организмов, выступая в неразрывной связи с **изменчивостью**, обусловленной воздействием внешней среды и жизненным опытом индивидуальных особей.

Помимо генетической памяти, биологи еще различают *нейрофизиологическую* память — устойчивые связи в нервной системе,

возникшие во время жизни особи, например условные рефлексы, и *биохимическую* память, хранящую индивидуальные биохимические изменения, например иммунитет. Эти виды памяти несут следы внешних воздействий некоммуникационного характера, поэтому они не представляют для нас интереса. Исключение — дрессировка животных и воспитание условных рефлексов в лабораторных условиях (опыты И. П. Павлова), где коммуникационное сообщение (сигналы) налицо. Что же касается наследственности (генетической памяти), то она определяет врожденные структуры и качества индивидуальной человеческой памяти, а также этнопсихологические особенности социальной памяти, и поэтому мы не можем ее не учитывать¹. Наследственность — готовый для индивидуального опыта запас потенциальных психических особенностей и их связей.

Психическая память понимается в психологии как сохранение и последующее воспроизведение человеком его опыта. Под опытом подразумеваются знания, умения (навыки), эмоциональные переживания и волевые стимулы (желания, интересы, ценностные ориентации), т.е. то, что мы назвали смыслом. Действительно, бессмысленный опыт в памяти не фиксируется, а смысл всегда постигается человеком благодаря опыту. Поэтому наше определение психической памяти не противоречит общепринятой в психологии трактовке. Надо заметить, что в последнее время в связи с распространением в психологии информационного подхода память стали определять как «передачу информации по временному каналу»². Информационные модели памяти наглядны, и мы их продемонстрируем в дальнейшем, но нельзя не отметить, что авторы этих моделей не поясняют, что они понимают под «информацией». По сути дела информация отождествляется со «смыслом» и «опытом», и не более того.

По содержанию различаются следующие разделы **индивидуальной памяти**:

- **образный** (зрительный, слуховой, осязательный) — память о восприятиях и представлениях, полученных благодаря органам чувств; этот раздел можно назвать **фактографическим**, потому что он сохраняет образы эпизодов, событий, явлений, которые человеку случилось наблюдать в течение его жизни;
- **семантический** (смысловой) или **словесно-логический раздел** — память на слова, понятия, высказывания, абстрактные идеи, короче — память о языках, текстах и знаниях, выраженных на этих языках; этот раздел памяти иногда называют **тезаурус**³;
- **аффективный** — хранилище положительных и отрицательных эмоций, «память сердца»;

¹ Наследственность изучает **психогенетика** — наука на стыке генетики и психологии. См.: Щербо И. В., Марютина Т. М., Григоренко Е. Л. Психогенетика: Учебник для вузов. — М.: Аспект Пресс, 1999. — 447 с.

² Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. — М., 1998. — С. 505.

³ Тезаурус (греч. — сокровищница) — совокупность лексических единиц (слов, устойчивых словосочетаний) или высказываний с фиксированными смысловыми (парадигматическими) отношениями между ними (отношения род — вид, целое — часть, сходство, противоположность, предмет — свойство, ассоциации и т.д.).

- **моторный** — раздел памяти о реакции на данные стимулы, управляющие поведением (условные рефлексы — разновидность моторной памяти); здесь хранятся фиксированные установки, т. е. готовность действовать определенным образом (Д. Н. Узнадзе); восприятие путем подражания и выработанные личным опытом умения, навыки, приемы, привычки;

- **самосознание** — сохранение самоидентичности, своего Я, своей «самости».

Нетрудно увидеть, что разделы памяти различаются по хранимым ими смыслам, что подтверждает формулировку «память — движение смыслов во времени». Именно *движение*, а не запечатленные в мозговом веществе изображения и письма. Поэтому память тождественна **мнемической деятельности** (мнема — греч. «память»). Подобно всякой сложной деятельности, мнемическая деятельность складывается из действий. Различаются следующие **мнемические действия**:

- **Запоминание** (в информационных моделях говорят «ввод информации») — восприятие органами чувств внешних сигналов, стимулов, образов, их мысленная обработка (опознание, ассоциации с имеющимися в памяти смыслами, оценка) и формирование нового смысла, который включается в тот или иной вид памяти. Запоминание может быть *непроизвольным*, совершающимся без волевых усилий, и *сознательным*, преднамеренным; целенаправленно организованное запоминание есть **заучивание**.

- **Сохранение** — собственно мнемический процесс — движение смыслов во времени без их исчезновения. С. Л. Рубинштейн (1889— 1960) отмечал в своем классическом учебнике по общей психологии: «Само сохранение — это не пассивное хранение материала, не простое его консервирование. Сохранение — это динамический процесс, включающий какую-то более или менее выраженную переработку материала, предполагающую участие различных мыслительных операций (обобщения, систематизации и т.д.)... оно включает освоение и овладение материалом, его переработку и отбор, обобщение и конкретизацию, систематизацию и детализацию и т. д.»⁴. Важным условием сохранения является **повторение** акта запоминания.

- **Воспроизведение** (вывод информации) — извлечение хранящихся в памяти смыслов и использование их в практической жизни. **Воспоминание** — сугубо человеческий способ воспроизведения запомнившихся смыслов, являющийся результатом внутри-личностной коммуникации, диалога с собственной памятью. Воспоминание, как и запоминание, может быть непроизвольным, а может быть сознательным.

- **Забывание** — освобождение памяти от неактуальных смыслов, не востребованных в практической деятельности. Однако, как выяснилось, человеческая память обладает способностью десятилетиями сохранять образы, факты, тексты, казалось бы давным-давно позабытые. Канадский нейрохирург У. Пенфилд обнаружил, что электрическое раздражение некоторых участков коры головного мозга вызывает у пациентов картины далекого прошлого. Так, одна пациентка вспомнила любимую в детстве мелодию, которую позже ни

⁴ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2-х тт. Т.1. — М., 1989. — С. 303.

разу не слышала. Аналогичных результатов добиваются гипнотизеры. Таким образом границы и критерии забывания оказались относительными.

Благодаря индивидуальной памяти человек выходит за пределы своей наследственности и усваивает социальный опыт, воплощенный в культурном наследии общества. Прежде всего ребенок овладевает родным языком и первичными навыками поведения в кругу семьи. Затем он приобщается к смыслам и ценностям своих сверстников, а в школе начинается педагогически организованное изучение культурного наследия общества. Всякое изучение (научение) заключается в **понимании и запоминании** некоторых символов. Например, изучить историю России XVII века или французский язык означает прочно зафиксировать и систематически упорядочить в тезаурусе факты, концепции, понятия, имена, лексику и грамматику, а в моторном разделе запечатлеть навыки произношения и восприятия французской речи. Профессионализация обогащает индивидуальную память такими знаниями и умениями, которые позволяют ему стать специалистом в каком-то полезном деле.

Ясно, что любое освоение социального опыта, изучение культурного наследия, профессионализация и т. п. — это коммуникационная деятельность. Конечным реципиентом здесь является индивидуальная память, в которой концентрируются полученные смыслы. А кто выступает в качестве коммуниканта? Другие люди (микрокоммуникация), социальные группы (мидикоммуникации), общество в целом (макрокоммуникации), но они могут выполнять функции коммуниканта только в том случае, если обладают памятью, в которой сосредоточены передаваемые смыслы. Коммуникант, который ничего не помнит, выпадает из коммуникации. Всякая смысловая коммуникация есть взаимодействие не между субъектами, а между памятьми, точнее — тезаурусами, этих субъектов. Элементарную схему коммуникационной деятельности (см. рис. 1.1) можно даже представить в виде:

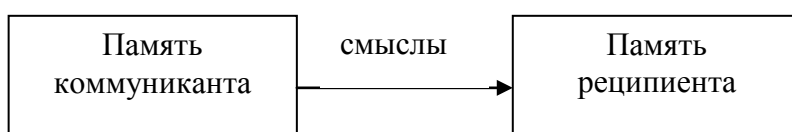

Рис. 3.1. Элементарная схема смысловой коммуникационной деятельности

Память коммуниканта является индивидуальной памятью, если речь идет о микрокоммуникации, и социальной, если речь идет о мидикоммуникации или микрокоммуникации. Стало быть, нужно разделять два вида социальной памяти, носителями которых являются разные социальные субъекты: **групповая память и память общества**. Существует еще понятие **общечеловеческая память или память мира**, субъектом которой мыслиться все человечество. Мы рассмотрим эти виды социальной памяти, но сначала завершим разговор о памяти индивидуальной.

Индивидуальная память сообщает связность и устойчивость жизненному опыту человека и является предпосылкой формирования социализированной личности. С. Л. Рубинштейн хорошо сказал: «Без памяти мы были бы существами мгновения. Наше прошлое было бы мертво для будущего. Настоящее, по мере его протекания, безвозвратно исчезало бы в прошлом. Не было бы основанных на прошлом ни знаний, ни навыков. Не было бы психической жизни»⁵.

Однако механизмы памяти неизвестны и загадочны. В самом деле, в результате метаболизма происходит постоянное обновление организма, отмирание и рождение новых клеток, внешние и внутренние изменения. Дитя и муж, юноша и старик, носящие одно и то же имя, совершенно не похожи ни физиологически, ни психологически. Но все метаморфозы индивида объединяет память. Непонятным образом память о детстве сохраняется в сознании старика, как будто мнемические структуры не подвластны переменам. Как это возможно в вечно изменяющемся теле? Как будто кристаллы льда в кипящей воде. Наука не знает ответа на этот вопрос. Чтобы получить представление о современном уровне наших знаний, рассмотрим информационную модель индивидуальной памяти, предложенную американским психологом Ричардом Аткинсоном.

5. Информационная модель индивидуальной памяти

6.

Структурно-функциональная блок-схема памяти, предложенная Р. Аткинсоном, приведена на рис. 3.2. Система памяти включает следующие функциональные блоки:

Сенсорный регистр (СР) — «вход» в систему памяти, куда поступают зрительные, слуховые, тактильные образы, воспринятые из внешней среды органами чувств (рецепторами), которые представляют собой входную сенсорную информацию. Поступившая сенсорная информация оценивается блоком управления и часть ее отбирается для передачи в **КВХ** и **ДВХ**, оставшаяся часть стирается.

Кратковременное хранилище (КВХ) — это оперативная память индивида, которая осуществляет обработку информации, поступившей из **СР**, с целью ее отбора для долговечного хранения. Таким образом **КВХ** реализует действие запоминания. Действие воспроизведения также входит в функции **КВХ**.

Долговременное хранилище (ДВХ) включает главные разделы памяти (образная, семантическая, аффективная, моторная память) и выполняет главную функцию — хранение смыслов. Забывание также функция **ДВХ**, поскольку в **СР** и **КВХ** стирание информации осуществляется очень быстро.

Генератор ответа — блок, обеспечивающий выдачу информации из **ДВХ** или **КВХ** при сознательном воспоминании и направление ее в эффекторы, воздействующие на внешнюю среду.

⁵ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2-х тт. Т.1. — М., 1989. — С. 302.

Блок управления обеспечивает движение информационных потоков и их обработку: распознавание образов, обобщение, повторение, принятие решения, внутриличностный диалог и т.д.

Р. Аткинсон обращает внимание на следующие особенности своей модели:

1. Информация кодируется двумя видами кодов: перцептивные коды (**П-коды**) отражают перцептивные, чувственно воспринимаемые характеристики сенсорной информации, поступающей в **СР**; концептуальные коды (**К-коды**) относятся к семантическим, умозрительно постигаемым элементам. Сочетанием этих кодов фиксируются смыслы, хранящиеся в разных разделах памяти. Большое внимание уделяется организации фактографических и семантических разделов.

2. Физиологические основы **КВХ** и **ДВХ** различны. Кратковременное запоминание обеспечивается циркулированием импульсов в замкнутых нейронных цепях без перестройки самих цепей. Долговременное хранение требует структурных изменений в нейронных сетях. Существуют различные гипотезы о сущности этих изменений.

3. Блоки, показанные на схеме рис. 3.2, представляют собой не отдельные узлы нейронов, а разные фазы активации одной и той же неврологической структуры. Другими словами, одно и та же группа нейронов может выполнять функции **СР**, **КВХ** и **ДВХ**.

4. Записи **П-кодов** и **К-кодов** в **ДВХ** имеют адреса, известные блоку управления. Извлечение информации из **ДВХ** является содержательно-адресным процессом.

Модель Р. Аткинсона страдает техницизмом, упрощающим сложные умственные процессы. В ней не нашли отражения внутриличностные источники смыслов, питающие память, такие как самосознание, личностные ценностные ориентации, убеждения, симпатии и антипатии (злопамятность, добродушие). Ее можно рассматривать в качестве первого приближения к пониманию механизма мнемической деятельности.

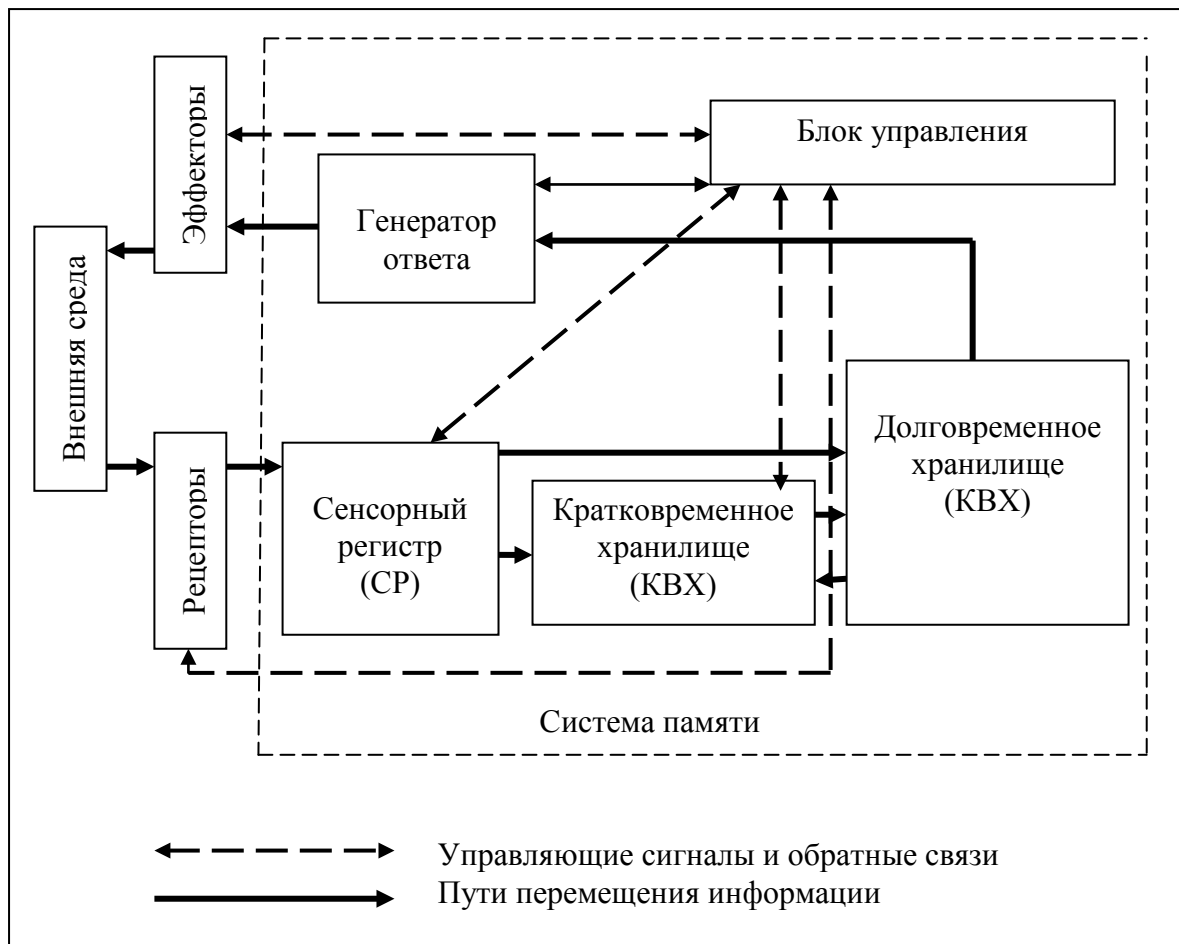

Рис.3.2. Структурно-функциональная блок-схема памяти (по Р. Аткинсону)

3. Групповая социальная память

Структура и содержание групповой памяти зависит от субъекта-носителя, т.е. социальной группы, которой принадлежит эта память. В социологии различают малые социальные группы, большие социальные группы и массовые совокупности (случайная толпа, массовая аудитория и т.п.). **Малыми группами** являются семья, первичная возрастная группа («ребята нашего двора»), производственная ячейка (бригада, команда, экипаж, отдел), досуговая компания (клуб по интересам). Для малых групп характерна непосредственная межличностная микрокоммуникация в формах **И п И**, **И д И**, **И у И** (см. табл. 2.1). **Большие социальные группы** — это совокупность людей, обладающих общими социальными признаками: а) *социально-демографические* группы формируют такие признаки, как возраст, пол, образование, национальность; б) *производственно-экономические* группы образуются по имущественному цензу, сословно-классовой принадлежности, профессии; в) *общественные объединения*: политические партии религиозные концессии, профсоюзы, молодежные союзы, советы ветеранов и т.д. **Массовые совокупности** делятся на *эпизодические*, существующие кратковременно, например толпа на улице, и *стабильные* типа населения или общества.

Очевидно, что эти эпизодические массовые совокупности никакой групповой памятью не обладают и обладать не могут, в отличие от стабильных сообществ, имеющих социальную память (см. раздел 3.4). Малые группы с развитой диалоговой коммуникацией имеют неовещественную память в виде

общих воспоминаний (памятные события, встречи, приключения, смешные истории и т. д.) и овеществленные реликвии (фотографии, символы, охотничьи трофеи, письма, звукозаписи и т.д.). По сути дела групповая память малых групп — это сумма индивидуальных памятей их членов и значима только в пределах группы.

В больших социальных группах, да и то не во всех, обнаруживается потребность в специальной групповой памяти и возможности для ее формирования. Многочисленные и рассредоточенные социально-демографические группы не нуждаются в специальной памяти; группы с общим имущественным цензом и сословно-классовой принадлежностью также не создают особых мнемических образований. Дело в том, что эти группы не имеют общих социальных смыслов (знаний, умений, эмоций, стимулов), которые требовали бы передачи во времени. Потребность в социальной групповой памяти обнаруживают профессиональные группы и общественные объединения, которые можно назвать **целевыми социальными группами**.

Целевые социальные группы берут на себя выполнение определенных общественных функций, что требует консолидации группы, фиксирования положительного опыта, сохранения и передачи его между членами группы. Ради этого целевыми и социальными группами создается система социальной коммуникации, включающая особую групповую память. Особенно развитую групповую память с древних времен создавало жречество, скрывая в ней эзотерическое (тайное) знание, в средние века — врачи и юристы, в новое время — ученые и политики.

Групповая память целевых социальных групп включает следующие разделы:

- специальный язык, изобилующий понятиями и терминами, не понятными непосвященным;
- массив недокументированных знаний, изустно передаваемых современниками, а также четко осознаваемое самосознание;
- профессиональные нормы, включающие кодекс чести, клятвы и присяги, например, «клятва Гиппократата», а также обычаи общения внутри группы и вне ее; эти нормы поддерживают обособленность группы и ее закрытость для прочей массы населения;
- технологические умения, связанные с выполнением профессиональных или специальных общественных функций (особенно характерно для врачей, священнослужителей, юристов, политических лидеров);
- документальные фонды специальных произведений письменности и печати — основной источник и носитель группового знания; в этих фондах хранятся также символы, эмблемы, групповые реликвии, подлежащие долговременному хранению;
- материальные изделия, например: медицинский инструментарий и фармакологические вещества, специальные постройки и помещения (храмы, лаборатории, лектории), техника связи и т.д.

Благодаря групповой памяти целевые социальные группы образуют свою субкультуру, которая противостоит господствующей массовой культуре, базирующейся на естественно-исторически сложившейся памяти общества.

Память национальных диаспор, существующих в иноязычной среде, по своей структуре приближается к памяти целевых групп.

Итак, с точки зрения мнемической деятельности социальные группы делятся на три класса:

- «Беспамятные» — эпизодические массовые совокупности и большие статистические группы.

- Групповая память — сумма индивидуальных воспоминаний — малые группы, включая семью и дружеские компании.

- Групповая память с развитой структурой, имеющей неовещественную и овещественную части, свойственна целевым социальным группам. Забегая вперед, отметим, что структурированная групповая память подобна (изоморфна) культурному наследию общества (см. след, раздел), но есть существенная разница между групповой и общественной памятью: групповая память не имеет *бессознательной* психической основы, а у исторически сложившихся обществ она есть.

4. Структура социальной памяти общества

Содержание памяти стабильных массовых совокупностей типа общества (социума) образуют социальные смыслы — знания, умения, стимулы, эмоции, полезные для жизни данного общества (бесполезные смыслы из памяти выпадают). Социальные смыслы бывают естественными (внекультурными, передаваемыми генетически) и искусственными, т. е. культурными, созданными коллективным разумом общества. Соответственно, социальная память состоит из двух слоев:

- **социальное бессознательное**, наследуемое генетически, в том числе этническая психология, архетипы, социальные инстинкты («потребность в другом человеке», сочувствие, подчинение лидеру и т.п.);

- **культурное наследие**, состоящее, во-первых, из *неовещественной* (неопредмеченной) части, представляющей собой общественное сознание в виде национального языка, обычаев, знаний и умений, полученных от предыдущих поколений или созданных данным поколением, и *овещественной* (опредмеченной) части, состоящей из памятников культуры в виде артефактов (искусственно созданных изделий), документов (специальных коммуникационных сообщений) и освоенной обществом природы: пашни, полезные ископаемые, домашний скот и т. п.

Неовещественную часть культурного наследия (общественное сознание) можно назвать *духовной культурой (ДК)*, а овещественную—*материальной культурой (МК)*.

Социальное бессознательное служит психологической основой для неовещественной части культурного наследия и опосредованно отражается в памятниках культуры. Получается трехслойная пирамида (рис. 3.3).

Социальный менталитет — это *живая* социальная память, представляющая собой единство осознанных и неосознанных смыслов, грубо говоря, менталитет = сознание + бессознательное. Бессознательная часть социального менталитета состоит из общечеловеческих (родовых) смыслов,

которые К. Юнг назвал «архетипами»⁶ и этнических смыслов, изучаемых этнопсихологией.

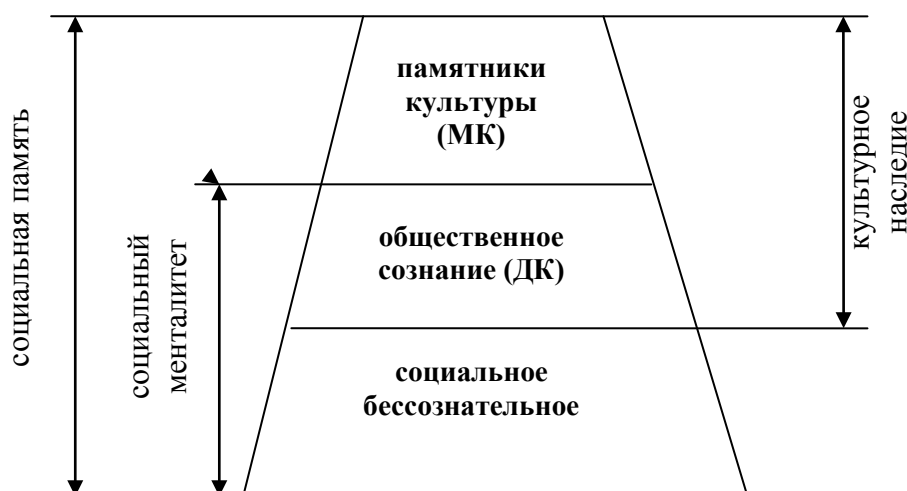

Рис.3.3. Слои социальной памяти

Архетипы (досл. «преформы») — это смыслы социального (коллективного) бессознательного, передаваемые из поколения в поколение генетическим путем. Юнг приводит следующие примеры архетипов: Анима — женское начало в бессознательном мужчин и Анимус — мужское начало в бессознательном женщин, архетип Матери, архетип Ребенка, репрезентирующий состояние детства, архетип Духа, имеющий злой и добрый аспект. Архетипы обнаруживают себя в сновидениях, в бредовых идеях душевнобольных, фантазиях в состоянии транса. Юнг дает следующее толкование: «Коллективное бессознательное есть часть психики, которую можно отделить от личного бессознательного только негативно как нечто, что не обязано своим существованием личному опыту и потому не является личным приобретением. В то время как личное бессознательное по существу состоит из смыслов, которые одно время были осознанными, но все-таки исчезли из сознания, — потому, что были забыты или вытеснены, — смыслы коллективного бессознательного никогда не были в сознании и никогда таким образом не были приобретены индивидуально, но обязаны своим бытием исключительно унаследованию»⁷.

Генетически передаваемыми смыслами являются способности строить предложения, различать причину и следствие, сходные и различные предметы, считать предметы, т.е. простейшие лингвистические и логические способности, точнее говоря — задатки этих способностей.

Архетипы — суть элемент общечеловеческой социальной психологии, но «человечества вообще» нет, человечество делится на расы и этносы, обладающие собственным генофондом. В этнических генофондах запечатлены те особенности национального характера, которые позволяют говорить о

⁶ См., например: Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К.Г. Архетип и символ. — М., 1991. — С. 95—198.

⁷ Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуализации. 1996. — С.10.

«славянской душе», «нордическом», еврейском, китайском и др. характерах. Этнические особенности непосредственно отражаются в творческой и коммуникационной деятельности народов, в народных промыслах и ремеслах, в художественных изделиях и вкусах, в фольклоре и литературе, в обычаях и образах жизни и т.п. Культурное наследие общества всегда национально окрашено, но вместе с тем включает общечеловеческие, наднациональные смыслы, например, математику и технические решения.

Неовещественное культурное наследие — духовная культура (ДК) особенно тесно связана с этнической психологией, и эта связь наглядно проявляется в следующих разделах ДК:

ДК. 1. Естественный национальный язык необходимый конституирующий элемент любого этноса (нации, народа). Он не является «даром богов» и не изобретается гениальными «мужами», а возникает в ходе социального общения естественным путем, поэтому его правомерно называть «естественным» в отличие от искусственных языков, действительно придуманных людьми. Язык является основой духовной культуры и важнейшим носителем социальной памяти. Об этом хорошо сказал К. Д. Ушинский: «В сокровищницу родного языка складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы пережитого горя и прожитой радости, — словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая большая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, исторически живое целое»⁸.

У И. С. Тургенева, назвавшего русский язык великим, могучим, правдивым и свободным, были веские основания для уверенности в том, что такой язык «дан великому народу». Мертвые языки великих народов (санскрит, латинский, древнегреческий, древнееврейский и др.) и искусственные языки (эсперанто, математическая и химическая символика и пр.) относятся к документированной части овеществленной памяти.

ДК. 2. Недокументированные смыслы — это знания о прошлом и настоящем, эмоциональные переживания и желания, распределенные в индивидуальной памяти современников, образующих данное общество. Здесь народная память об исторических событиях и исторических личностях, фольклор и литературные герои, мифы и практический опыт. Здесь же социальные чувства, например, чувство национальной гордости или национального унижения, стремление к национальному освобождению или реваншу, исторически сложившиеся симпатии и антипатии и текущие общественные настроения. Важнейшее значение для существования общества имеет его **самосознание**, т. е. осознание принадлежности к определенному социальному единству, присущее индивидуальным членам общества. Самосознание — это не запись в паспорте, а осознанное ощущение своих этнических и культурных корней.

Недокументированные смыслы общественного сознания можно разделить на две части: *кратковременная* память, аналогичная кратковременному

⁸ Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. — М., 1945. — С. 206.

хранилищу (КВХ) индивидуальной памяти, и *долговременная* память. Продолжительность кратковременной памяти измеряется временем жизни одного поколения — свидетеля тех или иных памятных событий. Долговременная память представляет собой передачу смыслов из поколения в поколение в течение многих веков. Конечно, не все смыслы удастаиваются долговременного хранения; к ним относятся фольклорно-мифологические предания и традиции, самосознание и технические умения.

В дописменном обществе роль долговременной недокументированной памяти была особенно важна, и эту роль выполняли поэтически одаренные люди. Поэт становился летописцем, служителем не текущих забот и желаний, а социальной памяти родного сообщества. В. Н. Топоров проникновенно сказал об этом: «Поэт как хранитель обожествленной памяти выступает хранителем традиций всего коллектива. Нести память, сохранять ее в нетленности нелегко (ей противостоит темная сила Забвения, воплощенная в мертвой воде загробного мира; вкушение этой воды приводит к беспомыслению, отождествленному со смертью). Память греки называли «источником бессмертия». Следовательно, память и забвение относятся друг к другу как жизнь, бессмертие — к смерти (сравни: Мнемозина — Лета). Поэт несет в себе для людей не только память, но и жизнь, бессмертие. Память, носителем которой является поэт, воплощена в созданных им поэтических текстах, связанных с событиями, имевшими место при акте творения»⁹.

Появление письменности не упразднило долговременную недокументированную память. Она дает о себе знать, например, в следующих фактах:

1. Бессилие тоталитарной власти заставить народ позабыть свое прошлое, вычеркнуть его полностью или частично из социальной памяти. Лидия Чуковская с удивлением констатировала во времена «оттепели»: «В нашей стране противостоит лжи и фальсификации стойкая память, неизвестно кем хранимая, неизвестно, на чем держащаяся, но упорная в своей кротовой работе»¹⁰. Анна Ахматова, в свою очередь, восхищалась: «Вот что значит великая страна. От них все упрятали, а они все открыли»¹¹.

2. Неожиданная актуализация смыслов, принадлежащим давно ушедшим временам. Ю. М. Лотман отмечал, что детали римской истории и культуры обрели новую жизнь в культуре XVIII века: Бабеф принял имя Гракха, Радищев связал свою жизненную программу с Катонем Утическим, непримиримым противником Юлия Цезаря, зато Наполеон выбрал Цезаря своим образцом. Петр I, объявив себя императором, импортировал в Россию античную мифологию к недоумению и ужасу православных обывателей. Нельзя не вспомнить о «вечных сюжетах», таких как доктор Фауст, образ которого прошел через немецкий фольклор, творчество Гете, Т. Манна и других писателей. Наконец, в постсоветской России возродились монархисты и дворяне, православные ортодоксы и религиозные философы, казалось бы

⁹ Топоров В. Н. Об «экропическом» пространстве поэзии // От мифа к литературе. — М., 1993. — С. 31.

¹⁰ Чуковская Л. Процесс исключения. — Париж, 1979. — С. 125.

¹¹ Там же. — С. 156.

искорененные советским режимом. Правда, Россию «серебряного века» регенерировать не удалось.

ДК. 3. Социальные нормы и обычаи относятся к «моторному» разделу социальной памяти, где хранятся регулятивы, обеспечивающие воспроизведение (устойчивость, стабильность) общества. Нормы делятся на естественные, развившиеся естественно-историческим путем и искусственные, установленные властью. Естественные нормы реализуются посредством самодеятельности людей (поэтому их можно назвать «обычаи»), а искусственные учреждаются в форме законов, указов, декретов за счет авторитета и контроля власти.

Органической частью долговременной социальной памяти являются ритуально-этикетные псевдоигры, подробно рассмотренные в пункте 2.5.2. Залогом жизнестойкости обычаев и ритуалов служит их соответствие этнопсихологическим особенностям данного народа. Народные праздники, восходящие к временам язычества, обычаи гостеприимства, свадебные и похоронные обряды имеют многовековую историю у всех народов и бывают весьма своеобразны. Так например, Геродот в своей «Истории» писал: «Каждый народ убежден, что его собственные обычаи и образ жизни некоторым образом наилучшие... Царь Дарий во время своего правления велел призвать эллинов, бывших при нем, и спросил, за какую цену они согласны съесть своих покойных родителей. А те ответили, что ни за что на свете не сделают этого. Тогда Дарий призвал индийцев, так называемых коллатиев, которые едят тела покойных родителей, и спросил, за какую цену они согласны сжечь на костре своих покойных родителей, а те громко вскричали и просили царя не кощунствовать. Таковы обычаи народов, и мне кажется, что прав Пиндар, когда говорит, что обычай — царь всего».

ДК. 4. Технологические умения — другая часть «моторной социальной памяти, но в отличие от обычаев, технологические умения не несут неперменной этнической окраски. Они представляют собой способность производить материальные и духовные ценности, соответствующие современному уровню научно-технического прогресса. Уметь что-либо сделать — значит уметь создать мысленный образ изделия (идея вазы, топора, станка, скульптуры, поэмы), составить целесообразный план материального воплощения этого образа и располагать необходимыми для этого методами и инструментами (способы литья, навыки черчения, владение техникой стихосложения и т.д.). Умения запечатлеваются на изделиях, чем и обусловлена мнемическая функция изделий (артефактов).

Наши психологи (А. Н. Леонтьев и др.) ввели понятие «исторического наследования способностей», толкуя его следующим образом. Поскольку орудия труда и другие артефакты являются воплощением технологических способностей создавшего их поколения, то последующие поколения, осваивая их, наследуют не только вещи, но и способности их создателей. Однако новое неизбежно вытесняет старое из общественного обихода, и многие ценные находки предков, не будучи документированы, были утрачены. Так, забыт рецепт дамасской стали, мотивы древнегреческой музыки, марши римских легионеров, письменность этрусков и т.д.

Колыбелью технологических умений были ремесла. Многочисленным мифы о происхождении ремесел говорят о том, что, создавая вещь, человек как бы повторял операции, которые в начале мог выполнить лишь Творец вселенной. Поэтому кузнецам, гончарам, строителям приписывалась способность вступать в диалог с природой, понимать ее язык, а сами технологические умения относились к сокровенному священному знанию, доступному лишь избранным. Эти умения передавались от мастера к ученикам путем подражания. Технология духовного производства (изобразительное искусство, хоровое пение, танец) также передавалось в живом общении. Изобретение письменности мало повлияло на передачу технологических умений. Дело в том, что умения реализуются в форме приемов и навыков (*ноу-хау*), которые не документируются, ибо представляют собой личностное, невыразимое словами достояние мастера.

Овеществленное культурное наследие или материальная культура (**МК**) состоит из трех разделов:

МК. 1. Документы. — Понятие «документ» появилось в научной терминологии в начале XX века. Основоположник документации как науки и области практической деятельности Поль Отле (1868—1944) предложил расширить принятые тогда книжные рамки библиотечного дела и библиографии за счет включения не только журнальных статей, но и газетных сообщений, статистики, фирменной рекламы, гравюр, фотографий, схем, диаграмм и т.п. Все эти источники информация Отле стал именовать «документами», понимая под документом «все, что графическими знаками изображает какой-либо факт или идею». Ясно, что произведение печати, наряду с первобытной графикой и живописью, охватывается понятием «документ».

Теоретическая мысль отечественных книговедов двигалась в том же направлении, что и мысль документалиста Отле. Правда, они не отказывались от термина «книга», но трактовали его своеобразно. М. Н. Куфаев (1888 — 1948) писал: «Книга есть вместилище мысли и слова человека, взятых в их единстве и выраженных видимыми знаками», и далее пояснял, что книгой можно считать «иероглифы на сфинксах или камнях храма, папирусный свиток, шкуры и т.п., а теперь — фонографические валики и грампластинки»¹².

Впоследствии понятие «документ» было расширено еще больше, вплоть до того, что слона в зоопарке стали именовать «документом». Отнесение к документам гербариев и образцов минералов, этнографических экспонатов и исторических реликвий теперь уже общепринято. Таким образом границы документального канала стали плохо различимы, и потребность в достаточно широкой типизации документов сделалась острой. Попробуем удовлетворить эту потребность. Для начала нужно выработать логически строгую дефиницию понятия «документ», ибо метафоры типа «вместилище мысли и слова» выразительны, но мало продуктивны.

Документ — это стабильный вещественный объект, предназначенный для использования в социальной смысловой коммуникации в качестве завершеного сообщения. В этом определении учтены следующие отличительные признаки документа:

¹² Куфаев М.Н. Избранное. — М., 1981. — С. 42—43.

- Наличие **смыслового** содержания, поскольку всякое социально-коммуникационное сообщение является носителем смысла; бессмысленные сообщения являются шумами, а не сообщениями.

- **Стабильная вещественная** форма, обеспечивающая долговременную сохранность документа; «писанное вилами на воде» документом не считается.

- **Предназначенность** для использования в коммуникационных каналах. Документальный статус может быть придан объектам, первоначально не предназначавшимся для коммуникационных целей. Историко-культурные, этнографические, археологические артефакты признаются документами, так как они несут смысл, который может быть «прочитан», расшифрован, подобно тексту.

- **Завершенность** сообщения. Этот признак обусловлен предыдущим, т. е. областью использования документа. Незавершенное, фрагментарное сообщение не может быть полноценным документом. Но требование завершенности является относительным, поскольку незаконченные литературное произведения, эскизы, наброски, черновики могут выступать как документы, характеризующие творческий процесс их создателя (писателя, ученого, художника), и в связи с этим приобретает самостоятельную ценность.

Исходя из знаковой формы, разработана следующая типизация современных документов:

1. *Читаемые*, точнее — человекочитаемые документы — произведения письменности на естественном языке или искусственных языках.

2. *Иконические* (греч. икон — изображение) документы, несущие образы, подобные по форме обозначаемым объектам (картины, рисунки, пиктограммы, фотографии, диапозитивы, кинофильмы, голограммы и т.п.).

3. *Идеографические* документы, пользующиеся условными обозначениями. В их числе географические карты, ноты, чертежи, схемы, гербы, эмблемы, ордена.

Перечисленные три типа документов взаимопроникаемы, поскольку на практике сочетают все три способа записи. Далее их можно подразделить на:

- Опубликованные документы, предназначенные для широкого общественного пользования и размноженные с этой целью полиграфическими средствами.

- Неопубликованные (непубликуемые) документы, представляющие собой рукописи, машинописи, графику, живопись.

4. *Символьные* документы (документы трех измерений) — вещественные объекты, выполняющие документальные функции — музейные экспонаты, исторические реликвии, архитектурные памятники.

5. *Аудиальные* (звучащие, фонетические) документы — различные звукозаписи.

6. *Машиночитаемые* документы — тексты, нанесенные на магнитные носители или оптические диски.

Каждый документ представляет собой элемент овеществленной социальной памяти, а фонды документов (библиотечные, архивные, звукозаписей, изображений, нотные, картографические, музейные и т. д.) рассматриваются как основное **долговременное хранилище (ДВХ)** социальной памяти. Считается, что именно в этих фондах сосредоточены все знания,

добытые человеком со времени изобретения письменности, т. е. за последние 5 тыс. лет. Документальные фонды — главная цитадель книжной культуры, а общение посредством документов — важнейший коммуникационный канал (см. главу 4).

Не следует, тем не менее, абсолютизировать коммуникационные возможности документов. И. А. Бунин однажды написал:

Молчат гробницы, мумии и кости.
Лишь слову жизнь дана.
Из древней тьмы, на мировом погосте
Звучат лишь письма.

Великий писатель ошибался. Гробницы, мумии и кости — вовсе не молчаливый спутник письменных документов. Они способны о многом рассказать тому, кто понимает их язык.

МК. 2. Артефакты (от «арт» — искусство и «фактум» — сделанный) — целенаправленно созданные людьми материальные изделия (орудия труда, оружие, утварь, искусственные материалы машины, постройки и т.п.), первичный смысл которых запечатлен в их назначении. Артефакты приобретают вторичный смысл, если их рассматривать как закодированное сообщение, говорящее о принадлежности к определенной эпохе, этносу, культуре, о владельце вещи, его вкусе и социальном статусе, о художественной и утилитарной ценности и т.д. Прочитанный таким образом артефакт превращается в *символьный документ* и пополняет фонды археологических, этнографических, исторических, мемориальных музеев.

МК. 3. Освоенная природа. Артефакты — это специально *переработанное* человеком вещество природы, а освоенная природа — это природа, *приспособленная* к человеческим нуждам. Примеры такого приспособления: одомашнивание (доместификация) животных, окультуривание растений, распахивание земли, добыча полезных ископаемых, прокладывание дорог и водных каналов, создание природных заповедников (в принципе можно считать заповедники своеобразным символьным документом) и т.д. Известно, что хищническое потребление природных ресурсов, варварское ее «покорение» поставило человечество на грань экологической катастрофы. Загрязнение воды и атмосферы, истощение почвы, обеднение флоры и фауны, уничтожение лесов и т.п. — это также «памятники культуры» homo sapiens. Эти «памятники» будут для наших потомков не менее поучительны, чем книгохранилища библиотек и музейные коллекции.

Итак, мы охарактеризовали четыре раздела духовной культуры (ДК) и три раздела материальной культуры (МК). Следует подчеркнуть, что во всех этих разделах можно обнаружить и влияние этнопсихологии, и следы общечеловеческих архетипов, т.е. присутствие социального бессознательного. Теперь, чтобы завершить рассмотрение структуры социальной памяти, выделим еще два содержательных слоя, имеющих во всех разделах памяти: слой новаций и слой традиций.

Новация — творческий вклад личности или коллектива, предложенный для включения в состав культурного наследия. Эти предложения в виде памятников культуры (здания, технические изделия, литературные произведения, произведения искусства и т.п.) или в виде неовещественных идей и

сообщений входят в социальную коммуникацию, но они еще не прошли апробацию временем и не получили общественного признания. Иное дело — традиции.

Традиция — это жизнеспособное прошлое, унаследованное от дедов и прадедов. Традициями становятся новации, пережившие смену трех или более поколений, т.е. предложенные 75—100 лет назад. Мы живем в традиционных городах, пользуемся традиционной бытовой утварью, традиционен семейный уклад, традиционен национальный язык, традиционны называемые классическими литература, музыка, изобразительное искусство, театр. Цитаделью традиционности являются библиотеки и музеи, но не в силу традиционной технологии библиотечного или музейного дела, а в силу присущих им функций хранения документированного культурного наследия и обеспечения общественного его использования. Конечно, распространение новаций также не обходится без их участия.

Важно отметить, что никакая власть, никакой авторитет не в состоянии возвести какую-либо актуальную новацию в ранг традиций или отменить какой-либо обычай. Традиции охраняются общественным мнением и их принудительная сила гораздо больше принудительной силы юридических законов, ибо она непосредственно базируется на бессознательных социальных смыслах. Механизм передачи традиций заключается не в управленческих воздействиях, а в добровольном подражании. Традиции незаметно «выращиваются» в процессе практической деятельности и превращаются в привычки, обладающие неодолимой побудительной силой, погружаются в глубины социального бессознательного. Остается лишь согласиться с Игорем Губерманом:

Владыка наш — традиция. А в ней —
свои благословенья и препоны;
неписанные правила сильней,
чем самые свирепые законы.

Традиции в качестве коммуникационного явления обеспечивают коммуникационную связь между поколениями, состоящую в накоплении, сохранении и распространении опыта общественной жизни. Поэтому традиции — слой социальной памяти, пронизывающий все его разделы. Помимо *социально-мнемической*, основной функции, традиции выполняют следующие немаловажные социальные функции: *конституирующая* — для становления цивилизаций, политических режимов, религий, научных школ, художественных течений и т.д. необходимо формирование поддерживающих и воспроизводящих их традиций, и противном случае они нежизнеспособны; *эмоционально-экспрессивная* — устойчивость традиции в ее привлекательности, соответствии психологическому строю этноса; *консервативно-охранительная* — сопротивление чуждым для данного общества внешним новациям, отторжение непривычного и вместе с тем неформальный, но пристальный контроль за соблюдением традицион принятых норм, неявное, но жесткое регламентирование общественной жизни.

Образно говоря, традиции — тот инерционный механизм, который придает неповторимый облик и устойчивость социальному кораблю. Легкомысленное избавление от балласта традиций может вызвать опасный крен, а то и

опрокидывание неустойчивого судна; вместе с тем, столь же опасно перегружать трюмы балластом.

Сказанное подытоживает рис. 3.4, на котором представлена структура социальной памяти, охватывающая культурное наследие и социальное бессознательное в их взаимосвязи. Обратим внимание на то, что **ДК.1** и **ДК.2** — знаковые разделы неовещественного культурного наследия в совокупности образуют **общественный тезаурус** — множество слов и текстов, связанных друг с другом смысловыми (парадигматическими) отношениями. **ДК.3** и **ДК.4** представляют собой собрание смыслов, не имеющих знаковой формы. Документы **МК.1** — суть тексты, записанные различными знаками (исключение — символные документы, оперирующие наглядными или абстрактными (плодородие, красота, мудрость, бог и пр.) образами. **МК.2** и **МК.3** — материальные вещи, полученные культурным человечеством из природного материала.

В заключение отметим связь между социальной памятью и исторической наукой. Социальная память в ее овеществленной и неовещественной форме есть **объект** истории, смыслы прошлого — ее **предмет**. Историческая наука, по сути дела — это социальная память, обработанная и осмысленная научными методами.

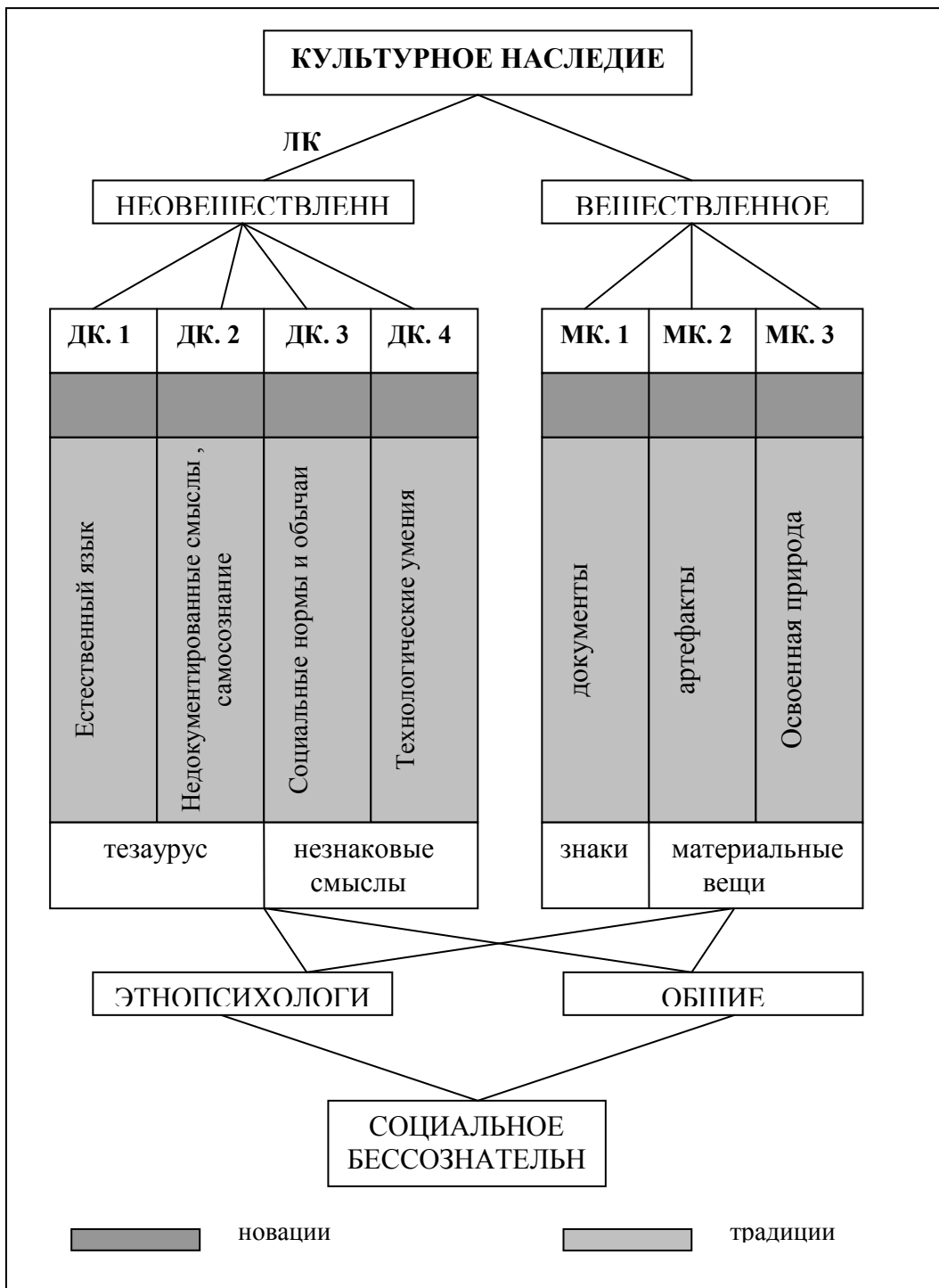

Рис.3.4. Структура социальной памяти общества

5. Противоречия общественного познания

Социальная память — хранилище всевозможных смыслов: знаний, умений, стимулов, эмоций. Легко заметить, что общественные настроения, выражающие желания, симпатии, антипатии большинства членов общества, подтверждены довольно быстрым изменениям. Популярны вчера лозунги и идеалы, сегодня забыты; привлекательные недавно лидеры и общественные движения теперь кажутся старомодными и обветшалыми. Механизмы быстротечной смены общественных настроений действуют таким образом, что не допускается накопление и одновременное существование в актуальном общественном сознании противоположных стремлений и эмоций. Допустим,

доверие к М. С. Горбачеву, возникшее в годы объявленной им перестройки, довольно быстро сменилось разочарованием и симпатиями к его оппоненту Б. Н. Ельцину, но и популярность Ельцина продолжалась не десятилетия. Положительность эмоционально-ориентационной неустойчивости в том, что не происходит перегрузка социальной памяти, она оперативно очищается и обновляется. Поэтому постоянного роста эмоционально-волевой составляющей социальной памяти не происходит. Иное дело — рациональные знания и умения. Здесь нет автоматически действующего механизма разгрузки, и человечество столкнулось с кризисными явлениями, разрешение которых пока не просматривается. Кризис имеет количественную и качественную интерпретации.

Количественная интерпретация заключается в следующих рассуждениях. Развитие общественного познания вызывает противоречие между постоянно растущими объемами текущей информации и информационных фондов и физическими возможностями индивидуальной памяти освоить их. Это противоречие, получившее название **кризис информации**, особенно болезненно переживается профессиональными учеными, которые сугубо выборочно и фрагментарно знакомятся с работами коллег из других стран, да и своих соотечественников.

В 1965 г. президент Академии наук СССР А. Н. Несмеянов приводил следующий расчет: «Если бы химик, свободно владеющий 30 языками (условие невероятное), начал с 1 января 1964 г. читать все выходящие в этом году публикации, представляющие для него профессиональный интерес, и читал бы их по 40 часов в неделю со скоростью 4 публикации в час, то к 31 декабря 1964 г. он прочитал бы лишь 1/20 часть этих публикаций. В будущем, — предсказывал А. Н. Несмеянов, — положение ухудшится еще больше, поскольку годовой прирост химической литературы составляет несколько более 8,5%»¹³.

Конечно, вследствие разделения труда в химии нет такого сверхлюбопытного химика, который нуждался бы во всех «публикациях, представляющих для него профессиональный интерес». Однако человеческие возможности восприятия, а главное — понимания печатных текстов, действительно сурово ограничены, и это нельзя не учитывать.

Очевиден ущерб, наносимый информационным кризисом научно-техническому прогрессу: гениальные открытия, может быть, сделаны, опубликованы и похоронены в недрах библиотек; расширяется дублирование исследований; снижается уровень компетентности специалистов, — короче, «мы не знаем, что мы знаем» из-за отсутствия надежного контроля за содержанием фондов общественного знания. Ситуацию информационного кризиса не облегчают реферативные журналы, экспресс-информация и другие способы свертывания публикаций; не помогают и автоматизированные информационно-поисковые системы. Ведь сущность кризиса состоит в ограниченности восприятия информации индивидуальной памятью, а эти ограничения снять не удастся («методики скорочтения» мало утешают).

¹³ Несмеянов А.Н. Предисловие// Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Основы научной информации. — М., 1965. — С.8.

Качественная сторона кризиса социального познания состоит в противоречивости самого знания, концентрированного в памяти общества. В начале XX века была общепризнана **кумулятивная** модель роста научного знания. Кумулятивность понималась как «постепенный последовательный рост однажды познанного, подобно тому, как кирпичик к кирпичику наращивается стена. Труд ученого в этом случае состоит в добывании кирпичиков-фактов, из которых рано или поздно производится здание науки, ее теория»¹⁴. На смену кумулятивной концепции пришла концепция революционных переворотов в науке, отрицающая непреходящую ценность накопленного знания. Вследствие нестабильности общественное знание нельзя представить в виде логически стройной и эстетически гармоничной структуры, это не система, а **мозаика**.

Мозаика отличается от системы тем, что не имеет единой структуры, объединяющей элементы в системную целостность. Характеристику мозаичности культуры, данную в свое время А. Модем, можно распространить на общественное знание. Мозаичная культура, по словам А. Моля, складывается из «разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или по ассоциации идей... Она состоит из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точек отсчета, нет ни единого общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова и т.д.)»¹⁵. Пример мозаичности — вузовское образование, где нет жесткой последовательности и преемственности курсов.

Если присмотреться к мозаике общественного знания, оказывается, что это мозаика конкурирующих и кооперирующих смысловых блоков. В качестве смысловых блоков выступают: теории, концепции, научные школы, доктрины, научные дисциплины, в своих локальных пределах обладающие хорошо развитой системностью: единство терминологии, методологии, целевых установок, традиций и т. д. Итак, общественное знание — это не жесткая система систем, а мягкая мозаика относительно устойчивых и самобытных смысловых конструкций.

Вследствие конкурентной борьбы мозаика общественного знания не имеет стабильной структуры и постоянно видоизменяется, исключая тем самым кумулятивное накопление. Существуют следующие типичные *виды конкуренции*, можно сказать, противоречия в мозаике общественного знания:

1. Конкуренция старого и нового, естественная для любой эволюционно развивающейся целостности. Этот вид конкуренции приобретает разную остроту в разных разделах общественного знания. Политическое и техническое знание устаревает довольно быстро и интенсивно вытесняется в архивную часть социальной памяти; для областей искусства и философии характерно сохранение актуальности классических произведений; правовое, нравственное, религиозное сознание отличается высокой стабильностью, доходящей до догматизма.

¹⁴ Черняк В.С. Особенности современной концепции науки // В поисках теории развития науки. — М., 1982. — С. 13.

¹⁵ Моль А. Социодинамика культуры. — М., 1973. — С. 45.

2. Конкуренция стилей мышления: обыденно-мифологический и научно-технический, образно-художественный и абстрактно-рациональный («лирики» и «физики»), детерминистский и вероятностный, различные стили религиозного мышления. Стиль мышления — это составная часть методологии, поэтому конкуренция стилей мышления отражает конкуренцию методологических учений.

3. Конфликт между различными классовыми идеологиями, принимающий форму непримиримой идеологической борьбы; конфликт между религиозным и атеистическим мировоззрением, между ортодоксальными и еретическими доктринами.

4. Конкуренция различных ответов на один и тот же вопрос (разные способы разрешения одной и той же проблемы). Причиной конкуренции в данном случае является относительная истинность наших знаний. Отсюда следует гипотетичность большей части корпуса положительного знания, а значит, необходимость конкуренции между гипотетическими ответами на один и тот же познавательный вопрос. Конкуренция такого рода принимает явную форму в дискуссиях, диспутах, круглых столах и т.п.

5. Конкуренция национальных мозаик общественного знания, обусловленная различием языков, этнопсихологическими особенностями, культурно-историческими традициями и пр. Например, понимание «истины» и «правды» в русской философии и западноевропейской (см. раздел 2.6.).

6. Конкуренция одинаковых ответов на один и тот же вопрос. В данном случае речь идет о дублировании результатов познания, повторении уже известного «изобретения велосипедов», и т.п. Эта конкуренция обостряется, если затрагиваются приоритет или престиж (вспомним почти столетние споры вокруг изобретения радио: А. С. Попов или Г. Маркони?).

Конкурентным тенденциям, принимающим иногда разрушительный и нигилистический характер, противостоят *кооперативные процессы*, которые не упрощают мозаичность знания, а напротив, придают ей многомерность, затрудняя поиск истины.

1. Устаревшие знания не отрицаются абсолютно, а в «снятом», качественно преобразованном виде входят в состав нового знания. И. В. Гете авторитетно утверждал: «Истина и заблуждение происходят из одного источника. Вот почему часто мы не имеем права уничтожать заблуждение, потому что вместе с тем мы уничтожаем истину».

Поэтому преемственность выступает как один из видов кооперации в общественном познании. Архивная часть общественного знания не утрачивает общественной ценности, не превращается в обременительный реликт. Там хранятся объяснения нынешнего состояния дел, «зерна истины», которые могут вернуть актуальность архивному знанию, и в силу этого тексты прошлых эпох бережно сохраняются в библиотечных и архивных фондах, усугубляя кризис информации.

2. Разнообразие конкурирующих стилей мышления и разных методологических подходов расширяет выбор средств самореализации человека; эти средства не исключают, а скорее дополняют друг друга. Поэтому современному исследователю, чтобы избежать односторонности, нужно

овладеть не одним, а несколькими методологиями и стилями мышления — задача столь же трудная, как христианину понять буддизм, и наоборот.

3. Идеологические, классовые, религиозные конфликты служат испытанием жизнестойкости тех или иных доктрин, и в этом отношении способствуют развитию общественного знания. Плохо, когда исследователь вольно или невольно оказывается втянутым в эти конфликты и утрачивает свои независимость.

4. Конкуренция старого, утвердившегося в общественном мнении знания, и знания нового, ищущего признания, часто приводит к дифференциации научного знания. Дифференциации противостоит интеграционная тенденция, укрепляющая системную целостность науки. Важную конструктивную функцию в процессе интеграции научного знания играют обобщающие науки (метанауки), синтезирующие достижения частных дисциплин и преодолевающие барьеры непонимания и терминологической разобщенности между ними.

5. Национальной обособленности противостоит тенденция к формированию единой общечеловеческой культуры. Эта тенденция проявляется в создании глобальных коммуникационных систем, примером которых служит Интернет. При этом предполагается признание безусловной ценности и сохранение самобытности культуры всех народов, что не разгружает национальную социальную память, а напротив, дополнительно ее отягощает, ибо в нее включаются инородные «общечеловеческие» элементы.

6. Одинаковые ответы на один и тот же вопрос представляются вредной избыточностью, когда речь идет об «изобретении велосипедов», но, вместе с тем, они имеют свою положительную сторону. Как известно, дублирование сообщений в коммуникационных системах повышает надежность передачи информации. Дублируются чаще всего сообщения, обладающие повышенной общественной актуальностью, пользующиеся массовым спросом, и поэтому избыточность такого рода во многих случаях оправдана. Более того, она может быть полезна, когда одни и те же элементы знания представляются в документах, имеющих разное целевое и читательское назначение.

Итак, содержательная противоречивость и мозаичность — характерная особенность стремительно растущих национальных систем общественного знания. Интеллектуальные способности отдельного человека бессильны охватить многомиллионные документальные фонды, скрывающие в своих недрах высшие достижения человеческой культуры и «золотую жилу дальнейшего прогресса» (В. Буш). Возникает соблазн: нельзя ли образовать «золотой фонд общечеловеческой культуры», куда включить обозримый круг наиболее выдающихся произведений человеческого гения? Эта соблазнительная идея лежит в основе проекта «Память мира», выдвинутого ЮНЕСКО в 1994 г. Главным камнем преткновения на пути успешной реализации проекта всемирной памяти лежит проблема отбора общечеловеческих ценностей, которые должны войти в «Память мира». Дело в том, что современникам не дано правильно предугадать будущую судьбу созданных сегодня творений.

М. М. Бахтин обращал внимание на *парадоксальность* судьбы общечеловеческих духовных ценностей. Парадокс заключается в том, что «в

процессе своей посмертной жизни они обогащаются новыми значениями, новыми смыслами и как бы перерастают то, чем они были в эпоху своего создания. Мы можем сказать, что ни сам Шекспир, ни его современники не знали того «великого Шекспира», какого мы теперь знаем. Втиснуть в Елизаветинскую эпоху нашего Шекспира никак нельзя... Античность сама не знала той античности, которую мы теперь знаем... Древние греки не знали о себе самого главного, они не знали, что они *древние греки* и никогда себя так не называли»¹⁶.

Причина парадоксального обновления и обогащения смыслов в вечности после смерти их творцов во времени заключается в том, что в этих смыслах аккумулированы общечеловеческие духовные ценности, которые великие литераторы и художники смогли уловить и воплотить в своих произведениях. Но требуется испытание временем, чтобы последующие поколения смогли оценить шедевры дедов и прадедов. Есть опасность, что «Память мира» может превратиться в музей древностей, если человечество не овладеет методологией отличать произведения общечеловеческого достоинства от модных бестселлеров.

Выводы

1. Хранение социальных смыслов обеспечивает индивидуальная и социальная память, причем последняя делится на неовещественную (естественную) и овещественную (искусственную) части. Индивидуальной памяти свойственен психический хронотоп (психическое пространство и время), неовещественная социальная память существует в социальном хронотопе (социальное пространство и время), а овещественная социальная память принадлежит к материальной культуре, для которой действует физических хронотоп: астрономическое время и геометрическое трехмерное пространство. Таким образом, выявляются **три вида человеческой памяти**, обеспечивающие движение социальных смыслов в различных хронотопах:

- Индивидуальная естественная;
- Социальная неовещественная естественная;
- Социальная овещественная искусственная.

Сопоставление этих видов по 10 параметрам приведено в табл. 3.1.

Обнаружилось следующее:

Структурные составляющие и свойства	Индивидуальная память	Социальная память	
	Естественная	Неовещественная Естественная	Овещественная Искусственная
1.Хронологическая шкала	Психическое время личной биографии	Социальное время	Календарное астрономическое время

¹⁶ Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» //Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. — М., 1986. — С. 504 —506.

2. Смыслы	Знания, умения, эмоции, стимулы	То же	То же
3. Разделы памяти	Образный, семантический, аффективный, моторный, самосознание	Язык, знание, самосознание, нормы, технологические умения, общественные настроения	Документы, артефакты, освоенная природа
4. Мнемические действия	Запоминание, хранение, воспроизведение, забывание	То же	Фиксирование, хранение, использование, разрушение
5. Языки и коды	Перцептивные коды, концептуальные коды	Вербальный и невербальный естественный язык	Письменность, символы, искусственные языки, звукозаписи, изображения.
6. Эмоциональная окрашенность	Есть в виде аффективного раздела памяти	Есть в виде общественного осуждения и одобрения	Противоречивое многообразие эмоций
7. Роль бессознательного	Непроизвольное запоминание, хранение, забывание	То же	Отсутствует
8. Материальная основа	Мозговые нейронные сети	Мыслящие и действующие современники	Искусственные материалы и технические средства
9. Долговременная память	Срок жизни индивида	Срок жизни общества	Срок физического разрушения носителя
10. Кратковременная память	До минуты	Жизнь поколения современников	Появление новых документов, артефактов

- *Общность* всех видов памяти определяется тем, что все они обеспечивают сохранение и передачу одних и тех же смыслов: знаний, умений, эмоций, стимулов; во всех случаях совпадают мнемические действия — запоминание (фиксирование), хранение, воспроизведение, забывание (разрушение).

- *Различие* состоит в использовании различных хронологических шкал, разных языков и кодов, разных материальных носителей смыслов.

- Естественные виды памяти *сближают* эмоциональная окрашенность и наличие бессознательной основы; есть аналогия между разделами памяти.

2. Принципиальное различие между групповой памятью целевых социальных групп и социальной памятью общества состоит в том, что последняя имеет слой **социального бессознательного** (генетически

наследуемые смыслы), а первая располагает только культурным наследием в виде профессионального сознания и памятников культуры.

3. Важнейшим разделом овеществленной части социальной памяти цивилизованного общества являются **документные фонды**. **Документ** — это стабильный вещественный объект, предназначенный для использования в социальной смысловой коммуникации в качестве завершеного сообщения.

Таблица 3.1

Сопоставление различных видов человеческой памяти

4. Современная неокультура характеризуется стремительным ростом документированного общественного знания, что привело к возникновению **информационного кризиса** в виде противоречия между постоянно растущими объемами текущей информации и информационных фондов и физическими возможностями индивидуальной памяти освоить их.

5. Общественное знание — это **мозаика конкурирующих и кооперирующих** смысловых блоков.

6. *Terra incognita* социальной памяти расширяется вследствие непознанности природы памяти вообще.

• Венгерский биолог Д. Адам поставил вопрос о единстве всех видов памяти: «Разве не может быть, что мозговые процессы индивидуальной памяти, длительные реакции «иммунологической памяти» и генетическая память вида — это лишь разные аспекты одного и того же биологического закона?»¹⁷. Нельзя ли действие мнемических законов распространить на область социальной памяти? Разве случайно сходство структурных составляющих и свойств индивидуальной памяти и естественной части социальной памяти, отмеченное в табл.3.1? Если вспомнить, что запоминающие устройства компьютеров имитируют действие человеческой памяти, то не следует ли поставить вопрос об открытии не биологического, а **универсального закона памяти?**

• В литературе встречаются формулировки **закона сохранения информации**, например: «информация не возникает и не уничтожается, а только меняет свою форму»¹⁸. Прямым следствием этого закона является афоризм М. А. Булгакова «Рукописи не горят!». Сохранение информации не что иное, как движение ее во времени, т. е. стабильность памяти. Действительно ли информационное содержание памяти «не возникает и не уничтожается, а только меняет свою форму»?

• Постулированное К. Г. Юнгом наличие «коллективного бессознательного» в виде архетипов принимается далеко не всеми учеными. Неясна **роль бессознательного слоя социальной памяти** в различных видах социальной коммуникации. Наследуются ли генетически черты **национального характера** или они осваиваются посредством социальной

¹⁷ Адам Д. Восприятие, сознание, память: Размышление биолога: Пер. с англ. — М., 1983. — С. 147.

¹⁸ Петров Л. В. Массовая коммуникация и искусство. — Л., 1976. — С. 42.

коммуникации? Этническая психология не дала определенного ответа на этот вопрос.

- Возможно ли сознательное формирование **общечеловеческой памяти** — «Памяти мира»? Ясно, что она не может иметь бессознательного слоя, вследствие искусственного своего происхождения; значит, она должна суммировать рациональное знание в области математики, естествознания, техники, не касаясь интуитивно постигаемых религиозных, этнических и эстетических смыслов. Как преодолеть это ограничение?

- Возможно ли разрешение **кризиса информации**? Не приходится рассчитывать на значительное расширение индивидуальных способностей воспринимать информацию. Значит, нужно идти по пути упорядочения человеческого знания в национальном и международном масштабе. Что для этого нужно сделать?

- Неконтролируемый, нерегистрируемый, по сути дела, стихийный рост общественного знания приводит к его **мозаичности и противоречивости**. Воистину «мы не знаем, что мы знаем». Распространение электронной коммуникации в виде глобального телевидения и Интернет не уменьшает, а напротив, усугубляет мозаичность и противоречивость нашей культуры. Нет ли выхода из этого тупика?

Литература

Основная

[5,9,11]

Дополнительная:

Литература

1. Аткинсон Р. Человеческая память и процесс обучения: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1980. — 528 с.
2. Йейтс Ф. Искусство памяти. — СПб.: Университетская книга, 1997. — 480 с.
3. Колеватов В. А. Социальная память и понимание. — М.: Мысль, 1984. — 190 с.
4. Лапп Д. Искусство помнить и забывать. — СПб.: Питер, 1995. — 216с.
5. Лурия А. Р. Маленькая книжка о большой памяти. — М.: Эйдос, 1994 — 96с.
6. Психология памяти/ под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. Я. Романова. — М.: ЧеРо, 2000. — 816 с.

РАЗНОВИДНОСТИ КОММУНИКАЦИОННЫХ КАНАЛОВ

Коммуникационный канал — это реальная или воображаемая линия связи (контакта), по которой сообщения движутся от коммуниканта к реципиенту. Наличие связи — необходимое условие всякой коммуникационной деятельности, в какой бы форме она ни осуществлялась (подражание,

управление, диалог). Коммуникационный канал предоставляет коммуниканту и реципиенту средства для создания и восприятия сообщения, т. е. знаки, языки, коды, материальные носители сообщений, технические устройства.

Важно обратить внимание на следующее обстоятельство. Коммуникационные каналы обеспечивают движение не смыслов, а только **материального воплощения** сообщений, которое выражает смысловое содержание. Причем, движение происходит в физическом (геометрическом) пространстве и в астрономическом времени. Коммуникационная же деятельность, как известно, представляет собой движение смыслов в социальном пространстве, и результатом этой деятельности является распространение просвещения, формирование общественного мнения и общественных настроений и т. д. Коммуникационная деятельность суть деятельность духовная, но для ее реализации нужны материально-технические средства, в качестве которых выступают коммуникационные каналы. Итак, **коммуникационные каналы — материальная сторона социальной коммуникации.**

Развитие человечества от первобытного варварства до постиндустриальной цивилизации сопровождалось постоянным увеличением количества коммуникационных каналов, благодаря дополнению естественных каналов, образовавшихся в ходе антропогенеза, каналами искусственными, сознательно созданными людьми.

Естественные коммуникационные каналы — это каналы, использующие врожденные, естественно присущие хомо сапиенс средства для передачи смысловых сообщений в физическом пространстве. Таких каналов два: невербальный (несловесный) и вербальный (словесный).

Невербальный канал — древнейший из коммуникационных каналов, возникший в ходе биологической эволюции задолго до появления человека. Он представляет собой наследие зоокоммуникации, свойственной высшим животным. Содержание зоокоммуникации — демонстрация переживаемых эмоциональных состояний — гнев, боль, страх и т. д. Животными используются звуковые сигналы, позы, движения, напоминающие жесты. Например, щенок виляет хвостом, когда он доволен, прижимает уши и оскаливает клыки, когда притворяется сердитым. Невербальный канал активно используется в процессе микрокоммуникации между людьми, и мы специально рассмотрим его особенности.

Вербальный канал доступен только роду человеческому, обладающему речевой способностью, способностью пользоваться естественным языком. Подчеркнем, что речевая способность — отличительный признак хомо сапиенс, для реализации этой способности потребовались нейрофизиологические и анатомические преобразования в телесности пралюдей: образование асимметрии головного мозга, выделение центров управления говорением и пониманием речи («речевые зоны» в мозгу), развитие артикуляционного аппарата, грациализация челюстей и т. п. Домашние животные не могут говорить именно потому, что они не имеют природных предпосылок для этого. Поэтому вербальный канал, подобно невербальному каналу, правомерно считать естественным.

Формирование речевой способности (и соответственно — вербального коммуникационного канала) происходило в процессе антропогенеза. Последовательные ступени этого процесса от ископаемых обезьян австралопитеков до неантропов — людей современного типа представлены в табл. 4.1.

Палеолингвисты полагают, что *австралопитеки* не выходили за пределы нечленораздельной речи в составе зоокоммуникаций; *питекантропы* (археантропы) владели примитивной диалоговой речью, состоящей из слов-предложений; *неандертальцы* (палеантропы) строили простейшие грамматические конструкции, подобно малограмотным и начинающим говорить детям; наконец *неантропы* (кроманьонцы), видимо, освоили монологическую речь со сложной грамматической структурой.

Потребность в *искусственных коммуникационных каналах* возникает тогда, когда коммуникант и реципиент лишены непосредственного контакта, не могут ни видеть, ни слышать друг друга, и в то же время существуют социально-культурные смыслы, нуждающиеся в передаче в социальном времени и пространстве. Эти смыслы связаны, во-первых, с передачей полезного практического опыта, во-вторых, с магическими верованиями первобытных людей. Для удовлетворения этой первичной коммуникационной потребности использовались два искусственных канала, которые появились если не одновременно, то сравнительно скоро после формирования неантропов:

- канал **иконических документов** — графические (на кости, на камне, на дереве) и живописные (одноцветные или многоцветные на стенах пещер) изображения;

- канал **символьных документов** — амулеты, украшения, талисманы, статуэтки, имеющие сокровенный магический смысл, а также языческие идолы и вообще изображения богов.

Палеолитическое искусство, зародившееся 35 тыс. лет назад в виде резьбы по кости и дереву, уже через 5 тыс. лет представлено пещерными гравюрами и картинами, различными скульптурами, украшениями, орнаментированными изделиями. Небольшие статуэтки «палеолитических венер» — символ женского плодородия — носились в качестве подвесок, были в ходу всевозможные ожерелья, браслеты, диадемы, кольца, которые вырезались из слоновой кости и кости мамонта, составлялись из ракушек, зубов животных, цветных камушков. Апогей пещерной живописи датируется 15—2 тыс. лет назад (культура мадлен), когда искусно создавались грандиозные многоцветные сюжетные ансамбли, где наряду с реалистическими изображениями женщин и мужчин, мамонтов, бизонов, лошадей, носорогов часто встречаются фантастические «химеры» в виде туловища медведя с головой волка, «дьяволята» с увенчанной рогами головой и покрытым шерстью телом.

Таблица 4.1

Культурно-антропологическая эволюция
семейства гоминид

Гомидные характеристики	Австралопитек группы А 5—1 млн. л. н.	Питекантроп 1500—200 тыс. л. н.	Неандерталец 200—30 тыс. л. н.	Неантроп-кроманьонец 40—15 тыс. л. н.
Объем мозга (см ³)	600—550	950—900	1600—1400	1580—1476
Прямохождение	освоено	обычно	обычно	обычно
Кисть руки	несовершенна	относительно развита	развита	Развита
Анатомические предпосылки речи	нет	речевая зона в мозгу, артикуляционный аппарат	развитие речевых и артикуляционных структур	большой подбородочный выступ, грациализация челюсти
Использование огня	нет	есть	регулярно	Регулярно
Образ жизни	бродячий	стадный, полубродячий	общинный, оседлый	оседлая родовая община
Рост мужчины (см)	120—140	150—160	160	170
Орудия	костяные, деревянные, оббитая галька	каменные аналоги топора и ножа	орудия для изготовления других орудий	разнообразная орудийная деятельность
Уровень мышления	высшие приматы	эмпирический опыт, абстракций нет	есть абстрактное мышление	развитые абстракции и ассоциации
Масштабы общения	зоокоммуникация между особями	внутри стада	между общинами	между общинами
Коммуникационная деятельность	невербальная коммуникация	диалоговая примитивная речь	монологовая простейшая речь	свободное владение речью
Социальная память	нет	обмен опытом путем демонстраций и подражания	примитивный символизм (тотемы, амулеты, украшения)	овеществленная и неовеществленная память

Коммуникационные каналы палеолитического искусства выполняли социальные функции, которые можно разделить на: **явные**, осознаваемые самими древнейшими людьми, — это *магическая* (культовая) функция и «*педагогическая*» функция — передача полезного опыта подрастающему поколению; и **неявные**, но очень важные функции — *интеллектуальная* — развитие абстрактного мышления и *эстетическая* — развитие чувства гармонии, красоты, благодаря созерцанию художественно насыщенных произведений талантливых мастеров.

Невербальный и вербальный каналы в их неразрывном единстве послужили исходной базой для формирования **устной коммуникации**; иконический и символичный каналы положили начало **документной коммуникации**. Устная коммуникация и документная коммуникация — **два рода** социальной коммуникации, сыгравшие определяющую роль в становлении орфоэпической (словесной) и книжной культуры (см. далее). Исходные каналы дали толчок для появления новых искусственных каналов, которые по своему источнику делятся на две группы: художественные, возникшие в сфере искусства, и технические, возникшие в сфере техники.

Художественные коммуникационные каналы ведут свою родословную с палеолитического искусства, но зрелых форм они достигли в классической Древней Греции (VI—V вв. до н. э.). Перечислим их.

Музыка и танец — производные невербального канала.

Поэзия и риторика — производные вербального канала.

Театр — синтетический вид искусства, объединяющий вербальные и невербальные средства.

Графика и живопись — производные иконического канала.

Скульптура и архитектура — производные канала символических документов.

Конечно, важнейшим событием для развития цивилизации было изобретение **письменности**, т. е. открытие еще одного документного канала. Письменность — результат эволюции иконического канала. Известны следующие вехи этой эволюции. Великолепная палеолитическая живопись в эпоху мезолита (14—10 тыс. лет назад) утрачивает живость и реалистичность, схематизируется и упрощается. Затем следует неолитическое искусство, которое еще больше лишается образной выразительности, приобретает однотипность, когда односюжетные изображения почти не отличаются друг от друга и превращаются в ритуальные символы¹⁹. Однотипность и однообразие рисунков есть признак **пиктографии** — рисуночного письма, откуда прямой путь к иероглифам Древнего Египта и Месопотамии.

Нелишне задуматься над вопросом: что послужило причиной затухания поразительного взлета изобразительного искусства на заре человечества? Нельзя поверить, что перевелись гениальные художники и остались только ремесленники. Причина может быть только одна: те сакрально-культовые и педагогические функции, которые выполнял иконический канал, перешли к другому коммуникационному каналу — устной речи; выразительные потенции живого слова стали достаточными для удовлетворения коммуникационных потребностей родовых общин охотников и собирателей. В социальной памяти преимущественное развитие получила устная передача всевозможных текстов от поколения к поколению, а не трудоемкая петрография. В этом факте видна взаимозависимость документальных и недокументальных каналов, общность их общественного назначения.

¹⁹ История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. — М., 1986. — С. 518—522; Ранние формы искусства: Сб. статей. — М.: Искусство, 1972. — 479 с.; Столяр А. Д. Происхождение первобытного искусства. — М.: Искусство, 1985. — 298 с.

Итак, письменность — это детище художественного канала, и вместе с тем — первооткрыватель ряда технических каналов, способствующих развитию не познавательно-эстетических ресурсов социальной коммуникации, а ее утилитарной эффективности: оперативности передачи, снижению себестоимости, повышению тиражности, увеличению дистанционности и комфортности. Рукописание книг в XV веке в Западной Европе сменило мануфактурное книгопечатание. В XIX веке произошла **промышленная революция**, благодаря которой документная коммуникация обрела полиграфическую и целлюлозно-бумажную промышленность, обеспечившую многотысячные тиражи газет, журналов, книг и огромный книжный рынок.

Вместе с тем, появились технические изобретения, значительно расширившие коммуникационные возможности исходных каналов: невербальный канал обогатился фотографией, а вербальный получил звукозапись (изобретение фонографа Т. Эдисоном в 1877 г.); благодаря телефону (запатентован А. Беллом в 1876 г.) вербальная коммуникация избавилась от пространственных ограничений; телеграф, изобретенный еще раньше (1832 г. — русский изобретатель П. Л. Шиллинг, 1837 г. — американский изобретатель С. Морзе), позволил мгновенно передавать текстовые сообщения с одного материка на другой; фотография бросила вызов реалистической живописи, а кино (1895 г.) было объявлено могильщиком театра. На стыке исконно изобрели радио (1895 г. — А. Попов, 1897 г. — Г. Маркони). Произошла, можно сказать, **первая техническая революция** в сфере социальных коммуникаций.

XX век стал свидетелем **второй технической революции**, плодами которой явились фототелеграф и телевидение, видеозапись и компьютерная связь, электронная почта, выросшая в конце 90-х годов в глобальную коммуникационную систему Интернет. Вторая техническая революция знаменовала появление нового рода социальной коммуникации — **электронной коммуникации**. Становление электронной коммуникации еще не завершено. Многообещающие возможности мультимедиа (текст + движущееся изображение + звук), ведутся эксперименты по распознаванию текстов и изображений, по речевому вводу и выводу информации в компьютерных системах. Можно сказать, что мы находимся на пороге **синтеза** всех известных нам родов коммуникации: устной, документной, электронной.

Обзор эволюции коммуникационных каналов представлен на рис. 4.1.

В зависимости от материально-технического оснащения, т. е. от применяемых каналов, различаются **рода социальной коммуникации**, подобно «родам войск». Род коммуникации — совокупность родственных коммуникационных каналов. Их три:

Устная коммуникация, использующая, как правило, одновременно и в неразрывном единстве естественные невербальные и вербальные каналы; ее эмоционально-эстетическое воздействие может быть усилено за счет использования таких художественных каналов, как музыка, танец, поэзия, риторика. К устной коммуникации относятся путешествия с познавательными целями — экспедиции, туризм.

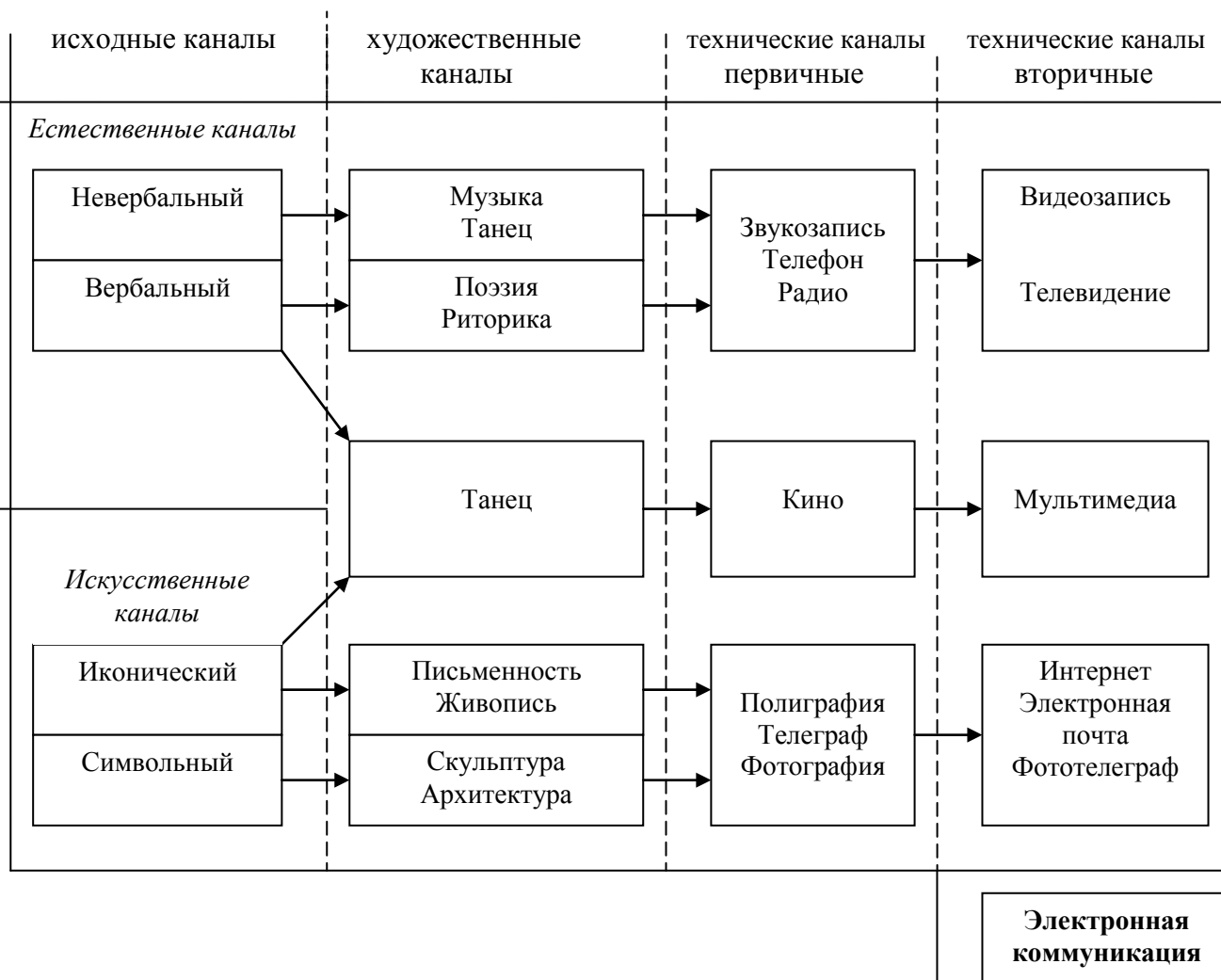

Рис.

4.1. Обзор эволюции коммуникационных каналов

Документная коммуникация, применяющая искусственно созданные документы, первоначально — иконические и символные, а впоследствии письменность, печать и различные технические средства для передачи смыслов во времени и пространстве (определение понятия «документ» — см. раздел 3.4).

Электронная коммуникация, основанная на космической радиосвязи, микроэлектронной и компьютерной технике, оптических устройствах записи.

Все три рода взаимодействуют друг с другом, образуя смешенные, гибридные коммуникационные каналы, которые появляются благодаря использованию различных технических средств в устной и документной коммуникации. Рис. 4.2 схематично иллюстрирует соотношение различных родов коммуникации.

Конечно, коммуникационные каналы эволюционировали не сами по себе, не спонтанно, а под действием социально-культурных и технико-экономических факторов, которые требуют особого разговора (см. главу 5). В настоящей главе ограничимся подробным рассмотрением социальных функций, механизмов действия и социально-культурного значения перечисленных родов

коммуникации. Кроме того, отметим их ограничения и коммуникационные барьеры, препятствующие их развитию.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Общественная коммуникационная система (ОКС) есть структурированная (упорядоченная определенным образом) совокупность коммуникантов, реципиентов, смысловых сообщений, коммуникационных каналов и служб, располагающих материально-техническими ресурсами и профессиональными кадрами. Если культура представляет собой совокупность овеществленных и неовеществленных культурных, т. е. искусственных социальных, смыслов, то ОКС — это **часть овеществленной культуры**, обеспечивающая движение культурных смыслов в социальном пространстве и времени. Другими словами, ОКС в целом и ее элементы — это **овеществленная коммуникационная культура** в различные исторические эпохи.

Древо коммуникационных каналов, рассмотренное в разделе 4.5, представляет собой эволюцию одного из элементов ОКС. Теперь попытаемся представить эволюцию систем общественных коммуникаций в целом. Направление этой эволюции достаточно очевидно: от устной коммуникации к документной коммуникации и далее — к электронной коммуникации. Ясно также, что эволюция социальных коммуникаций органически связана с эволюцией культуры, которая представлена в виде пяти стадий: пракультура — архекультура — палеокультура — неокультура — постнеокультура (см. Введение). Отсюда следует, что стадии эволюции культуры совпадают со стадиями развития ОКС и могут служить основой при разработке хронологии ОКС.

Последовательная смена ОКС происходит не стихийно, а в силу *кризиса* коммуникационных каналов, который состоит в том, что эти каналы перестают удовлетворять коммуникационные потребности отдельных людей и общества в целом. Разрешение кризиса достигается путем *бифуркации* (разделения) перегруженных каналов. На рис. 4.7 представлены четыре бифуркации, которые происходили на стыке архекультуры и палеокультуры (III тыс. до н. э.), на стыке палеокультуры и мануфактурной неокультуры (1440-е гг.), на стыке мануфактурной и индустриальной неокультуры (начало XIX века), наконец, в наше время — переход от неокультуры к постнеокультуре (конец XX века). «Точки» бифуркации — это границы между различными ОКС. Конечно, в историческом времени «точка» — это не моментальная смена, а достаточно длительный промежуток, поэтому бифуркацию нужно понимать как *переходный период* между разными ОКС.

Коммуникационная культура определяется господствующими в обществе нормами и способами фиксации, хранения и распространения культурных смыслов, т. е. родом социальной коммуникации. Различаются следующие уровни коммуникационной культуры: словесность — книжность — мультимедийность. Причем, книжность подразделяется на три поколения:

палеокультурное (рукописная книга), мануфактурное неокультурное (мануфактурное книгопечатание), индустриальное неокультурное (машинная полиграфия). Уровни коммуникационной культуры соответствуют различным видам ОКС. Учитывая это соответствие, можно представить хронологию общественных коммуникационных систем в виде табл. 5.1. Надо заметить, что хронология смены ОКС для разных географических регионов не одинакова из-за неравномерности их культурного развития. В табл. 5.1 представлен регион, именуемый «западная цивилизация» (Западная Европа и Ближний Восток), который всегда был лидером культуры.

Таблица 5.1

Хронология общественных коммуникационных систем в Западной Европе и на Ближнем Востоке

Наименование ОКС	Уровни коммуникационной культуры	Хронологические рамки	Длительность (лет)	Кол-во коммуникационных каналов
I.Общинная ОКС	Господство иконических документов Господство археокультурной словесности. Бифуркация I	40 —15 тыс.л. н. 15 —5 тыс. л. н.	25 тыс. 10 тыс.	4 4
II.Рукописная ОКС	Сочетание словесности и палеокультурной книжности. Бифуркация II	III тыс. до н. э. — I пол. XV в. н.э.	4,5 тыс.	6
III.Мануфактурная ОКС	Мануфактурная неокультурная книжность; господство мануфактурного книгопечатания. Бифуркация III	II пол. XV -XVIII вв.	350	8
IV.Индустриальная ОКС	Индустриальная неокультурная книжность; господство машинной полиграфии. Бифуркация IV	XIX — I пол. XX вв.	150	10
V.Мультимедийная ОКС	Господство мультимедийных телевизионно-компьютерных каналов	II пол. XX в. — ?	?	12

Обратим внимание на то, что вследствие закона кумуляции коммуникационных каналов (закон ККК) более поздние ОКС включают

коммуникационные каналы предыдущих систем, правда, в технически модернизированном виде. Так, рукописная ОКС вовсе не отменила каналы словесности; индустриальная книжность модернизировала канал книгоиздания, открытый мануфактурным книгопечатанием, и ввела в оборот новые документы канал — прессу; мультимедийная ОКС аккумулирует возможности как словесности, так и книжности, включая их в мультимедийную среду. Уровень коммуникационной культуры определяется господствующими средствами коммуникации.

Словесность — такой уровень коммуникационной культуры, когда *все* культурные смыслы передаются в социальном пространстве и времени посредством устной коммуникации. **Книжность** — такое состояние культуры, когда *основные* (не все!) культурные смыслы передаются посредством документной коммуникации. **Мультимедийность** достигается тогда, когда *основные* культурные смыслы передаются посредством электронной коммуникации.

Пракультура — это время становления коммуникационных каналов, когда о существовании общественных коммуникационных систем говорить не приходится, ибо не сложилась основа для их формирования. Поэтому в табл. 5.1 стадия пракультуры не учтена. Ранняя археокультура (эпоха палеолита) прошла под знаком приоритета символично-иконических документов в виде палеолитической живописи и скульптуры (см. раздел 4.1); в неолите приоритет перешел к устной коммуникации, и в первобытных общинах земледельцев и скотоводов стали складываться *общинные* ОКС, где господствовало устное слово. Рассмотрим более подробно взаимосвязи между уровнями коммуникационной культуры (словесность — книжность — мультимедийность) и стадиями человеческой культуры (архео-, палео-, нео-, постнеоккультура).

5.2. Археокультурная словесность

Археокультурная словесность соответствует общинной ОКС (см. табл. 5.1). **Общинная коммуникационная система** — это первобытнообщинная коммуникационная система, в которой все члены общины выступают в роли и коммуникантов, и реципиентов, используя для передачи смысловых сообщений четыре исходных канала. Разумеется, никаких коммуникационных служб нет.

Господство устного слова установилось не сразу, потому что оно требует достаточно развитого и абстрактного мышления. Палеолитическим охотникам и собирателям были ближе и понятнее изображения, чем словесные образцы. Отсюда — замечательный расцвет первобытного изобразительного искусства 35—15 тыс. лет назад. Изображения, сперва примитивные, затем реалистические, наконец схематические служили ступенями для развития интеллекта первобытного человека. Без опоры на наглядные образы, представляемые изобразительным искусством, интеллектуальный прогресс палеолитических общин был бы весьма затруднен, а значит, было бы невозможно господство устного слова, т. е. становление археокультурной словесности в эпоху мезолита и неолита. Этот факт — еще одно свидетельство *взаимозависимости* различных коммуникационных каналов, в данном случае — каналов устной и документной коммуникации.

Терминологической ясности ради следует уточнить, что под **словесностью** мы понимаем не совокупность устных и письменных текстов на естественных языках (в отличие от В. И. Даля, мы не включаем в понятие «словесность» письменность и литературу²⁰), а такое состояние культуры, когда коммуникационная деятельность происходит в формах устного управления или устного диалога, а социальная память представлена в виде неовещественных ее разделов и символично-иконических каналов. При этом большую роль в передаче культурных смыслов играет *подражание*, распространёнейшая форма коммуникационной деятельности в общинных ОКС. Перечислим некоторые особенности археокультурной словесности:

1. Общинная коммуникационная система отличалась первобытным равенством, и социальная однородность (бесклассовость) первобытных общин сопровождалась **синкретичностью** (слитностью) вербальных, музыкальных, иконических каналов в языческих ритуальных священнодействиях. Впоследствии из этой синкретичности выросли изобразительное искусство (первобытная живопись, графика, орнамент, скульптура), исполнительское искусство (музыка, танец), наконец, поэзия и фольклор как искусство слова. Творцами первобытных культурных смыслов, образовавших содержание общинной коммуникации, были неведомые нам гениальные художники, музыканты, артисты, поэты.

2. **Обожествление слова**, которое нашло отражение в мировых религиях. Господь, как известно, творил мир не действиями, а словами: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... Все через Него начало быть» (Иоан. 1:1—3); «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Бытие, 1:3). В Коране написано: «Его приказ, когда он желает чего-нибудь, — только сказать ему: «Будь!» и оно бывает» (36, 81—82). В одном из гимнов Ригведы, обращенном к богу Агни, говорится: «Он укрепил небо истинными священными словами» (Ригведа. Мандалы I—IV. М., 1989. с. 85).

Кстати, буддизм — это культура размышления, которая пошла дальше знаков и отказалась и от слов, и от чисел. Нирвана достигается путем самоуглубления, медитации, а не заклинаний.

3. Священные словеса передавались из уст в уста; их поэтика строилась так, чтобы облегчить запоминание и исключить искажения при устной передаче; этому способствовали ритмический размер, повторяющиеся стандартные фразы, музыкальное сопровождение многих гимнов. Даже позже, когда стала известна письменность, божественные откровения запрещалось фиксировать; они доверялись лишь слуху посвященных.

Причем нельзя считать, что недокументированная социальная память не надежна. Древнейший из памятников словесного искусства — собрание гимнов Ригведа датируется XVIII — XII вв. до н. э., а запись (кодификация) Ригведы состоялась только в XII — XV вв. н. э. Очевидно, что столь сложное литературное произведение не могло сохраниться более трех тысяч лет в народной памяти, если бы в арийских племенах Индии не было бы

²⁰ Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, словесность — «это общность словесных произведений народа, письменность, литература».

тысячелетних традиций устного творчества, восходящих к неолитической эпохе.

4. Талантливый поэт, сказитель в дописьменных обществах выполнял *роль летописца*, служителя не текущих забот и интересов, а социальной памяти, воплощенной в мифах, легендах, преданиях. Эстетические потребности удовлетворяли лирики, способные выразить в слове и музыке эмоциональные переживания. Представление о поэте как пророке, любимце богов несомненно восходит к археокультурной словесности.

Обобщая сказанное, можно сказать, что археокультурная словесность обеспечивала, во-первых, консолидацию членов общины: люди, не владевшие общинным языком, представлялись им «немыми» или вовсе «нелюдьми»; во-вторых, организацию общественной жизни, трудовую кооперацию, обыденное общение; в-третьих, функционирование неовещественной социальной памяти, заключающейся в передаче из поколения в поколение социальных норм и традиций, полезных знаний, умений и практического опыта, наконец, священного мифологического сознания и самосознания.

Археокультурная словесность, несмотря на свое господствующее положение в ОКС, никогда не вытесняла иконическое искусство. Правда, последнее трансформировалось из сюжетно-образного в абстрактно-орнаментальное. Орнаментализация документального канала имела два немаловажных следствия:

- вместо охотничьих эмоций гармонично сплетенный орнамент исподволь внедряя в первобытную психику ощущения красоты формы, цвета, пропорции, создавая тем самым предпосылки для появления эстетического сознания и, следовательно, возникновения собственно искусства, а не утилитарных изображений;

- орнамент и схематизированный рисунок — прямые предшественники пиктограмм и иероглифов. В древнейших памятниках египетского и шумерского письма нельзя определить, где кончается графика и начинаются письмена.

Таким образом, в недрах господствующей устной словесности вызревал **реванш** документных каналов за утраченное первенство. Реванш состоял в открытии нового документного канала — письменности.

5.3. Палеокультурная книжность

Письменность, сформировавшаяся на основе археокультурных символично-иконических документов, явилась исключительно важным культурным достижением. Среди историков письма нет единства в объяснении его происхождения. Большинство склоняется к *однолинейной* эволюции: сперва предметное письмо (символы, изображения, узелковое письмо), доходящее до пиктограмм (рисуночное письмо), затем на базе пиктограмм — иероглифы, слоговое и, наконец, буквенно-фонетическое письмо. Последнее принято многими народами. Но не всеми. Китайцы, например, не считают до сих пор возможным отказаться от иероглифической письменности, хотя принцип буквенно-фонетической записи был известен им во II в. н. э. Пути перехода от звучащего слова к слову записанному, по мнению других исследователей, *многообразны и нестандартны* и определяются местными социально-

культурными условиями, в частности, нежеланием грамотных жрецов, писцов, чиновников облегчать доступ в их сословно-кастовую группу.

Первые памятники письменности относятся к III — IV тысячелетию до н. э. Очагами письменности стали древнейшие локальные цивилизации: древнеегипетская, месопотамская (шумеро-ассиро-вавилонская), индусская, критская (минойская, эгейская) и древнекитайская. Эти очаги в разных концах ойкумены возникли не случайно, а были обусловлены цивилизационным развитием: появление городов, торговли и ремесел; образование мощных централизованных государств; классовое расслоение населения. Варварские племена и их объединения не нуждались в письменности; письменность — новый коммуникационный канал, востребованный цивилизацией.

В Европе и на Ближнем Востоке палеокультурная книжность существовала более 3,5 тыс. лет, которые можно поделить на три периода:

- древнейшие цивилизации (III тыс. — I тыс. лет до н. э.) — Древний Египет, Месопотамия, Крит;
- античность (VIII в. до н. э. — V в. н. э.), совпадающая с эллино-римской цивилизацией;
- средневековье (V — XIV века).

Особенности палеокультурной книжности видятся в следующих моментах:

1. **Обожествление Слова**, характерное для археокультуры, **переносится на Книгу**, Священное писание, Библию. Книжное слово становится гарантом истинности и незыблемости (что написано пером, не вырубишь топором). Отсюда — обычай клясться на книге (Библии, Конституции). Христианство, ислам, иудаизм — это *религии Писания*, где священные книги — основа конфессии. В средние века сложилась своеобразная иерархия книжных жанров по признаку святости. Наиболее почитаемой была литургическая, г. е. используемая в богослужении литература (Служебники, Требники, Часословы, Минеи, Триоди и т. п.) и каноническое Священное писание (Ветхий и Новый Завет); ниже рангом шли жития святых (агиография), церковная учебная литература (катехизисы), поучения отцов церкви, а в самом низу — светская (мирская) литература.

2. Произошла **социальная дифференциация** населения по принципу: грамотный — неграмотный. Овладение грамотой считалось немаловажным *личным достижением*, поэтому школа стала форпостом письменности. Если у бесписьменных народов социализация молодежи начиналась с освоения производственных умений и навыков, то цивилизованные общества приобщали учеников прежде всего к счету, чтению, письму. Социальный престиж и карьера индивида зависят теперь не столько от его силы, ума, сообразительности, выносливости, сколько от школьной выучки, от доступа к знаниям. Человек стал зависеть от документированного культурного наследия, хотя не может освоить даже сотую его долю. У члена дописьменного общества такой зависимости нет.

Заметим кстати, что в Древней Греции грамотные рабы пользовались некоторыми привилегиями: они занимали государственные должности, приобщались к литературному труду (вспомним легендарного Эзопа). В Риме рабы допускались в публичные библиотеки, использовались для переписывания книг (рабы-«библиографы»).

3. Выделились социальные группы людей, занятых **умственным**, так сказать, «интеллигентским» **трудом**, и следовательно, использующих письмо как профессиональный инструмент. В Древнем Египте и Китае авторитет людей письменной культуры был особенно высок. Трудно удержаться от соблазна процитировать древнеегипетское «Прославление писцов», относящееся к концу II тыс. до н. э. (перевод А. Ахматовой).

Мудрые писцы не строили себе пирамид из меди
И надгробий из бронзы,
Не оставляли после себя наследников,
Детей, сохранивших их имена.
Но они оставили свое наследство в писаниях,
В поучениях, сделанных ими.

.....
Книга лучше расписного надгробья
И прочнее стены.
Человек угасает, тело его становится прахом,
Все близкие его исчезают с земли,
Но писания заставляют вспомнить его
Устами тех, кто передает это в уста других.
Книга нужнее построенного дома,
Лучше гробниц на Западе,
Лучше роскошного дворца,
Лучше памятника в храме²¹.

Особенно разнообразной, хотя и не очень многочисленной, была интеллигенция демократических полисов Древней Греции. Помимо жречества, профессионалами умственного труда были учителя, зодчие, врачи, землемеры, деятели искусства, писатели, философы.

4. Обретение книжностью статуса общепризнанного коммуникационного канала для передачи основных культурных смыслов **происходило не без конкуренции** со стороны словесности. Отказывались от письменного изложения своих учений Пифагор, Сократ, Будда, Христос. Правда, если бы прилежные ученики не записывали их слов, мы бы не узнали даже имен этих великих учителей человечества. Вот как, по словам Платона, его наставник Сократ объяснял свою позицию (см. диалог «Федон»): люди, черпающие мудрость из письменных источников, «будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых».

Культуру классической Эллады иногда называют *ороакустической*, т. е. ориентированной на устное слово и слуховое его восприятие. Искусство устной речи считалось необходимым не только для ораторов и поэтов, но и для политиков, историков, философов, которые специально изучали риторику. По словам М. Л. Гаспарова, «даже философские трактаты, даже научные исследования писались, прежде всего, для громкого чтения. Высказывалось предположение, что античность вовсе не знала чтения «про себя»: даже

²¹ Поэзия и проза Древнего Востока. — М., 1973. — С. 102—103.

наедине с собою люди читали книгу вслух, наслаждаясь звучащим словом»²². Тем не менее, господство письменного слова установилось в Древней Греции на рубеже V — IV вв. до н. э.

5. Письменная коммуникация, несмотря на сдержанность и скепсис некоторых мудрецов и пророков, вызвала преобразование всех областей **духовного творчества**: мифологическое язычество вытеснили мировые религии Писания; анонимный фольклор потеснила авторская литература, которая стала авторской только благодаря письменности; предпочтение получили классические философские учения, законспектированные усердными учениками, а не софистические дискуссии; наука же просто невозможна на базе только устной коммуникации. Рукописная ОКС положила начало **документированной социальной памяти**; начинается написание человеческой истории; античные историки Геродот (между 490 и 480 — ок. 425 до н. э.), Фукидид (ок. 460—400 до н. э.), Ксенофонт (ок. 430—355 до н. э.) оставили после себя исторические произведения высокой научной ценности. Позже к ним присоединились римские историки Тит Ливий (59 до н. э.—17 н. э.), Тацит (58—117), Гай Светоний (ок. 70—ок. 140) и др.

6. Письменность стала **орудием просвещения и распространения знаний**, в том числе тайных, эзотерических. По свидетельству Плутарха, Александр Македонский сильно гневался на просветительскую деятельность Аристотеля и выговаривал своему учителю: «Ты поступил неправильно, опубликовав те учения, которые предназначались только для устного преподавания. Чем же мы будем отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются всеобщим достоянием? Я хотел бы не столько могуществом превосходить других людей, сколько знаниями о высших предметах». Конечно, о «просветительной функции» средне-исковой рукописной книги в условиях массовой неграмотности населения (более 90% в XV веке), можно говорить лишь условно.

7. В античную эпоху происходит формирование **книжного дела как социально-коммуникационного института**, включающего: изготовителей (переписчиков) манускриптов; торговых людей, содержащих книжные лавки; библиотеки разных типов, в том числе крупнейшую в палеокультуре **научную библиотеку** в Александрии.

С Александрийской библиотекой (700 тыс. свитков до пожара в I в. до н. э.) некоторое время соперничала Пергамская библиотека, насчитывавшая в лучшие свои годы до 200 тысяч рукописей.

Убедительным свидетельством расцвета книжной культуры во времена античности является феномен **библиофильства**. История библиофильства, которая продолжается и в наши дни, есть история книжной культуры в «человеческом измерении».

Крушение Римской империи в V веке сопровождалось разрушением античной книжности, которая не нужна была торжествующему варварству. Не только у феодалов книга стала невиданной редкостью, но и духовенство не всегда владело грамотой. Однако благодаря документированию значительная

²² Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. — М., 1972. — С. 7.

часть культурного наследия античности, затаившаяся в монастырских библиотеках, дошла до эпохи Возрождения, и европейским гуманистам было что «возродить» и возвращать в европейскую культуру после «темных веков» Средневековья.

8. Средневековая социальная коммуникация преимущественно представляла собой устную микрокоммуникацию. Население проживало в обособленных деревнях и небольших городах, где не было необходимости в переписке. Для особо важных поручений использовались гонцы, которые заучивали послание наизусть. Главным источником знания для неграмотной массы была церковь, а также слухи, которые переносили торговцы, бродячие театры, цирки и трубадуры. В большинстве селений не было ни календаря, ни часов. Язык делился на множество диалектов, причем диалектические различия ощущались на расстоянии 70—100 км. Известно, что в XIV веке лондонские купцы, потерпевшие кораблекрушение у северных берегов Англии, были заключены в тюрьму как иностранные шпионы. Правда, грамотная элита использовала латынь в качестве языка международного общения.

В средневековой палеокультуре не было истории — ее заменяли рыцарские романы, не было географии — ее заменяли рассказы прохожих людей, не было науки — ее заменяло Священное писание. Но отсутствие достоверных фактов мало кого беспокоило. Земная жизнь рассматривалась католической церковью как временное пристанище на тернистом пути к спасению, а знать судьбу людей может только Бог. Поэтому **никаких коммуникационных потребностей никто не испытывал.**

Однако с XII века началось духовное движение, которое проявилось в организации университетов, крупнейшими среди которых были Болонский и парижская Сорбонна. Между 1300 и 1500 гг. в Европе было учреждено более 50 новых университетов, которые стали центрами письменной культуры. Помимо церкви и зарождавшейся науки, в письменной коммуникации нуждались: королевская бюрократия, судопроизводство, купечество, расширявшее международную торговлю. Неграмотность постепенно изживалась. В XIV веке европейцы освоили производство бумаги и изобрели очки. Назревала бифуркация письменного канала, которая разрешилась в середине XV века изобретением книгопечатания.

9. Палеокультурная письменность — предмет изучения палеографии. **Палеография** — историко-филологическая дисциплина, изучающая закономерности появления и изменения знаков письменности на различных материалах. Прикладная задача палеографии — датировка времени создания рукописей и определение состава писцов. Славяно-русская палеография подразделяется на глаголическую, изучающую памятники, написанные *глаголицей*, и кириллическую, изучающую разновидности *кириллицы*: устав, полуустав, скоропись.

10. Было бы односторонне, а значит неправильно, подчеркивать одни лишь социально-культурные достижения и преимущества, которые подарила письменность цивилизованному человечеству. Становление книжной культуры — процесс амбивалентный, ибо были утрачены преимущества дописьменной археокультуры и обнаружались **проблемы**, неведомые неграмотным «детям природы».

- Устная коммуникация и недокументированная социальная память обладают естественными механизмами, предохраняющими их от переполнения. Избыточные сообщения не воспринимаются, а неактуальные знания забываются. Письменная культура не обладает такими защитными средствами, она провоцирует бесконечный рост документных фондов и, как следствие, информационный кризис.

- В условиях бесписьменного общества человек знал только то, что требуется ему для текущей жизнедеятельности, не больше и не меньше; в книжных культурах ему приходится осваивать много устаревших знаний, изложенных в авторитетных трудах мыслителей прошлого. Большая часть этих знаний никогда в будущем не понадобится. В результате индивидуальная и общественная память становится кладбищем знаний, предрассудков, суждений часто несовместимых друг с другом. Утрачивается цельность и законченность мировоззрения, свойственные дописьменным обществам, и растет противоречивость, напряженность, дезорганизованность цивилизованных сообществ.

- Существуют несоответствия и противоречия между нормами и требованиями, вычитанными из книг, и смыслами, поступающими по каналу непосредственной микрокоммуникации. В итоге образованный человек начинает страдать раздвоением личности и муками совести; неграмотный же варвар всегда действует согласно впитанной с детства традиции, не испытывая никаких сомнений и переживаний.

В мировой классической литературе не раз обсуждались тяготы цивилизации; достаточно вспомнить образы Дон Кихота и Санчо Пансы, Пьера Безухова и Платона Каратаева. Мануфактурная коммуникационная система не смягчила проблемы, унаследованные от письменной культуры, а скорее ужесточила их.

5.4. Мануфактурная некультурная книжность

Палеокультурная рукописная книга — представитель *первого поколения книжности*, когда в роли книги выступали папирусные свитки, а со II в. до н. э. — пергамен (нем. «пергамент»); мануфактурная книга относится ко *второму поколению книжности*, начало которому положило изобретение в Европе печатного станка в середине XV века. Обратим внимание на терминологическую тонкость. До появления печатных изданий «книгами» именовались манускрипты, допустим, сочинения Аристотеля, и было известно, что Аристотель — автор 400 книг и 1000 трактатов. После изобретения книгопечатания потребовалось отличать произведения письменности от произведений печати. В настоящее время **книга** понимается как бумажный документ, прошедший редакционно-издательскую обработку и тиражированный для общественного пользования типографскими средствами. Манускрипт, написанный на бумаге, сброшюрованный и переплетенный в форме кодекса, это рукопись, а не книга в современном ее понимании.

Мощным импульсом для распространения книгопечатания в Европе явилась эпоха Возрождения с ее гуманистическими идеалами и жадой знаний. Но справедлив и обратный тезис: книгопечатание послужило толчком для зарождения культуры Возрождения. Не случайно в XV веке «божественная

комедия» Данте издавалась 15 раз, стихи Петрарки 31 раз, «Декамерон» Боккаччо 11 раз. Без книгопечатания вряд бы состоялась церковная Реформация. Переводы «Библии» на немецкий язык, выполненные М. Лютером, издавались при его жизни (1483—1546) не много, не мало 430 раз! Попутно лютеровская «Библия», благодаря ее распространенности, послужила фундаментом для формирования немецкого литературного языка.

Изобретение книгопечатания имело громадное значение для становления неокультуры, поскольку это была технология, которая послужила примером *массового производства*. Причем — и это главное — массового производства в области просвещения, литературы, науки. Честь именоваться «родиной книгопечатания» оспаривают голландцы, бельгийцы, итальянцы, французы, немцы. Чаша весов склоняется в пользу немца **Иоганна Гутенберга** (1394 или 1399—1468) из города Майнца, и большинство книговедов согласны с немецкой хроникой, где было записано в 1474 г.: «Замечательное искусство книгопечатания было изобретено в Майнце. Это искусство искусств, паука наук. Его чрезвычайная продуктивность позволила вызволить из мрака сокровища знаний и мудрости, чтобы обогатить и просветить мир»²³. Однако точной даты замечательного изобретения нет. Первые книги, отпечатанные Гутенбергом, относятся к 1445 г.

Вторая половина XV века — время триумфального шествия новой технологии книжного производства по странам и городам Западной Европы. В течение 50 лет было основано более 1100 типографий, выпустивших в общей сложности 35—45 тысяч названий первопечатных книг тиражом около 20 млн. экземпляров. Сохранилось от них лишь несколько процентов — порядка 200 тысяч. Книги, вышедшие в свет ранее 1 января 1501 г., называются **инкунабулы** (кунабулум — лат. колыбель; дословно «в колыбели»). Они являются объектом пристального научного исследования со стороны специальной книговедческой дисциплины — **инкунабуловедения**. Разумеется, все инкунабулы, так же как **палеотипы** (книги, изданные в 1501—1550 гг.), являются большой культурно-исторической ценностью и гордостью их владельцев.

Характерные черты мануфактурной книжной культуры, господствовавшей в XVI—XVIII веках, видятся в следующем:

1. Мануфактурные книги **количественно и качественно** отличались от манускриптов. За первые 50 лет книгопечатания европейцы получили в свое распоряжение больше книг, чем за две тысячи лет книжного рукописания. В XVI веке выпущено более 242 тысяч названий, в XVII веке — 972 тысячи, в XVIII веке — около 2 млн. названий; тиражи возросли с 200—300 экз. в XV веке до 1000—1200 в XVII веке. Хотя полиграфическая техника оставалась мануфактурной (печатный стан и словолитная форма Гутенберга сохранились в типографиях до конца XVIII века) облик книги изменился неузнаваемо: книги, к оформлению которых привлекались лучшие художники того времени, стали подлинными *произведениями искусства*. Совершенствовались технологические приемы набора, качество иллюстраций, титульных листов, обложки. Появились книгоиздательские фирмы, поддерживавшие высокие художественные и

²³ Владимирова Л. И. Всеобщая история книги. — М., 1988. — С. 97.

научные стандарты своей продукции. Мировой известностью пользуются четыре фирмы, которые основали итальянец Альд Мануций, французы Анри Этьенн и Кристоф Плантен, голландец Лодевейк Эльзевир. При этом дешевизна и доступность книги постепенно росли, что означало *демократизацию* книжного рынка.

2. Манускрипты предназначались для чтения вслух неграмотной аудитории, печатные книги рассчитывались на молчаливое чтение «про себя». Соответственно **изменилось Оформление текста:** появились названия, разбивка на главы и разделы, спуски, поля, пробелы между словами, красочные иллюстрации. Изменился литературный язык и стиль изложения, которые приспособлялись к восприятию зрением, а не слухом. Книгу стали рассматривать не как пособие для устной речи, а как **непосредственный источник знания**, что вызвало следующие изменения:

- появились понятия оригинальности, ценности, новизны содержания;
- возникло авторское право и понятие «плагиат» (в XVIII веке);
- выработались литературные жанры и стили изложения, нормы литературного языка;
- образовалась читательская массовая совокупность, состоящая из незнакомых друг с другом людей, имеющих общие взгляды и интересы (по оценке М. А. Барга, доля грамотных возросла с 10% в XV веке до 25% в XVII веке);
- тиражированные в сотнях экземпляров книги начали «жить своей жизнью», независимо от автора или переписчика. Они превратились в завершённые и целостные элементы овеществлённой и долговременной социальной памяти.

3. Мануфактурная книжность послужила почвой для нормирования и распространения светских литературных языков. Но этого мало. В XVII и XVIII веках, которые по праву считаются временем торжества рационализма, становления науки и светского просвещения (заметим ещё раз: все это стало возможным благодаря книгопечатанию!) появилась идея **лингвопроектирования**, вызвавшая к жизни многочисленные проекты **искусственных языков**.

Критический разум «гениев XVII века» быстро распознал несовершенство естественных языков, явившихся результатом неконтролируемого и случайного развития. Был сделан вывод о необходимости построения логически выверенного языка, который мог бы послужить для непротиворечивой и однозначной записи научных истин. Идею «философской грамматики» высказал в 1623 г. **Ф. Бэкон**; в 1629 г. проблемы проектирования всеобщего языка обсуждал **Р. Декарт**, в 1661 г. проект универсального языка предложил **И. Ньютон**, наконец, **Г. В. Лейбниц** довольно серьёзно разрабатывал философский язык в виде математической модели, где всякое рассуждение сводилось к вычислениям. Идея универсального философского лексикона оказалась утопичной, но стремление ученых к логичности, системности, однозначности языка нашло свое выражение в научной символике (особенно — в математике, символической логике, химии) и в терминологии точных и естественных наук, которые стали складываться в XVII—XVIII веках.

4. Свойственная документам сущностная ценностно-ориентационная функция стала использоваться для **достижения социально-прагматических целей**:

Печатная книга с самого начала сделалась **орудием светского просвещения**. Только половина инкунабул относилась к религиозной тематике (гораздо меньше, чем в потоках средневековых манускриптов), четверть — к художественной литературе, 10% — к юриспруденции, прочие — к другим отраслям знания. В XVII веке не менее 2/3 книг были светскими по содержанию, и эта тенденция усилилась в «просвещенном» XVIII веке. Надо заметить, что многие издатели и типографы рассматривали свою деятельность как форму борьбы с невежеством и церковным обскурантизмом.

Короли и власти нового времени стали использовать печать для **пропаганды своих идей и привлечения сторонников**: Генрих VIII и его премьер-министр Томас Кромвель издавали памфлеты для утверждения англиканской церкви; Ришелье прибегал к услугам периодической печати.

Во времена **революционных ситуаций** в Нидерландах, Англии, Германии, Франции публицистические памфлеты, прокламации, воззвания, издаваемые многотысячными тиражами, революционизировали «третье сословие» и крестьянство.

С XVI века сначала церковные, а затем и светские власти начали ожесточенную борьбу с еретическим вольномыслием. В 1564 г. Ватикан издал «Индекс запрещенных книг», который, постоянно пополняясь, действовал вплоть до XX века; была мобилизована инквизиция. Неблагонадежные книги изымали из библиотек, книжных лавок и публично предавали сожжению. Иногда вместе с книгами сжигали их авторов и издателей (вспомним Джордано Бруно). Цензура, судебные преследования, варварское уничтожение литературы и другие акты **коммуникационного насилия** стали неизменными спутниками книжной культуры с XVI века до XX века.

5. Переход от рукописания к книгопечатанию углубил и расширил дифференциацию книжного дела; возник ряд специализированных **социальных институтов**, в том числе: книгоиздательский (редакционная подготовка + полиграфическое размножение документов), книготорговый, библиотечный и библиографический. Началось формирование **овеществленной социальной памяти**.

Основные изменения в библиотечном деле состояли в следующем: в результате религиозных войн сильно пострадали монастырские библиотеки; на основе конфискованных фондов монастырских библиотек и частных книжных собраний стали возникать *городские* библиотеки; выполнявшие функции одновременно *публичных* и *университетских*; в школах (особенно, активно — в Германии) начали организовываться *школьные* библиотеки; открывались для публики личные книжные собрания королей и дворцовой знати, стремившихся стяжать славу просвещенных и щедрых властителей. Таким образом складывались структуры *национальных библиотечных систем*, свойственных западной цивилизации.

Если библиотечное дело возникло еще в пору рукописной ОКС, то именно мануфактурная книжность вызвала к жизни **библиографию** — вторичный уровень документной коммуникационной системы (см. пункт 4.3.1). По словам

К. Р. Симона, «с распространением книгопечатания закончилась предыстория библиографии и началась ее история»²⁴. Действительно, именно с этого времени появились *книготорговая библиография*, *отраслевая библиография* (юридическая и медицинская — прежде всего), *национальная библиография*, отражающая публикации представителей данной страны (в Германии, Англии, Италии, Франции, Испании, Польше), наконец, *универсальная международная библиография*, представленная таким величественным памятником европейского Возрождения как «Всеобщая библиотека» **К. Геснера** (1515—1565). В «Библиотеку» Геснера включены более 15 тыс. книг, принадлежащих почти 5 тыс. авторов. Большая часть описаний снабжена подробными аннотациями, оглавлениями и выдержками. Геснеру удалось подвести итоги развития письменной и мануфактурной книжности в Европе с античности до середины XVI века. Ничего подобного ни один библиограф после Геснера сделать не мог. Правда, не обошлось без курьезов. Будучи несколько старомодным, Геснер признавал в качестве литературных только греческий, латинский и древнееврейский языки и игнорировал «варварские» французский и итальянский. В связи с этим в кратких заметках о Данте и Боккаччо упущены их главные произведения.

6. Помимо библиографии, о созревании книжной культуры свидетельствует зарождение **словарно-справочного** дела. Если библиографический указатель есть «книга об известных книгах», то энциклопедия (справочник, словарь) — это «книга о том, что мы знаем». В XVII и XVIII веках в Англии и во Франции публикуется целый ряд словарей, лексиконов, энциклопедий, пользующихся широким спросом. Высшим достижением, одной из духовных вершин «века Просвещения» — XVIII столетия, бесспорно, является знаменитая «Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремесел». Включающая более 60 тысяч статей семнадцатитомная Энциклопедия была подготовлена и выпущена в свет в 1751—1766 гг. Осуществить в крайне неблагоприятных условиях это колоссальное по объему издание стало возможным только благодаря неиссякаемой энергии, таланту, поразительной работоспособности и организаторским дарованиям **Дени Дидро** (1713—1784), с начала и до конца остававшегося главным идейным вдохновителем и исполнителем всего дела. Известна историческая роль Энциклопедии Д. Дидро в идеологической подготовке Великой французской революции 1789—1794 гг.

7. В XVII — начале XVIII века в европейской культуре лидером становится естествознание. В это время жили и творили Г. Галилей (1564 — 1642), Р. Декарт (1596—1650), Б. Паскаль (1623—1662), У. Гарвей (1578—1657), Г. В. Лейбниц (1646—1716), Х. Гюйгенс (1629—1695), И. Ньютон (1642—1727), Л. Эйлер (1707—1783), семья математиков Бернулли и многие другие выдающиеся ученые. Этот период Джон Бернал (1901—1971), основоположник современного науковедения, называл «научной революцией». В результате этой революции образовалось европейское научное сообщество, кровно заинтересованное в оперативной и полной научной коммуникации. Непосредственным откликом на эту потребность стал «Журнал ученых»,

²⁴ Симон К. Р. История иностранной библиографии. — М., 1963. — С. 79.

первый номер которого вышел в свет в Париже в январе 1665 г. Задачей этого журнала, как и подобных ему периодических изданий в Англии, Германии, Нидерландах, было не информирование о новых теориях, открытиях, событиях научной жизни, а сообщение о книгах, в которых об этом говорилось. Другими словами, это были «журналы о книгах», т. е. библиографические, точнее — реферативные (о книгах сообщалось посредством их рефератов) издания.

Дидро в своей Энциклопедии дал следующее определение: «Журнал — периодическое издание, содержащее извлечения из вновь напечатанных книг, с отчетом об открытиях, ежедневно делаемых в науках и искусствах... Он был изобретен для тех, кто слишком занят или слишком ленив для того, чтобы читать книги целиком. Это — способ удовлетворять свою любознательность и стать ученым с малым трудом». Прошло не менее 150 лет пока, наряду с реферативными научными журналами, без обращения к которым до сих пор не обходится никакая научная работа, появилась современная научная периодика.

8. Свидетельством зрелости второго поколения книжной культуры могут служить не только формирование национальных документальных систем (ДОКС) с развитым книжным производством и распределением (контур обобществления) и совокупностью разных библиотек и библиографических служб (контур обработки, хранения, распространения), но и развитие библиофильства, сопровождаемого библиофильской библиографией, а также формирование теории книговедения и библиографии.

Термин «книговедение» (Bücherkunde) впервые ввел в научный оборот австриец **Михаэль Денис** (1729—1800), в труде «Введение в книговедение» (Вена, 1777—1778 гг.), где он отнес к книговедению историю рукописной и печатной книги, типографское дело, библиотековедение и каталогизацию.

Основоположником библиографической науки, получившей в наше время название «библиографоведение», считается **Нэ де ля Рошель** (1751—1837), опубликовавший в 1779 г. «Рассуждения о библиографической науке». В своих «Рассуждениях...» Нэ пишет: «Библиография есть описание мира письменности и того, что его составляет, подобно тому, как география — описание земного шара; но открытия в области земного шара когда-нибудь найдут свою границу, открытия же в области письменности никогда не будут иметь границы и изучение библиографии станет тем необходимее, чем большее развитие получают искусства и науки»²⁵. Известно, что во время Великой Французской революции, когда возникла проблема сохранить и упорядочить книжные собрания, реквизированные республиканцами, был издан декрет, предписывающий читать учебный курс «библиографии» в главных городах всех департаментов.

5.5. Индустриальная некультурная книжность

XIX век — время торжества капитализма в Западной Европе, которое сопровождалось тремя важными для социальной коммуникации явлениями:

- благодаря индустриализации материального производства, резко увеличиваются производственные мощности и производительность труда;

²⁵ Цит. по: Симон К. Р. История иностранной библиографии. — М., 1963 — С. 288.

- происходит становление наций — многомиллионных полиэтнических сообществ, нуждающихся в средствах консолидации;

- возрастает образованность и просвещенность городского населения, предъявляющего растущий спрос на культурные развлечения, знания, информацию. Войны и революции XX века превратили средства массовой коммуникации в средство управления народными массами. На этом экономическом, социально-культурном, политическом фоне в Западной Европе и в России происходило формирование индустриальной общественной коммуникационной системы, которая соответствует *третьему поколению книжности* и создает предпосылки для становления грядущей мультимедийной ОКС информационного общества.

Характерные особенности индустриальной книжной культуры, господствовавшей в XIX — I половине XX века, видятся в следующем:

1. В первой половине XIX века произошла, можно сказать, **промышленная революция в полиграфии**. Книгопечатание включает три полиграфических процесса: изготовление печатной формы, печатание тиража, выполнение брошюровочно-переплетных работ. Мануфактурная типография базируется на ручном труде печатника, который использует печатный станок, установку для отливки букв, собственную сноровку и мастерство. Индустриальное производство основано на механизации всех полиграфических процессов, сводя к минимуму участие в них типографских работников. В этом состоит принципиальное отличие индустриального книгопечатания от мануфактурного.

В начале XIX века (1803 г.) первую **печатную машину** (не станок, а именно машину!) сконструировал Фридрих Кёниг (1774—1833). В 1814 г. ее использовали в Англии, где он тогда жил, для печатания газеты «Тайме». В 1817 г. Кёниг вернулся на родину в Германию, где основал фабрику печатных машин. Первая русская печатная машина, построенная в 1829 г., была установлена в редакции газеты «Северная пчела». В 1830-х гг. в Америке появились *тигельные* машины, специально приспособленные для печати бланков, обложек, иллюстраций. В 1860 г. Вильям Буллок построил *ротационную* машину, печатающую на обеих сторонах бумажного полотна и особенно удобную для выпуска газет. В 1866 г. эту машину снабдил и *резальными* и *фальцевальными* аппаратами. В 1884 г. в США была изобретена строкоотливная наборная машина, названная *линотип*, а в 1897 г. появилась буквоотливная наборная машина — *монотип*, облегчившая корректуру и верстку. Короче говоря, в XIX веке бурными темпами развивалось **полиграфическое машиностроение** — основа индустриального книгопечатания.

Параллельно шло техническое перевооружение бумагоделательного производства. В 1799 г. француз Луи Робер построил первую бумагоделательную машину; в 60-е гг. научились делать качественную бумагу из древесины, что значительно удешевило производство и расширило его масштабы. Появилась еще одна отрасль промышленности — **целлюлозно-бумажная**.

Таким образом в первой половине XIX века сложились материально-технические возможности для интенсификации книжного производства. Стремительно возрастает и выпуск книг. Например, в Англии в начале века

выпускалось около 300 названий книг в год; 1828 г. — 1242 книги; 1857 г. — 5218 книг; 1897 г. — 7516 книг; 1914 г. — 1537 книг (рост за столетие в 35 раз!). В США темпы еще выше: там выпуск книг возрос со 120 названий в 1823 г. до 13470 названий в 1910 г., т. е. более чем в 100 раз!

Что касается России, то здесь динамика книгопечатания имела следующий вид. Начало книгопечатания — 1550-е гг., когда было отпечатано несколько книг в так называемой «анонимной московской типографии»; в 1564 г. — выход в свет первой датированной книги — «Апостол» **Ивана Федорова** (ок. 1510—1583) — русского и украинского первопечатника. В XVI веке в Москве было отпечатано около 15 книг.

В XVII веке было выпущено более 500 книг, в том числе светские сочинения С. Полоцкого, «Соборное уложение» (1649), «Учение и хитрость ратного строения», «Три чина присяг» и др. При этом продолжалось интенсивное рукописание книг, особенно книг с красочными иллюстрациями: старообрядцы вообще не признавали типографские издания священными. По сути дела до 1708 г., когда был введен гражданский шрифт, русская коммуникационная культура находилась в состоянии *палеокультурной книжности*.

Мануфактурная неокультурная книжность началась в России с Петра I и характеризовалась следующими статистическими данными:

1698 — 1725 гг. — около 600 изданий;

1726 — 1740 гг. — 175 изданий;

1741 — 1760 гг. — 620 изданий;

1760 — 1800 гг. — 7860 изданий;

1801 — 1855 гг. — 35000 изданий. Всего в XVIII веке было опубликовано около 10 тыс. сочинений гражданской печати, из которых более трети составляли произведения изящной словесности и еще треть — научная светская литература. В первой половине XIX века издавалось: порядка 250 названий ежегодно в 1801—1815 гг. и более 1000 в 1836—1855 гг. При этом отставание от «мастерской мира», бурно капитализирующейся Великобритании, составляло 5 раз, зато Североамериканские Соединенные штаты Россия опережала в 2 раза. *Индустриальная неокультурная книжность* пришла в Россию с Александровскими реформами. Благодаря использованию полиграфической техники, ежегодный выпуск книжной продукции в России стал быстро нарастать: с 1500 названий в 1856—1860 гг. до 12 тыс. названий в 1896—1900 гг. В целом во II половине XIX века было опубликовано 250 тыс. книг. В 1906—1915 гг. после смягчения цензурных ограничений ежегодный выпуск книг увеличился с 24 тыс. до 34 тыс. в год. Известны порядка 20 частных издательств, выпускавших около 100 названий ежегодно, в их числе — издательство И. Д. Сытина — более 800 книг и издательство «Посредник» — 270 книг²⁶. По числам названий и тиражам Россия заняла первое место в мире. До 1905 г. тираж 20—30 тыс. экземпляров был редкостью, теперь обычными стали тиражи 50—100 тыс. С 1814 г. по 1913 г. выпуск книг в России увеличился с 234 до 34 тыс. названий, т. е. в 140 раз! Всего в 1901—1916 гг. вышло в свет 383 тыс. изданий.

²⁶ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник — СПб., 1995. — С. 356—369.

Надо напомнить, что Советский Союз сохранял статус мирового лидера книжного производства. В 1918—1930 гг. было издано около 200 тыс. книг; 1931—1940 гг. — 760 тыс.; 1941—1953 гг. — 350 тыс. книг. С 1960 г. в СССР ежегодно стабильно издавалось около 80 тыс. книг и брошюр; максимальное значение — 84 тыс. в 1985 г. Всего за 1918—1988 гг. советские издательства выпустили в свет 3,9 млн. печатных единиц общим тиражом 70,6 млрд. экз.²⁷ Интересная деталь: в 1988 г. в фондах государственных библиотек насчитывалось около 6 млрд. единиц хранения. Это значит, что примерно 60 млрд. книг прошли через руки советских людей, не считая дореволюционных изданий. Конечно, много книг утрачено во время войн, революций, стихийных бедствий, цензурного библиоцида, но все-таки совокупный фонд личных библиотек советских людей поистине колоссален!

2. Мощности машинного полиграфического и бумажного производства позволяют, наряду с расширением книгоиздания, обеспечить невиданный рост журнально-газетной продукции. Благодаря этим мощностям произошла бифуркация III: выделение из книжного коммуникационного канала **прессы** — нового, нетрадиционного коммуникационного канала. Пресса — первый из каналов массовой коммуникации, к которому в XX веке присоединятся кино, радио, телевидение. На базе вновь открытого канала быстро формируется новый социально-коммуникационный институт — институт **журналистики**, который появляется в третьем поколении книжности, являясь производным от традиционного для книжной культуры социального института «литература». Правда, периодические издания появились отнюдь не в XIX веке, а намного раньше.

Юлий Цезарь ввел практику оповещения населения о военных событиях, государственных назначениях, пожарах, увеселениях и пр. посредством записей, которые делались на восковых досках и переписывались заинтересованными лицами. **Газета** как вид документа появилась в XVI веке в Венеции, Риме, Вене, где шустрые «писатели новостей» составляли рукописные сводки сообщений о придворной жизни, торговле, событиях в городах, чудесных и интересных явлениях. Когда в 1493 г. в Риме было опубликовано письмо Колумба об открытии западного пути в Индию, оно сразу же было распространено по другим городам Европы. Такие рукописные «новости» покупались за мелкую монету «газетту», поэтому за ними закрепилось имя «газета».

Печатные газеты появились в начале XVII века сначала в Германии (*Zeitung* — 1609 г.), затем в Англии (*Weekly News* — 1622 г.), во Франции (*La Gasette* — 1631 г.). Газеты были рассчитаны на купцов и богатых горожан; они содержали сведения о торговых путях, ценах, ходе торговли, внутренней жизни стран, межгосударственных отношениях. Французская «*La Gasette*», созданная при участии Ришелье, публиковала политические новости.

С начала XVIII века в Германии, Англии, Франции стали выходить ежедневные газеты, которые готовились профессионалами-газетчиками. Их влияние особенно возросло во время Великой французской революции (вспомним газету Робеспьера «Защитник Конституции» или газету Марата «Друг народа»). Но их количество, тиражи и общественное признание не идут

²⁷ Народное образование и культура в СССР. Статистический сборник — М., 1989. — С.369.

ни в какое сравнение с соответствующими параметрами газетной индустрии середины и конца XIX века.

Стремительный рост газетного бизнеса характерен для США. Начиная с 1850 г. здесь действовал своеобразный «закон удвоения», при котором за каждое десятилетие количество выходящих в стране газет удваивалось: если в 1850 г. их выходило 2521, то в 1860 г. — 4051, в 1870 г. — 5871, в 1880 г. — 10132, в 1890 г. — 18536. Аналогично росли тиражи: в 1850 г. разовый тираж всех газет был 5,1 млн., в 1860 г. — 13,7 млн., в 1870 г. — 20,8 млн., в 1880 г. — 31,8 млн., и 1890 г. — 69,1 млн., в 1900 г. — 113,3 млн.²⁸

В журналистике США еще в первой половине XIX века обозначились два направления:

- повествовательная журналистика, преследовавшая познавательные, эстетические, воспитательные цели, предлагая своим читателям не только факты, но и их осмысление и оценку;
- информационная журналистика, видевшая назначение газеты в том, чтобы дать оперативное, полное и объективное сообщение о реальных фактах, предоставляя их осмысление читателям.

В течение XIX века повествовательное направление преобразовалось в «желтую» прессу, ориентированную на невзыскательные вкусы малообразованной массы; здесь был спрос на сенсации, рекламу, фото и карикатуры, развлекательные публикации вплоть до сплетен. Информационная журналистика обращалась к солидной и образованной публике, предлагая ей правдивую и этически выдержанную картину реальной жизни (например, газета «Нью-Йорк таймс»).

Если в Средние века местом обмена информации между жителями приходила церковь, то с XIX века источником новостей сделалась газета. Коммуникантами, формирующими общественное мнение, стали не проповедники и ораторы, а редакции газет и журналов. Читающая публика более атомизирована и индивидуализирована, чем слушающая аудитория; отсюда — **ослабление микрокоммуникации и усиление массовой мидикоммуникации (ГуМ)**.

Журнал — более поздний вид периодического издания, чем газета. Первым журналом считается французский «Журнал ученых» (1665 г.), представлявший собой сборник рефератов книг и далекий от современных представлений о журнале как виде издания. К концу XIX века на Западе получили наибольшее распространение иллюстрированные журналы, рассчитанные на массовую аудиторию. В 60-е гг. XX века тиражи такого рода изданий составляли около 8 млн. экз. в США и около 1 млн. во Франции и Великобритании. Лишь немного отставали от них журналы для женщин. На третьем месте были влиятельные политические журналы, выходившие тиражами от 3 млн. до 100 тыс. Кроме того, на журнальном рынке пользовались спросом научно-популярные, литературные, спортивные, сатирико-юмористические журналы. Численность журналов в США в это время приближалось к 10 тыс. названий, в западно-европейских странах и Японии — около 5 тыс.

²⁸ Цит. по: Петров Л. В. Массовая коммуникация и искусство. — Л., 1976. — С. 101.

В самодержавной России начало периодики связано не с инициативой частных лиц, а с повелением властей. Как известно, Петр I приказал начать выпуск газет в виде так называемых «петровских ведомостей» (январь 1703 г.); с 1728 г. первая русская газета стала выходить в свет регулярно под названием «Санкт-Петербургские ведомости». Обеспечивала ее выпуск Академия наук. Под эгидой Академии с 1728 по 1742 гг. публиковали первый русский журнал «Исторические, генеалогические и географические примечания» к «Санкт-Петербургским ведомостям», где печатались статьи познавательного и научного характера, а также поэтические произведения. В 1755—1765 гг. та же Академия наук взяла на себя издание второго русского журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», адресованные «всякому, какого бы кто звания или понятия не был». В 1756 г. стала выходить вторая русская газета — «Московские ведомости», издаваемая Московским университетом.

Таким образом в XVIII веке в России было всего две газеты. Что касается журналов, то здесь, опять-таки благодаря личному участию просвещенной Екатерины II, начиная с 1769 г., замечается оживление. В этом году в числе новых 8 журналов появился первый толстый литературно-сатирический журнал «Трутень», издаваемый **П. И. Новиковым** (1744—1818). Заметим, что толстые журналы — специфическое явление русской литературы, ставшие в XIX веке общественной трибуной отечественного «литературоцентризма» (см. пункт 2.3.2). В нашу задачу не входит обзор истории русской журналистики, мы ограничимся общей периодизацией этой истории.

Эмбриональный период: верховная власть непосредственно или через государственные учреждения осуществляет издательскую деятельность:

- петровский период (1703—1725 гг.);
- академический период (1728—1765 гг.).

Становление журналистики как социального института: от дворянской к разночинной журналистике:

- екатерининское просвещение (1769—1796 гг.);
- дворянская любительская журналистика (1797—1825 гг.);
- переход инициативы к разночинцам, коммерциализация журнального дела (1826—1839 гг.).

Капитализация журналистики:

- наступление демократов-разночинцев (1840—1866 гг.);
- реформаторская эволюция (1867—1880 гг.);
- капитализация под эгидой православной монархии (1881—1905 гг.);
- признание прессы социальной силой (1906—1917 гг.).

Советская журналистика (1921—1990 гг.) — пресса на службе тоталитаризма.

Постсоветский период — с 1990 г., когда был принят закон «О средствах массовой информации».

Нетрудно видеть, что первые два периода относятся к мануфактурной книжности, а последующие — к индустриальной книжности. Об этом свидетельствуют и количественные показатели периодических изданий:

- 1703 — 1800 гг. — 15 изданий;
- 1801 — 1850 гг. — 32 издания;
- 1851 — 1900 гг. — 356 изданий.

В 1913 г. в России издавалось 2915 журналов и газет (1757 журналов и 1158 газет). В Советском Союзе в 1988 г. выходило в свет 5413 журналов (включая сборники и бюллетени) и 4430 газет (без низовых и колхозных). Причем суммарный тираж журналов примерно вдвое превышал сумму тиражей разовых изданий, а совокупный годовой тираж газет был в 12 раз больше, чем тираж журнальной периодики. Грубо говоря, на каждого грамотного жителя СССР в 1988 г. приходилось ежегодно 10 книг, 20 номеров журналов и 240 экземпляров газет.

Приведенные факты показывают, что как в нашей стране, так и в Западной Европе достижение уровня индустриальной книжности означает, что книжная культура перестает быть чисто «книжной», а превращается в **книжно-газетно-журнальную** культуру, где газеты и журналы служат для массового распространения наиболее важных и актуальных культурных смыслов.

3. Во второй половине XIX века резко ускорился рост **урбанизации**. Париж, в средние века самый многолюдный город в Западной Европе, насчитывал в XIV—XV веках сто тысяч жителей; в 1801 г. — пятьсот тысяч, к 1850 г. — один миллион. Нью-Йорк в 1790 г. имел 33 тыс. жителей, в 1850 г. — 515 тыс., в 1890 г. — 1 млн. 440 тыс., в 1900 г. — 3 млн. 473 тыс. В 1900 г. в Санкт-Петербурге проживало 1 505 200 человек, в Москве — 1 360 тыс. За последние 40 лет XIX века городское население в России удвоилось. Уместно заметить, что после «Медного всадника» А. С. Пушкина русские поэты и писатели воздерживались от апофеоза «творения Петра». Напротив, Петербург становится в русской литературе олицетворением безликого зла, казенного бездушия, одиночества и отчужденности простого человека. Начиная с «Белых ночей» Ф. М. Достоевского вплоть до «Петербурга» А. Белого, эта тема звучит постоянно «по мере того, как город перенаселяется, давит жителей многоэтажными домами, покрывается сетью электрических проводов, наполняется лязгом трамваев, миганием реклам и уличных огней»²⁹.

Городской образ жизни, конечно, существенно отличается от сельского жизненного уклада. Распались традиционные нормы регуляции поведения, связанные с патриархальными обычаями, нарядными гуляниями, религиозными праздниками. Обнаруживается острая общественная потребность в новых средствах консолидации общества и социальной коммуникации. В качестве таких средств выступили пресса, иллюстрированные газеты и журналы, а в начале XX века — кинематограф. Эти средства способствовали росту просвещенности населения, но вместе с тем приводили к **упрощению, массовости и стандартизации** духовных потребностей. Так возникли **массовые** аудитории — прямое следствие урбанизации.

4. Вторая половина XIX века — время **первой технической революции в социальных** коммуникациях. Мы уже отметили появления прессы как следствия технической революции в полиграфии, теперь остановимся на других первичных технических коммуникационных каналах, вызванных к жизни первой технической революцией (см. рис. 4.1).

²⁹ Средства массовой коммуникации и современная художественная культура. — М., 1983. — С. 78.

- **Телеграф.** В революционной Франции был изобретен Клодом Шаппом *оптический* телеграф, который применялся для оперативной передачи депеш из Парижа на периферию. В начале XIX века оптический телеграф применялся в США для сообщения о прибытии кораблей в Бостон. В 1820-х—1830-х гг. ученые во всем мире работали над созданием *электромагнитного* телеграфа. Приоритет принадлежит русскому ученому **П. Л. Шиллингу** (1796—1837), который в октябре 1832 г. продемонстрировал первую телеграфную передачу. Правда, телеграф П. Л. Шиллинга не обеспечивал запись принятых сообщений и имел диапазон действия, ограниченный несколькими километрами из-за затухания сигналов вследствие сопротивления в соединительных проводах.

Практически пригодную схему электромагнитной связи разработал в 1837—1838 гг. американский изобретатель **Самуэл Морзе** (1791—1872). В этой схеме для усиления сигналов применялись реле, благодаря которым обеспечивалась дистанционная передача и прием сообщений, закодированных «кодом Морзе». Скорость передачи на ручном телеграфном ключе составляла до 100 кодов в минуту. Благодаря телеграфу смысловая коммуникация отделилась от транспортной (почта) и образовала собственный технический канал, где сообщения двигались гораздо быстрее наземного транспорта. Апофеозом телеграфной связи, которую современники называли «наиболее замечательным изобретением нашего замечательного века», стало открытие в 1858 г. трансатлантического кабеля, который обеспечил мгновенную передачу сообщений через океан.

Кодирование телеграмм в виде последовательности точек и тире затрудняло их восприятие человеком, требовался буквопечатающий телеграфный аппарат. Благодаря усилиям русского электротехника **Б. С. Якоби** (1801—1874) и французского изобретателя **Жана Бодо** (1845—1903) эта задача была решена. В 1877 г. Бодо ввел в эксплуатацию буквопечатающий телеграфный аппарат с клавиатурой пишущей машинки, который использовался во всем мире до середины XX века.

- **Фотография** представляет собой не только технический, но и *художественный* канал, недаром, одним из «отцов» фотографии был французский художник **Луи Жак Дагер** (1787—1851). В 1839 г. Дагер совместно с химиком Жозефом Ньепсом продемонстрировал первый практически пригодный способ фотографии — *дагеротипию*, где светочувствительным веществом служило соединение серебра и йода. Предпосылкой появления и быстрого распространения фотографии была общественная потребность в простом и дешевом получении изображений. Не случайно фотографию снисходительно называли «Живописью для бедных».

Первоначально дагеротипия развивалась в традиционных живописных жанрах: первым дагеротипом был натюрморт, затем обрел популярность пейзаж, наконец, — портрет. Цветные фотоизображения были получены в конце 60-х годов. Возникла конкуренция между «рукотворной живописью» и «машинными изображениями». Преимущества фотографии проявились в *документном фоторепортаже*, который до конца XIX века начал широко использоваться иллюстрированными газетами и журналами. Развитие фотодокументалистики открыло перед фотографией громадное разнообразие тем, сюжетов, ракурсов, возможность необычного взгляда на живую

действительность, нередко взгляда, имеющего эстетический характер. Фотография, — признают искусствоведы, — оказывает в течение последних 150 лет существенное влияние на все пластические искусства: иногда в форме заимствования, иногда в форме противопоставления и отталкивания.

• **Телефон** разрешил проблему дистанционного обмена речевыми сообщениями. В 1876 г. патент на изобретение телефона получил американец **Александр Белл** (1847—1922). В 1877 г. была образована «Белл Телефон Компани» и началась коммерческая эксплуатация изобретения. Компания была монополистом, сдавала в аренду телефонные аппараты и облагала абонентов довольно значительной платой (4—6 долларов в месяц). В конце XIX века в США приходился один телефон на 250 человек населения.

Довольно быстро появились телефонные компании в других странах мира. В России первые городские телефонные станции начали действовать в 1882 г. в Петербурге, Москве, Одессе и Риге. В 1892 г. была построена первая автоматическая телефонная станция (АТС), которая была усовершенствована в 1900 г. на основе принципа координатного поиска номеров абонентов. Координатные АТС широко используются до сих пор.

К концу XIX века планета была буквально опутана телеграфными кабелями и телефонными проводами, которые в 1880-е годы объединились в единую сеть. В настоящее время эта сеть используется не только для микрокоммуникации между людьми, но и для компьютерной связи. Благодаря подключению радиоканалов, образуются системы *радиотелеграфной* и *радиотелефонной* связи, повышающие дальность, надежность и комфортность общения.

• **Звукозапись** впервые была осуществлена **Т. Эдисоном** (1847—1931), который в 1877 г. запатентовал устройство *фонограф*. Носитель записи в фонографе — цилиндр, обернутый оловянной фольгой или бумажной лентой, покрытой слоем воска; записывающий и воспроизводящий элемент — игла (резец), связанная с мембраной. Значительно улучшенный вариант фонографа — *граммофон* (от греч. «грамма» — запись + «фон» — звук) с записью звука на грампластинку создал в 1888 г. немец Ганс Берлинер. Портативный вариант грампластинки — *патефон* (от названия французской фирмы-изготовителя Пате) в 50-х годах XX века был вытеснен *электрофоном*. В XX веке получил распространение магнитный способ звукозаписи, который реализован в профессиональных и бытовых *магнитофонах*.

• **Радио**. История радио началась со статьи великого английского физика, основателя электродинамики **Джеймса Максвелла** (1831—1879), где предсказывалось существование электромагнитных волн, распространяющихся в пространстве (1864 г.). В 1886—1889 гг. другой основоположник электродинамики, немецкий физик **Генрих Герц** (1857 —1894) экспериментально доказал существование электромагнитных волн и установил тождественность их природы со световыми волнами. Русский физик **А. С. Попов** (1859—1906) построил приемник электромагнитных волн и продемонстрировал его 7 мая 1895 г., используя в качестве источника излучения вибратор Герца. В 1897 г. он начал работы по *беспроволочному телеграфу*, в том же году передал на расстояние около 200 м свою первую ра-

диограмму, состоящую из одного слова «Герц». В 1901 г. Попов достиг дальности радиосвязи около 150 км.

Независимо от А. С. Попова с электромагнитными волнами экспериментировал итальянец **Гульельмо Маркони** (1874—1937). Он начал работу в 1894 г. в Италии, а с 1896 г. — работал в Великобритании, где в 1897 г. подал заявку на изобретение *беспроволочного телеграфирования*. В том же году организовал акционерное общество по использованию беспроволочного телеграфа. В 1909 г. ему была присуждена Нобелевская премия. Однако беспроволочный телеграф — это не средство массовой коммуникации; таким средством является *радиовещание*.

После первой мировой войны массовые масштабы *приобрело радиолобительство*. Детекторные приемники пользовались стремительно растущим спросом. Объем продаж радиотоваров составил в США в 1922 г. — 69 млн. долларов; в 1923 г. — 136 млн., в 1924 г. — 358 млн. долларов. В конце 20-х годов появились частные и государственные радиостанции, использующие микрофоны, ламповые приемники вытеснили примитивные детекторы, большинство граждан превратилось в радиослушателей. Радиовещание вступило в свои права как **средство массовой коммуникации**. Оно пользовалось общественным доверием. С радиовещанием связывались надежды на демократизацию общества, благодаря открытости политической жизни; на интеллектуализацию общества вследствие распространения разума, а не эмоций; на эстетическое воспитание молодежи путем знакомства с шедеврами литературы и музыкального искусства.

Радио доверяли больше, чем прессе, ибо оно работало в прямом эфире, передавало живые голоса политических лидеров и свидетелей текущих событий. Прессу же считали продажной и лживой. В 1934 г. Франклин Рузвельт, умело использовавший возможности радиовещания, выиграл президентскую гонку, хотя 80% газет было против него. В пропагандистской машине Гитлера радио всегда отводилось одно из центральных мест, наряду с кино. Радиообращения фюрера гипнотизировали немецких обывателей. В Советском Союзе радиовещание, находившееся под эгидой государства, было важным идейно-воспитательным инструментом.

• **Кинематограф** как вид искусства и средство массовой коммуникации ведет свою историю с 28 декабря 1895 г., когда перед посетителями парижского «Гран-кафе» на бульваре Капуцинок произошла демонстрация «движущейся фотографии» на полотне экрана. Авторами изобретения считаются **Луи Жан Люмьер** (1864—1948) и его брат и помощник **Огюст Люмьер** (1862—1954).

Немое кино — принятое обозначение кинематографа в первое десятилетие его развития, когда изображение было лишено синхронно записанного звука. Но буквально с первых сеансов в конце XIX века кинопоказ сопровождался импровизированным музыкальным аккомпаниментом, а позже — декламацией или грамзаписями. Несмотря на скудость изобразительных возможностей, немое кино и в России, и за рубежом быстро стала излюбленным зрелищем народных масс. Выделилось художественное кино (мелодрама, приключенческий фильм, комедия, боевик), знающее выдающихся режиссеров и актеров, и документальное кино.

Звуковое кино в середине 30-х годов вытеснило своего немого предшественника. Впервые был достигнут синтез визуального и аудиального коммуникационных каналов, появилось *аудиовизуальное* сообщение.

Черно-белое изображение воспринималось зрителями как более достоверное и безусловное, но кинематографисты с 30-х годов упорно экспериментировали с разными цветовыми включениями (например, С. Эйзенштейн во второй серии фильма «Иван Грозный» в 1945 г. ввел цветовой эпизод «Пир опричников»). Со второй половины 60-х гг. *цветное кино* стало господствующим в мировом кинематографе; синтез звука и изображения обогатился цветом.

Кинематограф как средство массовой коммуникации обладает не только художественной правдивостью и документальной достоверностью, фильмы еще, подобно произведениям печати, можно тиражировать, распространять и хранить во времени. Фильмы, как и книги, сделались фрагментом **овеществленного культурного наследия общества**. В этом состоит громадное культурно-историческое значение кинематографа.

В 50-е годы началась вторая техническая революция в сфере социальных коммуникаций, главными достижениями которой было появление двух важнейших для современного человечества коммуникационных каналов: телевизионного вещания и компьютерной телекоммуникации. Началась подготовка к бифуркации IV, т. е. переходу к мультимедийной коммуникационной культуре на основе электронной коммуникации. В разделе 5.6 мы рассмотрим этот вопрос.

5. Становление индустриальной цивилизации в этническом отношении сопровождается образованием наций. Формирование нации в истории литературных языков служит водоразделом, разделяющим «донациональный» и национальный периоды их развития. Для последнего характерна **демократизация** литературного языка, **сближение** его с народным разговорным языком и формирование на этой основе **национального** языка, становящегося нормой речевого обращения.

Периодическая печать стала сначала ареной борьбы между разными литературно-лингвистическими школами. Например, в начале XIX века в России велась очень острая и бескомпромиссная полемика между сторонниками изящной словесности Н. М. Карамзина и сторонниками «исконно русского слога», которых возглавил А. С. Шишков. Затем периодика сделалась средством **нормализации** разговорной речи, носителем и распространителем образцов современной литературной словесности. Истоки русского национального языка, как известно, связаны с творчеством А. С. Пушкина. Произведения Пушкина доходили до читающей публики первоначально в виде журнальных публикаций, а уж потом — в виде книг. Собственно говоря, практически вся классическая русская литература XIX века прошла апробацию в «толстых» журналах того времени.

Можно сделать вывод, что становление газетно-журнального коммуникационного канала было необходимой предпосылкой для формирования национальных языков полиэтнических индустриальных обществ. В XX веке, благодаря распространению радиовещания и телевидения,

именно эти средства массовой коммуникации стали выполнять основную культурно-нормативную функцию в современной речи.

6. Индустриальная книжность — период завершения **коммерциализации и профессионализации** социально-коммуникационных институтов. Занятия литературой и журналистикой в мануфактурной ОКС вплоть до 30-х годов XX века считались любительским «служением музам», благородным бессребренничеством. А. С. Пушкин писал в одном из своих писем: «Литература стала у нас всего около 20 лет значительной отраслью промышленности. До сих пор она рассматривалась только как занятие изящное и аристократическое... Никто не думал извлекать других плодов из своих произведений, кроме успеха в обществе, авторы сами поощряли перепечатывание и искали в нем удовлетворение тщеславия»³⁰. Великий русский поэт стал первым в России профессиональным литератором. Свои сомнения и аргументы за и против он ещё в сентябре 1824 г. изложил в знаменитом «Разговоре книгопродавца с поэтом», который появился в печати в качестве предисловия к первой части «Евгения Онегина». В роли книгопродавца здесь выступает известный книгоиздатель и книготорговец А. Ф. Смирдин (1795—1857), который впервые в русской литературе стал платить авторский гонорар. Так, Пушкину он платил по 10 рублей за каждую стихотворную строку, за «Бориса Годунова» заплатил 10 тыс. рублей, за «Евгения Онегина» — 12 тыс. рублей.

Во второй половине XIX века литераторы и художники все больше превращаются в **служащих по найму**, подобно другим специалистам. В условиях массовой коммуникации зависимость «вольных художников» от денежного мешка обнаружилась в полной мере. Отсюда — трагическая тема проданного за деньги таланта, которая была пророчески предсказана Н. В. Гоголем в его «Портрете» и часто звучала в произведениях зарубежных и отечественных авторов.

7. Символами становления нации являются не только национальные языки (см. выше), но и такие проявления зрелости книжной культуры, как формирование **национальных библиотек и национальной библиографии**. Национальные библиотеки — крупнейшие книгохранилища страны, осуществляющие исчерпывающий сбор и вечное хранение отечественных произведений письменности и печати; таким образом они *символизируют* достижения национальной культуры.

Хронологически первой библиотекой национального достоинства считается *Национальная библиотека Франции*, учрежденная во время Великой французской революции (1789 г.) на базе национализированной королевской библиотеки. Крупнейшими национальными библиотеками считаются: образованная в 1972 г. *Британская библиотека* (ранее — Библиотека Британского музея, основанного в 1753 г.); *Немецкая государственная библиотека*, ведущая свою историю с 1661 г. и *Немецкая библиотека* (Дойтче Бюхерай), созданная в 1912 г. в Лейпциге; *Национальная библиотека Италии*, основанная в 1747 г. во Флоренции; *Национальная испанская библиотека*

³⁰ Цявловский М. Письма Пушкина и к Пушкину. — М., 1925. — С. 38.

(1712г.); в качестве национальной библиотеки США выступает *Библиотека Конгресса*, учрежденная в 1800 г. в виде правительственной библиотеки.

В России в XVIII веке функции национального книгохранилища выполняла *Библиотека Академии наук* (основана в 1714 г.), которая с 1783 г. получает обязательный экземпляр всех отечественных изданий. С 1814 г. российской национальной библиотекой стала *Императорская Публичная библиотека* в Санкт-Петербурге, имеющая наиболее полное собрание литературы о России (фонд «россика»). В Советском Союзе с 1925 г. национальной библиотекой была *Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина*, учрежденная на базе библиотеки Румянцевского музея (основан в 1861 г). В настоящее время в России имеются две библиотеки национального значения: *Российская национальная библиотека* (бывшая Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина) в Петербурге и *Российская государственная библиотека* (бывшая Библиотека имени В. И. Ленина) в Москве.

Национальные библиотеки возглавляют библиотечные сети своих стран. Они располагают многомиллионными фондами отечественной и иностранной литературы, являются центрами книгообмена, каталогизации, международного абонементов, осуществляют международное сотрудничество.

Национальная библиография также служит национальным символом. В наполеоновской Франции, в кайзеровской Германии и в царской России XIX века библиографический учет отечественной книжной продукции осуществлялся государственными ведомствами с целью цензурного контроля. Другой стороной, заинтересованной и оперативной и полной библиографической информации о выходящих в свет изданиях, оказались книготорговцы, которые организовывали свои библиографические издания. При этом символическая и культурно-историческая функции национальной библиографии, естественно, выпадали из виду. Учрежденные национальные библиотеки часто брали на себя обязанности библиографического центра национального значения, но эта забота не была для них главной и определяющей.

Успешное решение национально-библиографической проблемы было найдено в России, где с 1907 г. начался выпуск «Книжной летописи», учитывающей на основе обязательного экземпляра всю книгоиздательскую продукцию Российской империи. В советское время была организована *государственная библиографическая система* во главе с Всесоюзной книжной палатой. Помимо «Книжной летописи», издаваемой в виде еженедельных бюллетеней (52 номера в год), с 1926 г. издается «Летопись журнальный статей», с 1931 г. — «Картографическая летопись» и «Нотная летопись», с 1934 г. — «Летопись изоизданий», с 1935 г. — «Летопись рецензий», с 1936 г. — «Летопись газетных статей». Один раз в несколько лет публикуется «Летопись периодических и продолжающихся изданий», которая сообщает о новых журналах, сборниках, газетах, бюллетенях, трудах и т. п. Кроме того, Книжная палата была ответственна за подготовку и выпуск кумулятивных указателей «Ежегодник книги в СССР», издавала печатные каталожные карточки для библиотек, вела государственную статистику печати, хранило Архив печати СССР. В систему государственной библиографии входили республиканские

книжные палаты. Столь разветвленной, мощной, хорошо продуманной и четко организованной системы национальной библиографии нет ни в одной стране. Можно сказать, что задача общегосударственного *текущего* библиографического учета не только книг, но и журнально-газетных публикаций была успешно решена на зависть библиографам других стран.

Несмотря на усилия Книжной палаты и крупнейших библиотек страны, не удалось создать национальный репертуар книжной продукции, т.е. *ретроспективный* библиографический указатель продукции русского книгопечатания. Точнее, имеются лишь его фрагменты, например, «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725 — 1800 гг.» и др. Это очень трудоемкая и архисложная задача остается не решенной и в других странах.

Образование национальных библиотек и органов национальной библиографии по сути дела является венцом библиотечно-библиографической системы в условиях книжной культуры, завершением ее структуры. Однако создание хорошо задуманной системы учреждений еще не означает полного преодоления коммуникационных барьеров, свойственных документной коммуникации (см. пункт 4.3.3). По-прежнему, хотя и в несколько смягченном виде, тревожит ученых информационный кризис «мы не знаем, что мы знаем», остается противоречие между текущими потоками литературы и индивидуальными возможностями восприятия их отдельными читателями.

8. Лозунг Всемирной парижской выставки 1900 г. звучал так: «От общества производства — к обществу потребления». Экономика индустриальных стран в начале XX века была озабочена не «хлебом насущным», а предоставлением товаров и услуг, делающих жизнь людей комфортабельнее, разнообразнее, интереснее. Основными потребителями этих товаров и услуг стали *городская буржуазия* и *рабочие*, которые располагали определенными денежными средствами и досуговым временем. Культурные требования потребителей этого рода были не высоки, ибо не высок был уровень их образованности, интеллектуального и эстетического развития. Их привлекали незамысловатые развлечения и игры, компенсирующие монотонность труда и повседневной жизни за счет красивых иллюзий и мифов. Но зато это был *массовый* спрос, на который стало ориентироваться *массовое* производство, это была *массовая* аудитория, представляющая собой *массового* реципиента для средств *массовой* коммуникации.

Средства массовой коммуникации, стремясь удовлетворить платежеспособный спрос массовых аудиторий, пошли не по пути просвещения, одухотворения, облагораживания этих аудиторий, а по пути предоставления им вульгаризированных и примитивизированных культурных смыслов, которые получили название **массовой культуры**. Подчеркнем, что средства массовой коммуникации — пресса, кино, радиовещание, телевидение, — это не средства массовой культуры, это средства *подлинной* культуры, но они могут быть вульгаризированы и примитивизированы корыстными коммуникантами.

Внешние, поверхностные отличия массовой культуры от возвышенной и возвышающей Культуры с большой буквы видятся в легкой доступности, приобретаемости, а не выстраданности, тиражируемости, связи с техникой, но

не это главное. Главный порок массовой культуры заключается в ориентированности на обывательские интересы, в утрате нравственного, эстетического, познавательного потенциала подлинных культурных ценностей.

Первым «посланником» массовой культуры стала газета. Не случайно на рубеже веков разовые тиражи отдельных газет достигали 60—100 тыс. экземпляров. Этот коммерческий успех вызвал неоднозначную реакцию у европейских интеллектуалов. Н. С. Гумилев делил людей на «читателей книг» и «читателей газет», отдавая безусловное предпочтение первым. М. И. Цветаева называла читателей газет «жевателями мастик» и «глотателями пустот», а газету — «экземой»; Герман Гессе окрестил эту эпоху «фельетонной» («Игра в бисер»).

Кино быстро завоевало популярность у массовой аудитории. В 1917 г. половина населения Англии каждую неделю посещала кинотеатры. Кинематограф с его общедоступностью и дешевизной билетов сделался эталоном «демократического, народного» театра, где исчезли перегородки между ложами, партером и галеркой. Кино уравнивало всех, поэтому оно ориентировалось не на немногочисленную элиту, а на массового зрителя, чуждого «высокому искусству».

Радиовещание и телевидение пришли в дом каждого человека XX века, заполнили своими программами его свободное время. В домах состоятельных буржуа произошла перепланировка жилищного пространства: если до середины 50-х годов центром этого пространства был камин, и интерьер комнаты организовывался соответствующим образом, то теперь центром стал телеприемник; другой вариант — телевизор вместо пианино. Телевидение усугубило атомизацию индустриального общества, подменило живую культурную микрокоммуникацию коммуникацией виртуальной. Раньше люди путешествовали, разговаривали, думали, чтобы познать мир и приобщиться к настоящей Культуре, а теперь телезритель довольствуется культурными суррогатами, предлагаемыми ему с телеэкрана в готовом и хорошо упакованном виде. Социологические исследования показали, что телесмотрение заменяет многим посещение кино и театра и вытесняет чтение художественной литературы.

9. Средства массовой коммуникации проявили себя как мощное орудие **управления** людьми: реклама, пропаганда, паблик рилейшенз, информационные технологии стали предметом профессиональных занятий. Более того, эти средства стали оружием информационных войн.

Информационная война — использование тенденциозно подобранных сообщений для воздействия на массовую аудиторию в своей стране или в других странах. Если информационная война ведется в социальном пространстве в своей страны, она представляет собой коммуникационное управление в форме **ГуМ**; если она перенесена на территорию другой страны, ее можно квалифицировать как **МуМ**. Тенденциозность заключается не только в искажении (полуправде) или заведомой ложности распространяемых средствами массовой информации смыслов, но и в расчетливом выборе последовательности сообщений, их увязке с другими событиями. «Война смыслов» — это один, так сказать, «гуманитарный» плацдарм информационных войн, изначально им присущий. С появлением электронной

коммуникации появился другой — «технический» плацдарм: возможность вносить помехи в радиосвязь, выводить из строя компьютерные сети, парализовать системы управления; здесь главными «воюющими сторонами» становятся логико-математические и программные средства.

10. XIX и XX века — время появления социальных прикладных дисциплин, предметом которых стали различные коммуникационные явления. В их числе: палеография, инкунабул сведение, книговедение, библиографоведение, библиотековедение, киноведение, теория массовой коммуникации, теория журналистики.

5.6. Мультимедийная коммуникационная культура

Мы живем в период бифуркации IV, когда господство машинной полиграфии постепенно уступает место мультимедийным телевизионно-компьютерным каналам. Однако о становлении мультимедийной ОКС говорить еще рано. Использование электромеханических (телеграф, телефон, фонограф, кинематограф) или радиоэлектронных (радио, телевидение, видеозапись) устройств не означает выхода за пределы книжной коммуникационной культуры, ибо основные культурные смыслы фиксируются, передаются и хранятся в документной форме. Новые коммуникационные средства дополняют индустриальную книжность, но не заменяют ее. Когда же пробьет час мультимедийности? Есть два критерия, позволяющие ответить на этот вопрос:

- *Замена линейного текста нелинейным гипертекстом.* Книжность изначально связана с *линейной* последовательностью знаков; письменные тексты *одномерны*: они читаются буква за буквой, слово за словом, и никак иначе. Мышление же человека вовсе не линейно, напротив, психическое пространство *многомерно* (см. раздел 1.1), и в нем каждый смысл связан с другими смыслами не только в силу пространственно-временной смежности, а в силу разнообразных формальных и содержательных ассоциаций. Поэтому письмо лишь частично выражает мысль, подменяя ее гибкую многомерность жесткой одномерностью («мысль изреченная есть ложь», по словам Ф. И. Тютчева).

Гипертекст — это совокупность содержательно взаимосвязанных знаков, где от каждого знака в процессе чтения можно перейти не к одному единственному, непосредственно следующему за ним, а ко многим другим, так или иначе связанным с данным. Таким образом воспроизводится многомерность человеческого мышления, и значит, смысловая коммуникация получается более полной и точной, чем в случае линейного письма. Для моделирования многомерных связей между знаками требуется виртуальное пространство, которое создается современными компьютерными системами. Причем, в гипертекст в качестве смысловых элементов могут включаться не только отдельные слова, фразы или документы, но и изображения, музыкальное сопровождение, короче — все средства мультимедиа. В итоге человек из читателя превращается в пользователя мультимедийной ОКС, оперирующего письменной и устной речью, изображениями любых видов, кино- и видеороликами, таблицами и схемами, созданными компьютером по его требованию. Гипертекстовые языки применяются в системе Интернет (см. пункт 4.4.4), но широкое их распространение — дело будущего.

• Ведение *смыслового диалога «человек — компьютер»*. Имеются в виду не подсказки, напоминания или запреты, которые предусмотрены «дружественным» программным обеспечением, а именно **смысловая коммуникация** человека и компьютера. В связи с перспективами смысловой коммуникации такого рода приобретает актуальность вопрос «может ли машина мыслить?», ибо разумному человеку не пристало вести диалог с безмозглым болваном. Исследование интеллектуальных возможностей компьютеров, т. е. проблемы искусственного интеллекта, привело к следующим выводам.

Интеллект компьютера зависит от того, какими знаниями программисты могут его наполнить. Беда в том, что человек не может формализовать и объективировать все свои знания, — *люди знают больше, чем могут выразить*, поскольку у человека есть *сфера бессознательного*, которой у компьютера нет. Например, знание правил игры не делает человека шахматистом; квалифицированный шахматист знает гораздо больше, чем свод правил, но рассказать об этом не может.

Компьютер не способен овладеть метафорами, иронией, ему чужда «игра слов», значит *свободный, а не адаптированный диалог человека и компьютера невозможен*.

Компьютерам *чужды эмоции и желания*, они не обладают эмоционально-волевой сферой, они не могут *сочувствовать* человеку, поэтому искусственный интеллект всегда будет *чужд* интеллекту естественному с его заботами и радостями.

Поскольку в социальной коммуникации участвуют правые и левые полушария партнеров, а у компьютера есть лишь аналог левого полушария, компьютер никогда не сможет *понять в полной мере* сообщения людей. Люди могут понимать друг друга вообще без слов, что компьютеру недоступно.

Короче говоря, на вопрос «может ли компьютер мыслить?» был получен ответ: да, может!, но не по-человечески, а по-машинному, в пределах своего ограниченного искусственного интеллекта. Но и такое «машинное» мышление — немаловажное приобретение для общественных коммуникационных систем, которое может служить качественным отличием мультимедийных ОКС от книжной культуры.

Совершенно очевидно, что коммуникационная деятельность человека, постоянно имеющего дело с мультимедийными гипертекстами и искусственным интеллектом, будет другой, чем коммуникационная деятельность интеллигента-книжника. Трудно предсказать априори эти различия, но можно сделать вывод, что господство мультимедийной коммуникационной культуры наступит тогда, когда появится поколение людей, воспитанных в лоне этой культуры.

Поколению людей мультимедийной культуры, по мнению большинства социальных философов, предстоит жить в *постиндустриальном информационном обществе*, которое соответствует стадии **постнеокультуры** (см. Введение). Интернет — «первая ласточка» информационного общества, но первая ласточка, как известно, не делает весны. Остановимся на **типологических признаках, или показателях**, отличающих информационное

общество от аграрного или индустриального общества предыдущих исторических эпох.

1. **Технико-технологические** показатели: всеобщая компьютеризация, распространение и доступность персональных компьютеров и сверхмощных ЭВМ пятого и последующих поколений; удобный и простой человеко-машинный интерфейс, использующий несколько органов чувств человека; «дружественность» и антропоморфичность информационных технологий; мобильные и персональные средства связи; глобальная коммуникация с использованием спутников, лазеров, волоконно-оптических кабелей. Короче, информационное общество должно опираться на мощную *мультимедийную телевизионно-компьютерную коммуникационную систему*.

2. **Социально-экономические** показатели: превращение социальной информации, т. е. общественного знания, в ключевой экономической ресурс, решающий фактор интенсификации промышленного и сельскохозяйственного производства, ускорения научно-технического прогресса; информационные технологии, продукты и услуги становятся основным товаром рыночной экономики; концентрация в информационном секторе экономики до 80% трудоспособного населения; модернизация старых и появление новых информационных профессий умственного труда; практика выполнения большей части трудовых функций в домашних условиях благодаря телекоммуникации; демассовизация народного образования, досуга и быта людей. Короче, *сплошная информатизация* общественного производства и повседневной жизни.

3. **Политические** показатели: демократизация социальных коммуникаций, гласность и открытость общественной жизни, гарантированная свобода слова, собраний. Короче, *либерально-демократический* политический строй.

4. **Интеллектуальные** показатели: активное использование постоянно растущего культурного наследия, расцвет науки, образования, искусства, религиозных конфессий и соответствующих миди- и макрокоммуникаций; развитие национального интеллекта и всемирного универсума знаний; прогрессирующее духовное развитие личности, переход от материально-потребительских ценностных ориентации к познавательным и этико-эстетическим ориентациям; развитие микрокоммуникации и творческих, культуросозидательных способностей индивидов; становление «хомо информатикус» или «хомо интеллигенс». Короче, *всестороннее развитие социального и личного интеллекта*.

Обобщая названные показатели, получаем следующую *дефиницию информационного общества*:

Информационное общество — интеллектуально развитое либерально-демократическое общество, достигшее сплошной информатизации общественного производства и повседневной жизни людей благодаря мощной телевизионно-компьютерной базе. В этой дефиниции учтены четыре типологических признака информационного общества, перечисленные выше. Очевидно, что формирование мультимедийной ОКС — необходимая предпосылка превращения утопии информационного общества в реальный факт.

5.7. Выводы

1. Эволюция человеческой культуры и эволюция социальных коммуникаций не просто взаимосвязаны, — они **совпадают друг с другом**, поскольку коммуникация есть органическая часть культуры. Поэтому стадии развития социальных коммуникаций **совпадают** со стадиями движения культуры.

2. Обнаруживаются следующие зависимости между стадиями культуры и видами коммуникации:

- археокультура — сфера микрокоммуникации;
- палеокультура — наряду с микрокоммуникацией появляются мидикоммуникации: религиозная, литературная, художественная, материально-производственная;
- неокультура — массовизация и развитие макрокоммуникации: появление технических средств массовой коммуникации, международного культурного сотрудничества и информационных войн, глобализации коммуникационных систем.

3. Различаются **три уровня коммуникационной культуры**: словесность, книжность, мультимедийность. Книжность включает **три поколения**: рукописная книжность, мануфактурная книжность, индустриальная книжность.

4. Смена коммуникационных культур и утверждение новых коммуникационных каналов происходило **не без борьбы**, потому что в них усматривали **не только благо, но и зло**.

Письменность нарушила архаичную гармонию между индивидуальной памятью и общественным знанием; мануфактурная книжность лишила письменность священного ореола, десакрализовала ее; индустриальная книжность породила коммерциализованную массовую культуру; именно печатный текст стал источником формализма, наконец, мультимедийность угрожает примитивизацией и инфантилизацией массовых аудиторий.

5. На стадии неокультуры появляются специальные дисциплины, изучающие различные коммуникационные явления: палеография, инкунабуловедение, книговедение, библиотековедение, киноведение, библиографоведение, теория массовой коммуникации.

6. В табл. 5.2 сделано сопоставление словесности, книжности, мультимедийности, которое демонстрирует различия между этими видами коммуникационной культуры.

7. *Terra incognita* эволюции социальных коммуникаций обнаруживается при метатеоретическом ее осмыслении. Известны тысячи отечественных и зарубежных публикаций, посвященных истории книги и книжного дела, библиотек и библиографии, словесности и палеографии, но практически нет исследований, связывающих в единое целое словесность, письменность, книжность, телевизионно-компьютерные средства коммуникации. Поэтому остаются открытыми многие вопросы. Например:

- Как повлиял на психическое развитие читателей переход от чтения вслух, свойственного манускрипту, к молчаливому чтению «про себя», свойственному печатной продукции? Есть мнение, что «дематериализация слова», т. е. освобождение его от звуковой оболочки, способствовали оперированию смыслами в сознании человека и развитию абстрактного мышления, что

благодаря чтению «про себя» люди открыли самосознание и мир психики. Так ли это? Действительно ли телесмотрение стимулирует лень мысли и интеллектуальный инфантилизм?

- Какое воздействие на психику человека окажут мультимедийные гипертексты и общение с искусственным интеллектом? Чем коммуникационная деятельность пользователя мультимедийной ОКС

Таблица 5.2

Сопоставление словесности, книжности, мультимедийности

Параметры сопоставления	Словесность	Книжность	Мультимедийность
Информационно-технологическая база	Отсутствует	Одна из отраслей ремесла или промышленности	Приоритетные научно-технические отрасли
Целевая аудитория	Все население	Социальные группы грамотных, образованных, ученых	Все население
Тип коммуникационной деятельности	Подражание, управление, диалог	Управление	Управление, Диалог
Объем памяти	Распределена в индивид. памяти современников	Перегружена неконтролируемыми документными фондами	Автоматический контроль и поиск в базах данных
Сложность освоения	Легкое благодаря разговорному навыку	Требуется грамотность и навык чтения	Легкое, но нужен навык обращения с техникой
Критерии правдивости	Откровенность невербального канала	Авторитет автора, доказательность текста	Нет
Социальные коммуникационные барьеры	Межъязыковой, социальный, психологический	Трудности чтения, цензура информационный кризис,	Цензура владельцев теле-компьютерных средств
Масштабы действия	Малые социальные группы	Национальное сообщество	Глобальные
Сакральное значение, ритуализация	Слово — дар богов	Культ священных книг; книга — светоч Разума и Добра	Нет

будет отличаться от коммуникационной деятельности интеллигента-книжника XX века? Возможна ли свобода творчества коммуникантов в условиях коммерциализации всех коммуникационных каналов, кроме вербального и невербального? Как взаимосвязаны эволюции социальных коммуникаций в Западной Европе и в России? В чем своеобразие русской национальной

коммуникации? Возможна ли элитарная культура без средств массовой коммуникации? Возможна ли массовая коммуникация без элитарных коммуникантов?

Литература

1. Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 572 с.
2. Владимиров Л. И. Всеобщая история книги. — М.: Книга, 1988. — 312 с.
3. Глухов А. Г. Судьбы древних библиотек: Научно-художественные очерки. — М.: Либерия, 1992. — 160 с.
4. История русской журналистики XVIII — XIX веков / Под ред. А. В. Западова. — М.: Выс. школа, 1963. — 516 с.
5. Книга: Энциклопедия / Редкол.: И. Е. Баренбаум, А. А. Беловицкая, А. А. Говоров и др. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 800 с.
6. Комиссаренко С. С. Клуб как социально-культурное явление. Исторические аспекты развития: Учеб. пособие. — СПб.: СПбГАК, 1997. — 157с.
7. Мечковская Н. Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. — М.: Агентство «ФАИР», 1998. — 352 с.
8. Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 — начало 90-х годов). — М.: Изд-во МГУ, 1996. — 207 с.
9. Петров Л. В. Массовая коммуникация и культура. Введение в теорию и историю: Учеб. пособие. — СПб.: Гос. ун-т культуры, 1999. — 211с.
10. Пятьсот лет после Гутенбурга. 1468—1968. Статьи, исследования, материалы. — М.: Наука, 1968. — 415 с.
11. Соколов А. В. Эволюция социальных коммуникаций: Учеб. пособие. — СПб.: ЛОПИ, 1995. — 163 с.
12. Средства массовой коммуникации и современная художественная культура. Становление средств массовой коммуникации в художественной культуре первой половины XX век . — М.: Искусство, 1983. — 311 с.

АРХЕОКУЛЬТУРНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Археокультурная словесность соответствует общинной ОКС (см. табл. 5.1). **Общинная коммуникационная система** — это первобытнообщинная коммуникационная система, в которой все члены общины выступают в роли и коммуникантов, и реципиентов, используя для передачи смысловых сообщений четыре исходных канала. Разумеется, никаких коммуникационных служб нет.

Господство устного слова установилось не сразу, потому что оно требует достаточно развитого и абстрактного мышления. Палеолитическим охотникам и собирателям были ближе и понятнее изображения, чем словесные образцы.

Отсюда — замечательный расцвет первобытного изобразительного искусства 35—15 тыс. лет назад. Изображения, сперва примитивные, затем реалистические, наконец схематические служили ступенями для развития интеллекта первобытного человека. Без опоры на наглядные образы, представляемые изобразительным искусством, интеллектуальный прогресс палеолитических общин был бы весьма затруднен, а значит, было бы невозможно господство устного слова, т. е. становление археокультурной словесности в эпоху мезолита и неолита. Этот факт — еще одно свидетельство *взаимозависимости* различных коммуникационных каналов, в данном случае — каналов устной и документной коммуникации.

Терминологической ясности ради следует уточнить, что под **словесностью** мы понимаем не совокупность устных и письменных текстов на естественных языках (в отличие от В. И. Даля, мы не включаем в понятие «словесность» письменность и литературу³¹), а такое состояние культуры, когда коммуникационная деятельность происходит в формах устного управления или устного диалога, а социальная память представлена в виде неовещественных ее разделов и символично-иконических каналов. При этом большую роль в передаче культурных смыслов играет *подражание*, распространёнейшая форма коммуникационной деятельности в общинных ОКС. Перечислим некоторые особенности археокультурной словесности:

1. Общинная коммуникационная система отличалась первобытным равенством, и социальная однородность (бесклассовость) первобытных общин сопровождалась **синкретичностью** (слитностью) вербальных, музыкальных, иконических каналов в языческих ритуальных священнодействиях. Впоследствии из этой синкретичности выросли изобразительное искусство (первобытная живопись, графика, орнамент, скульптура), исполнительское искусство (музыка, танец), наконец, поэзия и фольклор как искусство слова. Творцами первобытных культурных смыслов, образовавших содержание

³¹ Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, словесность — «это общность словесных произведений народа, письменность, литература».

общинной коммуникации, были неведомые нам гениальные художники, музыканты, артисты, поэты.

2. **Обожествление слова**, которое нашло отражение в мировых религиях. Господь, как известно, творил мир не действиями, а словами: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... Все через Него начало быть» (Иоан. 1:1—3); «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Бытие, 1:3). В Коране написано: «Его приказ, когда он желает чего-нибудь, — только сказать ему: «Будь!» и оно бывает» (36, 81—82). В одном из гимнов Ригведы, обращенном к богу Агни, говорится: «Он укрепил небо истинными священными словами» (Ригведа. Мандалы I—IV. М., 1989. с. 85).

Кстати, буддизм — это культура размышления, которая пошла дальше знаков и отказалась и от слов, и от чисел. Нирвана достигается путем самоуглубления, медитации, а не заклинаний.

3. Священные словеса передавались из уст в уста; их поэтика строилась так, чтобы облегчить запоминание и исключить искажения при устной передаче; этому способствовали ритмический размер, повторяющиеся стандартные фразы, музыкальное сопровождение многих гимнов. Даже позже, когда стала известна письменность, божественные откровения запрещалось фиксировать; они доверялись лишь слуху посвященных.

Причем нельзя считать, что недокументированная социальная память не надежна. Древнейший из памятников словесного искусства — собрание гимнов Ригведа датируется XVIII — XII вв. до н. э., а запись (кодификация) Ригведы состоялась только в XII — XV вв. н. э. Очевидно, что столь сложное литературное произведение не могло сохраниться более трех тысяч лет в народной памяти, если бы в арийских племенах Индии не было бы тысячелетних традиций устного творчества, восходящих к неолитической эпохе.

4. Талантливый поэт, сказитель в дописьменных обществах выполнял *роль летописца*, служителя не текущих забот и интересов, а социальной памяти, воплощенной в мифах, легендах, преданиях. Эстетические потребности удовлетворяли лирики, способные выразить в слове и музыке эмоциональные

переживания. Представление о поэте как пророке, любимце богов несомненно восходит к археокультурной словесности.

Обобщая сказанное, можно сказать, что археокультурная словесность обеспечивала, во-первых, консолидацию членов общины: люди, не владевшие общинным языком, представлялись им «немыми» или вовсе «нелюдьми»; во-вторых, организацию общественной жизни, трудовую кооперацию, обыденное общение; в-третьих, функционирование неовещественной социальной памяти, заключающейся в передаче из поколения в поколение социальных норм и традиций, полезных знаний, умений и практического опыта, наконец, священного мифологического сознания и самосознания.

Археокультурная словесность, несмотря на свое господствующее положение в ОКС, никогда не вытесняла иконическое искусство. Правда, последнее трансформировалось из сюжетно-образного в абстрактно-орнаментальное. Орнаментализация документального канала имела два немаловажных следствия:

- вместо охотничьих эмоций гармонично сплетенный орнамент исподволь внедряя в первобытную психику ощущения красоты формы, цвета, пропорции, создавая тем самым предпосылки для появления эстетического сознания и, следовательно, возникновения собственно искусства, а не утилитарных изображений;

- орнамент и схематизированный рисунок — прямые предшественники пиктограмм и иероглифов. В древнейших памятниках египетского и шумерского письма нельзя определить, где кончается графика и начинаются письмена.

Таким образом, в недрах господствующей устной словесности вызревал **реванш** документных каналов за утраченное первенство. Реванш состоял в открытии нового документного канала — письменности.

ПАЛЕОКУЛЬТУРНАЯ КНИЖНОСТЬ

Письменность, сформировавшаяся на основе археокультурных символично-иконических документов, явилась исключительно важным культурным

достижением. Среди историков письма нет единства в объяснении его происхождения. Большинство склоняется к *однолинейной* эволюции: сперва предметное письмо (символы, изображения, узелковое письмо), доходящее до пиктограмм (рисуночное письмо), затем на базе пиктограмм — иероглифы, слоговое и, наконец, буквенно-фонетическое письмо. Последнее принято многими народами. Но не всеми. Китайцы, например, не считают до сих пор возможным отказаться от иероглифической письменности, хотя принцип буквенно-фонетической записи был известен им во II в. н. э. Пути перехода от звучащего слова к слову записанному, по мнению других исследователей, *многообразны и нестандартны* и определяются местными социально-культурными условиями, в частности, нежеланием грамотных жрецов, писцов, чиновников облегчать доступ в их сословно-кастовую группу.

Первые памятники письменности относятся к III — IV тысячелетию до н. э. Очагами письменности стали древнейшие локальные цивилизации: древнеегипетская, месопотамская (шумеро-ассиро-вавилонская), индусская, критская (минойская, эгейская) и древнекитайская. Эти очаги в разных концах ойкумены возникли не случайно, а были обусловлены цивилизационным развитием: появление городов, торговли и ремесел; образование мощных централизованных государств; классовое расслоение населения. Варварские племена и их объединения не нуждались в письменности; письменность — новый коммуникационный канал, востребованный цивилизацией.

В Европе и на Ближнем Востоке палеокультурная книжность существовала более 3,5 тыс. лет, которые можно поделить на три периода:

- древнейшие цивилизации (III тыс. — I тыс. лет до н. э.) — Древний Египет, Месопотамия, Крит;
- античность (VIII в. до н. э. — V в. н. э.), совпадающая с эллино-римской цивилизацией;
- средневековье (V — XIV века).

Особенности палеокультурной книжности видятся в следующих моментах:

1. **Обожествление** Слова, характерное для археокультуры, **переносится на Книгу**, Священное писание, Библию. Книжное слово становится гарантом

истинности и незыблемости (что написано пером, не вырубишь топором). Отсюда — обычай клясться на книге (Библии, Конституции). Христианство, ислам, иудаизм — это *религии Писания*, где священные книги — основа конфессии. В средние века сложилась своеобразная иерархия книжных жанров по признаку святости. Наиболее почитаемой была литургическая, г. е. используемая в богослужении литература (Служебники, Требники, Часословы, Минеи, Триоди и т. п.) и каноническое Священное писание (Ветхий и Новый Завет); ниже рангом шли жития святых (агиография), церковная учебная литература (катехизисы), поучения отцов церкви, а в самом низу — светская (мирская) литература.

2. Произошла **социальная дифференциация** населения по принципу: грамотный — неграмотный. Овладение грамотой считалось немаловажным *личным достижением*, поэтому школа стала форпостом письменности. Если у бесписьменных народов социализация молодежи начиналась с освоения производственных умений и навыков, то цивилизованные общества приобщали учеников прежде всего к счету, чтению, письму. Социальный престиж и карьера индивида зависят теперь не столько от его силы, ума, сообразительности, выносливости, сколько от школьной выучки, от доступа к знаниям. Человек стал зависеть от документированного культурного наследия, хотя не может освоить даже сотую его долю. У члена дописьменного общества такой зависимости нет.

Заметим кстати, что в Древней Греции грамотные рабы пользовались некоторыми привилегиями: они занимали государственные должности, приобщались к литературному труду (вспомним легендарного Эзопа). В Риме рабы допускались в публичные библиотеки, использовались для переписывания книг (рабы-«библиографы»).

3. Выделились социальные группы людей, занятых **умственным**, так сказать, «интеллигентским» **трудом**, и следовательно, использующих письмо как профессиональный инструмент. В Древнем Египте и Китае авторитет людей письменной культуры был особенно высок. Трудно удержаться от

соблазна процитировать древнеегипетское «Прославление писцов», относящееся к концу II тыс. до н. э. (перевод А. Ахматовой).

Мудрые писцы не строили себе пирамид из меди
И надгробий из бронзы,
Не оставляли после себя наследников,
Детей, сохранивших их имена.
Но они оставили свое наследство в писаниях,
В поучениях, сделанных ими.

.....
Книга лучше расписного надгробья
И прочнее стены.
Человек угасает, тело его становится прахом,
Все близкие его исчезают с земли,
Но писания заставляют вспомнить его
Устами тех, кто передает это в уста других.
Книга нужнее построенного дома,
Лучше гробниц на Западе,
Лучше роскошного дворца,
Лучше памятника в храме³².

Особенно разнообразной, хотя и не очень многочисленной, была интеллигенция демократических полисов Древней Греции. Помимо жречества, профессионалами умственного труда были учителя, зодчие, врачи, землемеры, деятели искусства, писатели, философы.

4. Обретение книжностью статуса общепризнанного коммуникационного канала для передачи основных культурных смыслов **происходило не без конкуренции** со стороны словесности. Отказывались от письменного изложения своих учений Пифагор, Сократ, Будда, Христос. Правда, если бы прилежные ученики не записывали их слов, мы бы не узнали даже имен этих великих учителей человечества. Вот как, по словам Платона, его наставник Сократ объяснял свою позицию (см. диалог «Федон»): люди, черпающие мудрость

³² Поэзия и проза Древнего Востока. — М., 1973. — С. 102—103.

из письменных источников, «будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых».

Культуру классической Эллады иногда называют *ороакустической*, т. е. ориентированной на устное слово и слуховое его восприятие. Искусство устной речи считалось необходимым не только для ораторов и поэтов, но и для политиков, историков, философов, которые специально изучали риторику. По словам М. Л. Гаспарова, «даже философские трактаты, даже научные исследования писались, прежде всего, для громкого чтения. Высказывалось предположение, что античность вовсе не знала чтения «про себя»: даже наедине с собою люди читали книгу вслух, наслаждаясь звучащим словом»³³. Тем не менее, господство письменного слова установилось в Древней Греции на рубеже V — IV вв. до н. э.

5. Письменная коммуникация, несмотря на сдержанность и скепсис некоторых мудрецов и пророков, вызвала преобразование всех областей **духовного творчества**: мифологическое язычество вытеснили мировые религии Писания; анонимный фольклор потеснила авторская литература, которая стала авторской только благодаря письменности; предпочтение получили классические философские учения, законспектированные усердными учениками, а не софистические дискуссии; наука же просто невозможна на базе только устной коммуникации. Рукописная ОКС положила начало **документированной социальной памяти**; начинается написание человеческой истории; античные историки Геродот (между 490 и 480 — ок. 425 до н. э.), Фукидид (ок. 460—400 до н. э.), Ксенофонт (ок. 430—355 до н. э.) оставили после себя исторические произведения высокой научной ценности. Позже к ним присоединились римские историки Тит Ливий (59 до н. э.—17 н. э.), Тацит (58—117), Гай Светоний (ок. 70—ок. 140) и др.

6. Письменность стала **орудием просвещения и распространения знаний**, в том числе тайных, эзотерических. По свидетельству Плутарха,

³³ Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. — М., 1972. — С. 7.

Александр Македонский сильно гневался на просветительскую деятельность Аристотеля и выговаривал своему учителю: «Ты поступил неправильно, опубликовав те учения, которые предназначались только для устного преподавания. Чем же мы будем отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются всеобщим достоянием? Я хотел бы не столько могуществом превосходить других людей, сколько знаниями о высших предметах». Конечно, о «просветительной функции» средне-исковой рукописной книги в условиях массовой неграмотности населения (более 90% в XV веке), можно говорить лишь условно.

7. В античную эпоху происходит формирование **книжного дела как социально-коммуникационного института**, включающего: изготовителей (переписчиков) манускриптов; торговых людей, содержащих книжные лавки; библиотеки разных типов, в том числе крупнейшую в палеокультуре **научную библиотеку в Александрии**.

С Александрийской библиотекой (700 тыс. свитков до пожара в I в. до н. э.) некоторое время соперничала Пергамская библиотека, насчитывавшая в лучшие свои годы до 200 тысяч рукописей.

Убедительным свидетельством расцвета книжной культуры во времена античности является феномен **библиофильства**. История библиофильства, которая продолжается и в наши дни, есть история книжной культуры в «человеческом измерении».

Крушение Римской империи в V веке сопровождалось разрушением античной книжности, которая не нужна была торжествующему варварству. Не только у феодалов книга стала невиданной редкостью, но и духовенство не всегда владело грамотой. Однако благодаря документированию значительная часть культурного наследия античности, затаившаяся в монастырских библиотеках, дошла до эпохи Возрождения, и европейским гуманистам было что «возродить» и возвращать в европейскую культуру после «темных веков» Средневековья.

8. Средневековая социальная коммуникация преимущественно представляла собой устную микрокоммуникацию. Население проживало в

обособленных деревнях и небольших городах, где не было необходимости в переписке. Для особо важных поручений использовались гонцы, которые заучивали послание наизусть. Главным источником знания для неграмотной массы была церковь, а также слухи, которые переносили торговцы, бродячие театры, цирки и трубадуры. В большинстве селений не было ни календаря, ни часов. Язык делился на множество диалектов, причем диалектические различия ощущались на расстоянии 70—100 км. Известно, что в XIV веке лондонские купцы, потерпевшие кораблекрушение у северных берегов Англии, были заключены в тюрьму как иностранные шпионы. Правда, грамотная элита использовала латынь в качестве языка международного общения.

В средневековой палеокультуре не было истории — ее заменяли рыцарские романы, не было географии — ее заменяли рассказы прохожих людей, не было науки — ее заменяло Священное писание. Но отсутствие достоверных фактов мало кого беспокоило. Земная жизнь рассматривалась католической церковью как временное пристанище на тернистом пути к спасению, а знать судьбу людей может только Бог. Поэтому **никаких коммуникационных потребностей никто не испытывал.**

Однако с XII века началось духовное движение, которое проявилось в организации университетов, крупнейшими среди которых были Болонский и парижская Сорбонна. Между 1300 и 1500 гг. в Европе было учреждено более 50 новых университетов, которые стали центрами письменной культуры. Помимо церкви и зарождавшейся науки, в письменной коммуникации нуждались: королевская бюрократия, судопроизводство, купечество, расширявшее международную торговлю. Неграмотность постепенно изживалась. В XIV веке европейцы освоили производство бумаги и изобрели очки. Назревала бифуркация письменного канала, которая разрешилась в середине XV века изобретением книгопечатания.

9. Палеокультурная письменность — предмет изучения палеографии. **Палеография** — историко-филологическая дисциплина, изучающая закономерности появления и изменения знаков письменности на различных материалах. Прикладная задача палеографии — датировка времени создания

рукописей и определение состава писцов. Славяно-русская палеография подразделяется на глаголическую, изучающую памятники, написанные *глаголицей*, и кириллическую, изучающую разновидности *кириллицы*: устав, полуустав, скоропись.

10. Было бы односторонне, а значит неправильно, подчеркивать одни лишь социально-культурные достижения и преимущества, которые подарила письменность цивилизованному человечеству. Становление книжной культуры — процесс амбивалентный, ибо были утрачены преимущества дописьменной археокультуры и обнаружился **проблемы**, неведомые неграмотным «детям природы».

- Устная коммуникация и недокументированная социальная память обладают естественными механизмами, предохраняющими их от переполнения. Избыточные сообщения не воспринимаются, а неактуальные знания забываются. Письменная культура не обладает такими защитными средствами, она провоцирует бесконечный рост документных фондов и, как следствие, информационный кризис.

- В условиях бесписьменного общества человек знал только то, что требуется ему для текущей жизнедеятельности, не больше и не меньше; в книжных культурах ему приходится осваивать много устаревших знаний, изложенных в авторитетных трудах мыслителей прошлого. Большая часть этих знаний никогда в будущем не понадобится. В результате индивидуальная и общественная память становится кладбищем знаний, предрассудков, суждений часто несовместимых друг с другом. Утрачивается цельность и законченность мировоззрения, свойственные дописьменным обществам, и растет противоречивость, напряженность, дезорганизованность цивилизованных сообществ.

- Существуют несоответствия и противоречия между нормами и требованиями, вычитанными из книг, и смыслами, поступающими по каналу непосредственной микрокоммуникации. В итоге образованный человек начинает страдать раздвоением личности и муками совести; неграмотный же

варвар всегда действует согласно впитанной с детства традиции, не испытывая никаких сомнений и переживаний.

В мировой классической литературе не раз обсуждались тяготы цивилизации; достаточно вспомнить образы Дон Кихота и Санчо Пансы, Пьера Безухова и Платона Каратаева. Мануфактурная коммуникационная система не смягчила проблемы, унаследованные от письменной культуры, а скорее ужесточила их.

МАНУФАКТУРНАЯ НЕОКУЛЬТУРНАЯ КНИЖНОСТЬ

Палеокультурная рукописная книга — представитель *первого поколения книжности*, когда в роли книги выступали папирусные свитки, а со II в. до н. э. — пергамен (нем. «пергамент»); мануфактурная книга относится ко *второму поколению книжности*, начало которому положило изобретение в Европе печатного станка в середине XV века. Обратим внимание на терминологическую тонкость. До появления печатных изданий «книгами» именовались манускрипты, допустим, сочинения Аристотеля, и было известно, что Аристотель — автор 400 книг и 1000 трактатов. После изобретения книгопечатания потребовалось отличать произведения письменности от произведений печати. В настоящее время **книга** понимается как бумажный документ, прошедший редакционно-издательскую обработку и тиражированный для общественного пользования типографскими средствами. Манускрипт, написанный на бумаге, сброшюрованный и переплетенный в форме кодекса, это рукопись, а не книга в современном ее понимании.

Мощным импульсом для распространения книгопечатания в Европе явилась эпоха Возрождения с ее гуманистическими идеалами и жадью знаний. Но справедлив и обратный тезис: книгопечатание послужило толчком для зарождения культуры Возрождения. Не случайно в XV веке «божественная комедия» Данте издавалась 15 раз, стихи Петрарки 31 раз, «Декамерон» Боккаччо 11 раз. Без книгопечатания вряд бы состоялась церковная Реформация. Переводы «Библии» на немецкий язык, выполненные М. Лютером, издавались при его жизни (1483—1546) не много, не мало 430 раз!

Попутно лютеровская «Библия», благодаря ее распространенности, послужила фундаментом для формирования немецкого литературного языка.

Изобретение книгопечатания имело громадное значение для становления неокультуры, поскольку это была технология, которая послужила примером *массового производства*. Причем — и это главное — массового производства в области просвещения, литературы, науки. Честь именоваться «родиной книгопечатания» оспаривают голландцы, бельгийцы, итальянцы, французы, немцы. Чаша весов склоняется в пользу немца **Иоганна Гутенберга** (1394 или 1399—1468) из города Майнца, и большинство книговедов согласны с немецкой хроникой, где было записано в 1474 г.: «Замечательное искусство книгопечатания было изобретено в Майнце. Это искусство искусств, паука наук. Его чрезвычайная продуктивность позволила вызволить из мрака сокровища знаний и мудрости, чтобы обогатить и просветить мир»³⁴. Однако точной даты замечательного изобретения нет. Первые книги, отпечатанные Гутенбергом, относятся к 1445 г.

Вторая половина XV века — время триумфального шествия новой технологии книжного производства по странам и городам Западной Европы. В течение 50 лет было основано более 1100 типографий, выпустивших в общей сложности 35—45 тысяч названий первопечатных книг тиражом около 20 млн. экземпляров. Сохранилось от них лишь несколько процентов — порядка 200 тысяч. Книги, вышедшие в свет ранее 1 января 1501 г., называются **инкунабулы** (кунабулум — лат. колыбель; дословно «в колыбели»). Они являются объектом пристального научного исследования со стороны специальной книговедческой дисциплины — **инкунабуловедения**. Разумеется, все инкунабулы, так же как **палеотипы** (книги, изданные в 1501—1550 гг.), являются большой культурно-исторической ценностью и гордостью их владельцев.

Характерные черты мануфактурной книжной культуры, господствовавшей в XVI—XVIII веках, видятся в следующем:

³⁴ Владимирова Л. И. Всеобщая история книги. — М., 1988. — С. 97.

1. Мануфактурные книги **количественно и качественно** отличались от манускриптов. За первые 50 лет книгопечатания европейцы получили в свое распоряжение больше книг, чем за две тысячи лет книжного рукописания. В XVI веке выпущено более 242 тысяч названий, в XVII веке — 972 тысячи, в XVIII веке — около 2 млн. названий; тиражи возросли с 200—300 экз. в XV веке до 1000—1200 в XVII веке. Хотя полиграфическая техника оставалась мануфактурной (печатный стан и словолитная форма Гутенберга сохранились в типографиях до конца XVIII века) облик книги изменился неузнаваемо: книги, к оформлению которых привлекались лучшие художники того времени, стали подлинными *произведениями искусства*. Совершенствовались технологические приемы набора, качество иллюстраций, титульных листов, обложки. Появились книгоиздательские фирмы, поддерживавшие высокие художественные и научные стандарты своей продукции. Мировой известностью пользуются четыре фирмы, которые основали итальянец Альд Мануций, французы Анри Этьенн и Кристоф Плантен, голландец Лодевейк Эльзевир. При этом дешевизна и доступность книги постепенно росли, что означало *демократизацию* книжного рынка.

2. Манускрипты предназначались для чтения вслух неграмотной аудитории, печатные книги рассчитывались на молчаливое чтение «про себя». Соответственно **изменилось Оформление текста**: появились названия, разбивка на главы и разделы, спуски, поля, пробелы между словами, красочные иллюстрации. Изменился литературный язык и стиль изложения, которые приспособлялись к восприятию зрением, а не слухом. Книгу стали рассматривать не как пособие для устной речи, а как **непосредственный источник знания**, что вызвало следующие изменения:

- появились понятия оригинальности, ценности, новизны содержания;
- возникло авторское право и понятие «плагиат» (в XVIII веке);
- выработались литературные жанры и стили изложения, нормы литературного языка;
- образовалась читательская массовая совокупность, состоящая из незнакомых друг с другом людей, имеющих общие взгляды и интересы (по

оценке М. А. Барга, доля грамотных возросла с 10% в XV веке до 25% в XVII веке);

- тиражированные в сотнях экземпляров книги начали «жить своей жизнью», независимо от автора или переписчика. Они превратились в завершенные и целостные элементы овековеченной и долговременной социальной памяти.

3. Мануфактурная книжность послужила почвой для нормирования и распространения светских литературных языков. Но этого мало. В XVII и XVIII веках, которые по праву считаются временем торжества рационализма, становления науки и светского просвещения (заметим еще раз: все это стало возможным благодаря книгопечатанию!) появилась идея **лингвопроектирования**, вызвавшая к жизни многочисленные проекты **искусственных языков**.

Критический разум «гениев XVII века» быстро распознал несовершенство естественных языков, явившихся результатом неконтролируемого и случайного развития. Был сделан вывод о необходимости построения логически выверенного языка, который мог бы послужить для непротиворечивой и однозначной записи научных истин. Идею «философской грамматики» высказал в 1623 г. **Ф. Бэкон**; в 1629 г. проблемы проектирования всеобщего языка обсуждал **Р. Декарт**, в 1661 г. проект универсального языка предложил **И. Ньютон**, наконец, **Г. В. Лейбниц** довольно серьезно разрабатывал философский язык в виде математической модели, где всякое рассуждение сводилось к вычислениям. Идея универсального философского лексикона оказалась утопичной, но стремление ученых к логичности, системности, однозначности языка нашло свое выражение в научной символической (особенно — в математике, символической логике, химии) и в терминологии точных и естественных наук, которые стали складываться в XVII—XVIII веках.

4. Свойственная документам сущностная ценностно-ориентационная функция стала использоваться для **достижения социально-прагматических целей**:

Печатная книга с самого начала сделалась **орудием светского просвещения**. Только половина инкунабул относилась к религиозной тематике (гораздо меньше, чем в потоках средневековых манускриптов), четверть — к художественной литературе, 10% — к юриспруденции, прочие — к другим отраслям знания. В XVII веке не менее 2/3 книг были светскими по содержанию, и эта тенденция усилилась в «просвещенном» XVIII веке. Надо заметить, что многие издатели и типографы рассматривали свою деятельность как форму борьбы с невежеством и церковным обскурантизмом.

Короли и власти нового времени стали использовать печать для **пропаганды своих идей и привлечения сторонников**: Генрих VIII и его премьер-министр Томас Кромвель издавали памфлеты для утверждения англиканской церкви; Ришелье прибегал к услугам периодической печати.

Во времена **революционных ситуаций** в Нидерландах, Англии, Германии, Франции публицистические памфлеты, прокламации, воззвания, издаваемые многотысячными тиражами, революционизировали «третье сословие» и крестьянство.

С XVI века сначала церковные, а затем и светские власти начали ожесточенную борьбу с еретическим вольномыслием. В 1564 г. Ватикан издал «Индекс запрещенных книг», который, постоянно пополняясь, действовал вплоть до XX века; была мобилизована инквизиция. Неблагонадежные книги изымали из библиотек, книжных лавок и публично предавали сожжению. Иногда вместе с книгами сжигали их авторов и издателей (вспомним Джордано Бруно). Цензура, судебные преследования, варварское уничтожение литературы и другие акты **коммуникационного насилия** стали неизменными спутниками книжной культуры с XVI века до XX века.

5. Переход от рукописания к книгопечатанию углубил и расширил дифференциацию книжного дела; возник ряд специализированных **социальных институтов**, в том числе: книгоиздательский (редакционная подготовка + полиграфическое размножение документов), книготорговый, библиотечный и библиографический. Началось формирование **овеществленной социальной памяти**.

Основные изменения в библиотечном деле состояли в следующем: в результате религиозных войн сильно пострадали монастырские библиотеки; на основе конфискованных фондов монастырских библиотек и частных книжных собраний стали возникать *городские* библиотеки; выполнявшие функции одновременно *публичных* и *университетских*; в школах (особенно, активно — в Германии) начали организовываться *школьные* библиотеки; открывались для публики личные книжные собрания королей и дворцовой знати, стремившихся стяжать славу просвещенных и щедрых властителей. Таким образом, складывались структуры *национальных библиотечных систем*, свойственных западной цивилизации.

Если библиотечное дело возникло еще в пору рукописной ОКС, то именно мануфактурная книжность вызвала к жизни **библиографию** — вторичный уровень документной коммуникационной системы (см. пункт 4.3.1). По словам К. Р. Симона, «с распространением книгопечатания закончилась предыстория библиографии и началась ее история»³⁵. Действительно, именно с этого времени появились *книготорговая* библиография, *отраслевая* библиография (юридическая и медицинская — прежде всего), *национальная* библиография, отражающая публикации представителей данной страны (в Германии, Англии, Италии, Франции, Испании, Польше), наконец, *универсальная международная* библиография, представленная таким величественным памятником европейского Возрождения как «Всеобщая библиотека» **К. Геснера** (1515—1565). В «Библиотеку» Геснера включены более 15 тыс. книг, принадлежащих почти 5 тыс. авторов. Большая часть описаний снабжена подробными аннотациями, оглавлениями и выдержками. Геснеру удалось подвести итоги развития письменной и мануфактурной книжности в Европе с античности до середины XVI века. Ничего подобного ни один библиограф после Геснера сделать не мог. Правда, не обошлось без курьезов. Будучи несколько старомодным, Геснер признавал в качестве литературных только греческий, латинский и древнееврейский языки и игнорировал «варварские»

³⁵ Симон К. Р. История иностранной библиографии. — М., 1963. — С.79.

французский и итальянский. В связи с этим в кратких заметках о Данте и Боккаччо упущены их главные произведения.

6. Помимо библиографии, о созревании книжной культуры свидетельствует зарождение **словарно-справочного** дела. Если библиографический указатель есть «книга об известных книгах», то энциклопедия (справочник, словарь) — это «книга о том, что мы знаем». В XVII и XVIII веках в Англии и во Франции публикуется целый ряд словарей, лексиконов, энциклопедий, пользующихся широким спросом. Высшим достижением, одной из духовных вершин «века Просвещения» — XVIII столетия, бесспорно, является знаменитая «Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремесел». Включающая более 60 тысяч статей семнадцатитомная Энциклопедия была подготовлена и выпущена в свет в 1751—1766 гг. Осуществить в крайне неблагоприятных условиях это колоссальное по объему издание стало возможным только благодаря неиссякаемой энергии, таланту, поразительной работоспособности и организаторским дарованиям **Дени Дидро** (1713—1784), с начала и до конца остававшегося главным идейным вдохновителем и исполнителем всего дела. Известна историческая роль Энциклопедии Д. Дидро в идеологической подготовке Великой французской революции 1789—1794 гг.

7. В XVII — начале XVIII века в европейской культуре лидером становится естествознание. В это время жили и творили Г. Галилей (1564 — 1642), Р. Декарт (1596—1650), Б. Паскаль (1623—1662), У. Гарвей (1578—1657), Г. В.Лейбниц (1646—1716), Х. Гюйгенс (1629—1695), И. Ньютон (1642—1727), Л. Эйлер (1707—1783), семья математиков Бернулли и многие другие выдающиеся ученые. Этот период Джон Бернал (1901—1971), основоположник современного науковедения, называл «научной революцией». В результате этой революции образовалось европейское научное сообщество, кровно заинтересованное в оперативной и полной научной коммуникации. Непосредственным откликом на эту потребность стал «Журнал ученых», первый номер которого вышел в свет в Париже в январе 1665 г. Задачей этого журнала, как и подобных ему периодических изданий в Англии, Германии,

Нидерландах, было не информирование о новых теориях, открытиях, событиях научной жизни, а сообщение о книгах, в которых об этом говорилось. Другими словами, это были «журналы о книгах», т. е. библиографические, точнее — реферативные (о книгах сообщалось посредством их рефератов) издания.

Дидро в своей Энциклопедии дал следующее определение: «Журнал — периодическое издание, содержащее извлечения из вновь напечатанных книг, с отчетом об открытиях, ежедневно делаемых в науках и искусствах... Он был изобретен для тех, кто слишком занят или слишком ленив для того, чтобы читать книги целиком. Это — способ удовлетворять свою любознательность и стать ученым с малым трудом». Прошло не менее 150 лет пока, наряду с реферативными научными журналами, без обращения к которым до сих пор не обходится никакая научная работа, появилась современная научная периодика.

8. Свидетельством зрелости второго поколения книжной культуры могут служить не только формирование национальных документальных систем (ДОКС) с развитым книжным производством и распределением (контур обобществления) и совокупностью разных библиотек и библиографических служб (контур обработки, хранения, распространения), но и развитие библиофильства, сопровождаемого библиофильской библиографией, а также формирование теории книговедения и библиографии.

Термин «книговедение» (Bücherkunde) впервые ввел в научный оборот австриец **Михаэль Денис** (1729—1800), в труде «Введение в книговедение» (Вена, 1777—1778 гг.), где он отнес к книговедению историю рукописной и печатной книги, типографское дело, библиотековедение и каталогизацию.

Основоположником библиографической науки, получившей в наше время название «библиографоведение», считается **Нэ де ля Рошель** (1751— 1837), опубликовавший в 1779 г. «Рассуждения о библиографической науке». В своих «Рассуждениях...» Нэ пишет: «Библиография есть описание мира письменности и того, что его составляет, подобно тому, как география — описание земного шара; но открытия в области земного шара когда-нибудь найдут свою границу, открытия же в области письменности никогда не будут иметь границы и изучение библиографии станет тем необходимее, чем большее

развитие получают искусства и науки»³⁶. Известно, что во время Великой Французской революции, когда возникла проблема сохранить и упорядочить книжные собрания, реквизированные республиканцами, был издан декрет, предписывающий читать учебный курс «библиографии» в главных городах всех департаментов.

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ НЕОКУЛЬТУРНАЯ КНИЖНОСТЬ

XIX век — время торжества капитализма в Западной Европе, которое сопровождалось тремя важными для социальной коммуникации явлениями:

- благодаря индустриализации материального производства, резко увеличиваются производственные мощности и производительность труда;
- происходит становление наций — многомиллионных полиэтнических сообществ, нуждающихся в средствах консолидации;
- возрастает образованность и просвещенность городского населения, предъявляющего растущий спрос на культурные развлечения, знания, информацию. Войны и революции XX века превратили средства массовой коммуникации в средство управления народными массами. На этом экономическом, социально-культурном, политическом фоне в Западной Европе и в России происходило формирование индустриальной общественной коммуникационной системы, которая соответствует *третьему поколению книжности* и создает предпосылки для становления грядущей мультимедийной ОКС информационного общества.

Характерные особенности индустриальной книжной культуры, господствовавшей в XIX — I половине XX века, видятся в следующем:

1. В первой половине XIX века произошла, можно сказать, **промышленная революция в полиграфии**. Книгопечатание включает три полиграфических процесса: изготовление печатной формы, печатание тиража, выполнение брошюровочно-переплетных работ. Мануфактурная типография базируется на ручном труде печатника, который использует печатный станок,

³⁶ Цит. по: Симон К. Р. История иностранной библиографии. — М., 1963 — С. 288.

установку для отливки букв, собственную сноровку и мастерство. Индустриальное производство основано на механизации всех полиграфических процессов, сводя к минимуму участие в них типографских работников. В этом состоит принципиальное отличие индустриального книгопечатания от мануфактурного.

В начале XIX века (1803 г.) первую **печатную машину** (не станок, а именно машину!) сконструировал Фридрих Кёниг (1774—1833). В 1814 г. ее использовали в Англии, где он тогда жил, для печатания газеты «Тайме». В 1817 г. Кёниг вернулся на родину в Германию, где основал фабрику печатных машин. Первая русская печатная машина, построенная в 1829 г., была установлена в редакции газеты «Северная пчела». В 1830-х гг. в Америке появились *тигельные* машины, специально приспособленные для печати бланков, обложек, иллюстраций. В 1860 г. Вильям Буллок построил *ротационную* машину, печатающую на обеих сторонах бумажного полотна и особенно удобную для выпуска газет. В 1866 г. эту машину снабдил и *резальными* и *фальцевальными* аппаратами. В 1884 г. в США была изобретена строкоотливная наборная машина, названная *лиотип*, а в 1897 г. появилась буквоотливная наборная машина — *молотип*, облегчившая корректуру и верстку. Короче говоря, в XIX веке бурными темпами развивалось **полиграфическое машиностроение** — основа индустриального книгопечатания.

Параллельно шло техническое перевооружение бумагоделательного производства. В 1799 г. француз Луи Робер построил первую бумагоделательную машину; в 60-е гг. научились делать качественную бумагу из древесины, что значительно удешевило производство и расширило его масштабы. Появилась еще одна отрасль промышленности — **целлюлозно-бумажная**.

Таким образом в первой половине XIX века сложились материально-технические возможности для интенсификации книжного производства. Стремительно возрастает и выпуск книг. Например, в Англии в начале века выпускалось около 300 названий книг в год; 1828 г. — 1242 книги; 1857 г. — 5218 книг; 1897 г. — 7516 книг; 1914 г. — 1537 книг (рост за столетие в 35

раз!). В США темпы еще выше: там выпуск книг возрос со 120 названий в 1823 г. до 13470 названий в 1910 г., т. е. более чем в 100 раз!

Что касается России, то здесь динамика книгопечатания имела следующий вид. Начало книгопечатания — 1550-е гг., когда было отпечатано несколько книг в так называемой «анонимной московской типографии»; в 1564 г. — выход в свет первой датированной книги — «Апостол» **Ивана Федорова** (ок. 1510—1583) — русского и украинского первопечатника. В XVI веке в Москве было отпечатано около 15 книг.

В XVII веке было выпущено более 500 книг, в том числе светские сочинения С. Полоцкого, «Соборное уложение» (1649), «Учение и хитрость ратного строения», «Три чина присяг» и др. При этом продолжалось интенсивное рукописание книг, особенно книг с красочными иллюстрациями: старообрядцы вообще не признавали типографские издания священными. По сути дела до 1708 г., когда был введен гражданский шрифт, русская коммуникационная культура находилась в состоянии *палеокультурной книжности*.

Мануфактурная неокультурная книжность началась в России с Петра I и характеризовалась следующими статистическими данными:

1698 — 1725 гг. — около 600 изданий;

1726 — 1740 гг. — 175 изданий;

1741 — 1760 гг. — 620 изданий;

1760 — 1800 гг. — 7860 изданий;

1801 — 1855 гг. — 35000 изданий. Всего в XVIII веке было опубликовано около 10 тыс. сочинений гражданской печати, из которых более трети составляли произведения изящной словесности и еще треть — научная светская литература. В первой половине XIX века издавалось: порядка 250 названий ежегодно в 1801—1815 гг. и более 1000 в 1836—1855 гг. При этом отставание от «мастерской мира», бурно капитализирующейся Великобритании, составляло 5 раз, зато Североамериканские Соединенные штаты Россия опережала в 2 раза.

Индустриальная неокультурная книжность пришла в Россию с Александровскими реформами. Благодаря использованию полиграфической техники, ежегодный выпуск книжной продукции в России стал быстро

нарастать: с 1500 названий в 1856—1860 гг. до 12 тыс. названий в 1896—1900 гг. В целом во II половине XIX века было опубликовано 250 тыс. книг. В 1906—1915 гг. после смягчения цензурных ограничений ежегодный выпуск книг увеличился с 24 тыс. до 34 тыс. в год. Известны порядка 20 частных издательств, выпускавших около 100 названий ежегодно, в их числе — издательство И. Д. Сытина — более 800 книг и издательство «Посредник» — 270 книг³⁷. По числам названий и тиражам Россия заняла первое место в мире. До 1905 г. тираж 20—30 тыс. экземпляров был редкостью, теперь обычными стали тиражи 50—100 тыс. С 1814 г. по 1913 г. выпуск книг в России увеличился с 234 до 34 тыс. названий, т.е. в 140 раз! Всего в 1901—1916 гг. вышло в свет 383 тыс. изданий.

Надо напомнить, что Советский Союз сохранял статус мирового лидера книжного производства. В 1918—1930 гг. было издано около 200 тыс. книг; 1931—1940 гг. — 760 тыс.; 1941—1953 гг. — 350 тыс. книг. С 1960 г. в СССР ежегодно стабильно издавалось около 80 тыс. книг и брошюр; максимальное значение — 84 тыс. в 1985 г. Всего за 1918—1988 гг. советские издательства выпустили в свет 3,9 млн. печатных единиц общим тиражом 70,6 млрд. экз.³⁸ Интересная деталь: в 1988 г. в фондах государственных библиотек насчитывалось около 6 млрд. единиц хранения. Это значит, что примерно 60 млрд. книг прошли через руки советских людей, не считая дореволюционных изданий. Конечно, много книг утрачено во время войн, революций, стихийных бедствий, цензурного библиоцида, но все-таки совокупный фонд личных библиотек советских людей поистине колоссален!

2. Мощности машинного полиграфического и бумажного производства позволяют, наряду с расширением книгоиздания, обеспечить невиданный рост журнально-газетной продукции. Благодаря этим мощностям произошла бифуркация III: выделение из книжного коммуникационного канала **прессы** — нового, нетрадиционного коммуникационного канала. Пресса — первый из каналов массовой коммуникации, к которому в XX веке присоединятся кино,

³⁷ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник — СПб., 1995. — С. 356—369.

³⁸ Народное образование и культура в СССР. Статистический сборник — М., 1989. — С.369.

радио, телевидение. На базе вновь открытого канала быстро формируется новый социально-коммуникационный институт — институт **журналистики**, который появляется в третьем поколении книжности, являясь производным от традиционного для книжной культуры социального института «литература». Правда, периодические издания появились отнюдь не в XIX веке, а намного раньше.

Юлий Цезарь ввел практику оповещения населения о военных событиях, государственных назначениях, пожарах, увеселениях и пр. посредством записей, которые делались на восковых досках и переписывались заинтересованными лицами. **Газета** как вид документа появилась в XVI веке в Венеции, Риме, Вене, где шустрые «писатели новостей» составляли рукописные сводки сообщений о придворной жизни, торговле, событиях в городах, чудесных и интересных явлениях. Когда в 1493 г. в Риме было опубликовано письмо Колумба об открытии западного пути в Индию, оно сразу же было распространено по другим городам Европы. Такие рукописные «новости» покупались за мелкую монету «газетту», поэтому за ними закрепилось имя «газета».

Печатные газеты появились в начале XVII века сначала в Германии (*Zeitung* — 1609 г.), затем в Англии (*Weekly News* — 1622 г.), во Франции (*La Gasette* — 1631 г.). Газеты были рассчитаны на купцов и богатых горожан; они содержали сведения о торговых путях, ценах, ходе торговли, внутренней жизни стран, межгосударственных отношениях. Французская «*La Gasette*», созданная при участии Ришелье, публиковала политические новости.

С начала XVIII века в Германии, Англии, Франции стали выходить ежедневные газеты, которые готовились профессионалами-газетчиками. Их влияние особенно возросло во время Великой французской революции (вспомним газету Робеспьера «Защитник Конституции» или газету Марата «Друг народа»). Но их количество, тиражи и общественное признание не идут ни в какое сравнение с соответствующими параметрами газетной индустрии середины и конца XIX века.

Стремительный рост газетного бизнеса характерен для США. Начиная с 1850 г. здесь действовал своеобразный «закон удвоения», при котором за

каждое десятилетие количество выходящих в стране газет удваивалось: если в 1850 г. их выходило 2521, то в 1860 г. — 4051, в 1870 г. — 5871, в 1880 г. — 10132, в 1890 г. — 18536. Аналогично росли тиражи: в 1850г. разовый тираж всех газет был 5,1 млн., в 1860 г. — 13,7 млн., в 1870 г. — 20,8 млн., в 1880 г. — 31,8 млн., и 1890 г. — 69,1 млн., в 1900 г. — 113,3 млн.³⁹

В журналистике США еще в первой половине XIX века обозначились два направления:

- повествовательная журналистика, преследовавшая познавательные, эстетические, воспитательные цели, предлагая своим читателям не только факты, но и их осмысление и оценку;
- информационная журналистика, видевшая назначение газеты в том, чтобы дать оперативное, полное и объективное сообщение о реальных фактах, предоставляя их осмысление читателям.

В течение XIX века повествовательное направление преобразовалось в «желтую» прессу, ориентированную на невзыскательные вкусы малообразованной массы; здесь был спрос на сенсации, рекламу, фото и карикатуры, развлекательные публикации вплоть до сплетен. Информационная журналистика обращалась к солидной и образованной публике, предлагая ей правдивую и этически выдержанную картину реальной жизни (например, газета «Нью-Йорк таймс»).

Если в Средние века местом обмена информации между жителями приходила церковь, то с XIX века источником новостей сделалась газета. Коммуникантами, формирующими общественное мнение, стали не проповедники и ораторы, а редакции газет и журналов. Читающая публика более атомизирована и индивидуализирована, чем слушающая аудитория; отсюда — **ослабление микрокоммуникации и усиление массовой мидикоммуникации (ГуМ).**

Журнал — более поздний вид периодического издания, чем газета. Первым журналом считается французский «Журнал ученых» (1665 г.), представлявший собой сборник рефератов книг и далекий от современных

³⁹ Цит. по: Петров Л. В. Массовая коммуникация и искусство. — Л., 1976. — С. 101.

представлений о журнале как виде издания. К концу XIX века на Западе получили наибольшее распространение иллюстрированные журналы, рассчитанные на массовую аудиторию. В 60-е гг. XX века тиражи такого рода изданий составляли около 8 млн. экз. в США и около 1 млн. во Франции и Великобритании. Лишь немного отставали от них журналы для женщин. На третьем месте были влиятельные политические журналы, выходившие тиражами от 3 млн. до 100 тыс. Кроме того, на журнальном рынке пользовались спросом научно-популярные, литературные, спортивные, сатирико-юмористические журналы. Численность журналов в США в это время приближалось к 10 тыс. названий, в западно-европейских странах и Японии — около 5 тыс.

В самодержавной России начало периодики связано не с инициативой частных лиц, а с повелением властей. Как известно, Петр I приказал начать выпуск газет в виде так называемых «петровских ведомостей» (январь 1703 г.); с 1728 г. первая русская газета стала выходить в свет регулярно под названием «Санкт-Петербургские ведомости». Обеспечивала ее выпуск Академия наук. Под эгидой Академии с 1728 по 1742 гг. публиковали первый русский журнал «Исторические, генеалогические и географические примечания» к «Санкт-Петербургским ведомостям», где печатались статьи познавательного и научного характера, а также поэтические произведения. В 1755—1765 гг. та же Академия наук взяла на себя издание второго русского журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», адресованные «всякому, какого бы кто звания или понятия не был». В 1756 г. стала выходить вторая русская газета — «Московские ведомости», издаваемая Московским университетом.

Таким образом в XVIII веке в России было всего две газеты. Что касается журналов, то здесь, опять-таки благодаря личному участию просвещенной Екатерины II, начиная с 1769 г., замечается оживление. В этом году в числе новых 8 журналов появился первый толстый литературно-сатирический журнал «Трутень», издаваемый **П. И. Новиковым** (1744—1818). Заметим, что толстые журналы — специфическое явление русской литературы, ставшие в XIX веке общественной трибуной отечественного «литературоцентризма» (см. пункт

2.3.2). В нашу задачу не входит обзор истории русской журналистики, мы ограничимся общей периодизацией этой истории.

Эмбриональный период: верховная власть непосредственно или через государственные учреждения осуществляет издательскую деятельность:

- петровский период (1703—1725 гг.);
- академический период (1728—1765 гг.).

Становление журналистики как социального института: от дворянской к разночинной журналистике:

- екатерининское просвещение (1769—1796 гг.);
- дворянская любительская журналистика (1797—1825 гг.);
- переход инициативы к разночинцам, коммерциализация журнального дела (1826—1839 гг.).

Капитализация журналистики:

- наступление демократов-разночинцев (1840—1866 гг.);
- реформаторская эволюция (1867—1880 гг.);
- капитализация под эгидой православной монархии (1881—1905 гг.);
- признание прессы социальной силой (1906—1917 гг.).

Советская журналистика (1921—1990 гг.) — пресса на службе тоталитаризма.

Постсоветский период — с 1990 г., когда был принят закон «О средствах массовой информации».

Нетрудно видеть, что первые два периода относятся к мануфактурной книжности, а последующие — к индустриальной книжности. Об этом свидетельствуют и количественные показатели периодических изданий:

1703 — 1800 гг. — 15 изданий;

1801 — 1850 гг. — 32 издания;

1851 — 1900 гг. — 356 изданий.

В 1913 г. в России издавалось 2915 журналов и газет (1757 журналов и 1158 газет). В Советском Союзе в 1988 г. выходило в свет 5413 журналов (включая сборники и бюллетени) и 4430 газет (без низовых и колхозных). Причем суммарный тираж журналов примерно вдвое превышал сумму тиражей

разовых изданий, а совокупный годовой тираж газет был в 12 раз больше, чем тираж журнальной периодики. Грубо говоря, на каждого грамотного жителя СССР в 1988 г. приходилось ежегодно 10 книг, 20 номеров журналов и 240 экземпляров газет.

Приведенные факты показывают, что как в нашей стране, так и в Западной Европе достижение уровня индустриальной книжности означает, что книжная культура перестает быть чисто «книжной», а превращается в **книжно-газетно-журнальную** культуру, где газеты и журналы служат для массового распространения наиболее важных и актуальных культурных смыслов.

3. Во второй половине XIX века резко ускорился рост **урбанизации**. Париж, в средние века самый многолюдный город в Западной Европе, насчитывал в XIV—XV веках сто тысяч жителей; в 1801 г. — пятьсот тысяч, к 1850 г. — один миллион. Нью-Йорк в 1790 г. имел 33 тыс. жителей, в 1850 г. — 515 тыс., в 1890 г. — 1 млн. 440 тыс., в 1900 г. — 3 млн. 473 тыс. В 1900 г. в Санкт-Петербурге проживало 1 505200 человек, в Москве — 1360 тыс. За последние 40 лет XIX века городское население в России удвоилось. Уместно заметить, что после «Медного всадника» А. С. Пушкина русские поэты и писатели воздерживались от апофеоза «творения Петра». Напротив, Петербург становится в русской литературе олицетворением безликого зла, казенного бездушия, одиночества и отчужденности простого человека. Начиная с «Белых ночей» Ф. М. Достоевского вплоть до «Петербурга» А. Белого, эта тема звучит постоянно «по мере того, как город перенаселяется, давит жителей многоэтажными домами, покрывается сетью электрических проводов, наполняется лязгом трамваев, миганием реклам и уличных огней»⁴⁰.

Городской образ жизни, конечно, существенно отличается от сельского жизненного уклада. Распались традиционные нормы регуляции поведения, связанные с патриархальными обычаями, нарядными гуляниями, религиозными праздниками. Обнаруживается острая общественная потребность в новых средствах консолидации общества и социальной коммуникации. В качестве

⁴⁰ Средства массовой коммуникации и современная художественная культура. — М., 1983. — С. 78.

таких средств выступили пресса, иллюстрированные газеты и журналы, а и начале XX века — кинематограф. Эти средства способствовали росту просвещенности населения, но вместе с тем приводили к **упрощению, массовости и стандартизации** духовных потребностей. Так возникли **массовые** аудитории — прямое следствие урбанизации.

4. Вторая половина XIX века — время **первой технической революции в социальных** коммуникациях. Мы уже отметили появления прессы как следствия технической революции в полиграфии, теперь остановимся на других первичных технических коммуникационных каналах, вызванных к жизни первой технической революцией (см. рис. 4.1).

- **Телеграф.** В революционной Франции был изобретен Клодом Шаппом *оптический* телеграф, который применялся для оперативной передачи депеш из Парижа на периферию. В начале XIX века оптический телеграф применялся в США для сообщения о прибытии кораблей в Бостон. В 1820-х—1830-х гг. ученые во всем мире работали над созданием *электромагнитного* телеграфа. Приоритет принадлежит русскому ученому **П. Л. Шиллингу** (1796—1837), который в октябре 1832 г. продемонстрировал первую телеграфную передачу. Правда, телеграф П. Л. Шиллинга не обеспечивал запись принятых сообщений и имел диапазон действия, ограниченный несколькими километрами из-за затухания сигналов вследствие сопротивления в соединительных проводах.

Практически пригодную схему электромагнитной связи разработал в 1837—1838 гг. американский изобретатель **Самуэл Морзе** (1791—1872). В этой схеме для усиления сигналов применялись реле, благодаря которым обеспечивалась дистанционная передача и прием сообщений, закодированных «кодом Морзе». Скорость передачи на ручном телеграфном ключе составляла до 100 кодов в минуту. Благодаря телеграфу смысловая коммуникация отделилась от транспортной (почта) и образовала собственный технический канал, где сообщения двигались гораздо быстрее наземного транспорта. Апофеозом телеграфной связи, которую современники называли «наиболее замечательным изобретением нашего замечательного века», стало открытие в 1858 г.

трансатлантического кабеля, который обеспечил мгновенную передачу сообщений через океан.

Кодирование телеграмм в виде последовательности точек и тире затрудняло их восприятие человеком, требовался буквопечатающий телеграфный аппарат. Благодаря усилиям русского электротехника **Б. С. Якоби** (1801—1874) и французского изобретателя **Жана Бодо** (1845—1903) эта задача была решена. В 1877 г. Бодо ввел в эксплуатацию буквопечатающий телеграфный аппарат с клавиатурой пишущей машинки, который использовался во всем мире до середины XX века.

- **Фотография** представляет собой не только технический, но и *художественный* канал, недаром, одним из «отцов» фотографии был французский художник **Луи Жак Дагер** (1787—1851). В 1839 г. Дагер совместно с химиком Жозефом Ньепсом продемонстрировал первый практически пригодный способ фотографии — *дагеротипию*, где светочувствительным веществом служило соединение серебра и йода. Предпосылкой появления и быстрого распространения фотографии была общественная потребность в простом и дешевом получении изображений. Не случайно фотографию снисходительно называли «Живописью для бедных».

Первоначально дагеротипия развивалась в традиционных живописных жанрах: первым дагеротипом был натюрморт, затем обрел популярность пейзаж, наконец, — портрет. Цветные фотоизображения были получены в конце 60-х годов. Возникла конкуренция между «рукотворной живописью» и «машинными изображениями». Преимущества фотографии проявились в *документном фоторепортаже*, который до конца XIX века начал широко использоваться иллюстрированными газетами и журналами. Развитие фотодокументалистики открыло перед фотографией громадное разнообразие тем, сюжетов, ракурсов, возможность необычного взгляда на живую действительность, нередко взгляда, имеющего эстетический характер. Фотография, — признают искусствоведы, — оказывает в течение последних 150 лет существенное влияние на все пластические искусства: иногда в форме заимствования, иногда в форме противопоставления и отталкивания.

- **Телефон** разрешил проблему дистанционного обмена речевыми сообщениями. В 1876 г. патент на изобретение телефона получил американец **Александр Белл** (1847—1922). В 1877 г. была образована «Белл Телефон Компани» и началась коммерческая эксплуатация изобретения. Компания была монополистом, сдавала в аренду телефонные аппараты и облагала абонентов довольно значительной платой (4—6 долларов в месяц). В конце XIX века в США приходился один телефон на 250 человек населения.

Довольно быстро появились телефонные компании в других странах мира. В России первые городские телефонные станции начали действовать в 1882 г. в Петербурге, Москве, Одессе и Риге. В 1892 г. была построена первая автоматическая телефонная станция (АТС), которая была усовершенствована в 1900 г. на основе принципа координатного поиска номеров абонентов. Координатные АТС широко используются до сих пор.

К концу XIX века планета была буквально опутана телеграфными кабелями и телефонными проводами, которые в 1880-е годы объединились в единую сеть. В настоящее время эта сеть используется не только для микрокоммуникации между людьми, но и для компьютерной связи. Благодаря подключению радиоканалов, образуются системы *радиотелеграфной* и *радиотелефонной* связи, повышающие дальность, надежность и комфортность общения.

- **Звукозапись** впервые была осуществлена **Т. Эдисоном** (1847—1931), который в 1877 г. запатентовал устройство *фонограф*. Носитель записи в фонографе — цилиндр, обернутый оловянной фольгой или бумажной лентой, покрытой слоем воска; записывающий и воспроизводящий элемент — игла (резец), связанная с мембраной. Значительно улучшенный вариант фонографа — *граммофон* (от греч. «грамма» — запись + «фон» — звук) с записью звука на грампластинку создал в 1888 г. немец Ганс Берлинер. Портативный вариант грампластинки — *патефон* (от названия французской фирмы-изготовителя Пате) в 50-х годах XX века был вытеснен *электрофоном*. В XX веке получил распространение магнитный способ звукозаписи, который реализован в профессиональных и бытовых *магнитофонах*.

• **Радио.** История радио началась со статьи великого английского физика, основателя электродинамики **Джеймса Максвелла** (1831—1879), где предсказывалось существование электромагнитных волн, распространяющихся в пространстве (1864 г.). В 1886—1889 гг. другой основоположник электродинамики, немецкий физик **Генрих Герц** (1857 —1894) экспериментально доказал существование электромагнитных волн и установил тождественность их природы со световыми волнами. Русский физик **А. С. Попов** (1859—1906) построил приемник электромагнитных волн и продемонстрировал его 7 мая 1895 г., используя в качестве источника излучения вибратор Герца. В 1897 г. он начал работы по *беспроволочному телеграфу*, в том же году передал на расстояние около 200 м свою первую радиограмму, состоящую из одного слова «Герц». В 1901 г. Попов достиг дальности радиосвязи около 150 км.

Независимо от А. С. Попова с электромагнитными волнами экспериментировал итальянец **Гульельмо Маркони** (1874—1937). Он начал работу в 1894 г. в Италии, а с 1896 г. — работал в Великобритании, где в 1897 г. подал заявку на изобретение *беспроволочного телеграфирования*. В том же году организовал акционерное общество по использованию беспроволочного телеграфа. В 1909 г. ему была присуждена Нобелевская премия. Однако беспроволочный телеграф — это не средство массовой коммуникации; таким средством является *радиовещание*.

После первой мировой войны массовые масштабы *приобрело радиолобительство*. Детекторные приемники пользовались стремительно растущим спросом. Объем продаж радиотоваров составил в США в 1922 г. — 69 млн. долларов; в 1923 г. — 136 млн., в 1924 г. — 358 млн. долларов. В конце 20-х годов появились частные и государственные радиостанции, использующие микрофоны, ламповые приемники вытеснили примитивные детекторы, большинство граждан превратилось в радиослушателей. Радиовещание вступило в свои права как **средство массовой коммуникации**. Оно пользовалось общественным доверием. С радиовещанием связывались надежды на демократизацию общества, благодаря открытости политической жизни; на

интеллектуализацию общества вследствие распространения разума, а не эмоций; на эстетическое воспитание молодежи путем знакомства с шедеврами литературы и музыкального искусства.

Радио доверяли больше, чем прессе, ибо оно работало в прямом эфире, передавало живые голоса политических лидеров и свидетелей текущих событий. Прессу же считали продажной и лживой. В 1934 г. Франклин Рузвельт, умело использовавший возможности радиовещания, выиграл президентскую гонку, хотя 80% газет было против него. В пропагандистской машине Гитлера радио всегда отводилось одно из центральных мест, наряду с кино. Радиообращения фюрера гипнотизировали немецких обывателей. В Советском Союзе радиовещание, находившееся под эгидой государства, было важным идейно-воспитательным инструментом.

• **Кинематограф** как вид искусства и средство массовой коммуникации ведет свою историю с 28 декабря 1895 г., когда перед посетителями парижского «Гран-кафе» на бульваре Капуцинок произошла демонстрация «движущейся фотографии» на полотне экрана. Авторами изобретения считаются **Луи Жан Люмьер** (1864—1948) и его брат и помощник **Огюст Люмьер** (1862—1954).

Немое кино — принятое обозначение кинематографа в первое десятилетие его развития, когда изображение было лишено синхронно записанного звука. Но буквально с первых сеансов в конце XIX века кинопоказ сопровождался импровизированным музыкальным аккомпаниментом, а позже — декламацией или грамзаписями. Несмотря на скудость изобразительных возможностей, немое кино и в России, и за рубежом быстро стала излюбленным зрелищем народных масс. Выделилось художественное кино (мелодрама, приключенческий фильм, комедия, боевик), знающее выдающихся режиссеров и актеров, и документальное кино.

Звуковое кино в середине 30-х годов вытеснило своего немого предшественника. Впервые был достигнут синтез визуального и аудиального коммуникационных каналов, появилось *аудиовизуальное* сообщение.

Черно-белое изображение воспринималось зрителями как более достоверное и безусловное, но кинематографисты с 30-х годов упорно

экспериментировали с разными цветовыми включениями (например, С. Эйзенштейн во второй серии фильма «Иван Грозный» в 1945 г. ввел цветовой эпизод «Пир опричников»). Со второй половины 60-х гг. *цветное кино* стало господствующим в мировом кинематографе; синтез звука и изображения обогатился цветом.

Кинематограф как средство массовой коммуникации обладает не только художественной правдивостью и документальной достоверностью, фильмы еще, подобно произведениям печати, можно тиражировать, распространять и хранить во времени. Фильмы, как и книги, сделались фрагментом **овеществленного культурного наследия общества**. В этом состоит громадное культурно-историческое значение кинематографа.

В 50-е годы началась вторая техническая революция в сфере социальных коммуникаций, главными достижениями которой было появление двух важнейших для современного человечества коммуникационных каналов: телевизионного вещания и компьютерной телекоммуникации. Началась подготовка к бифуркации IV, т. е. переходу к мультимедийной коммуникационной культуре на основе электронной коммуникации. В разделе 5.6 мы рассмотрим этот вопрос.

5. Становление индустриальной цивилизации в этническом отношении сопровождается образованием наций. Формирование нации в истории литературных языков служит водоразделом, разделяющим «донациональный» и национальный периоды их развития. Для последнего характерна **демократизация** литературного языка, **сближение** его с народным разговорным языком и формирование на этой основе **национального** языка, становящегося нормой речевого обращения.

Периодическая печать стала сначала ареной борьбы между разными литературно-лингвистическими школами. Например, в начале XIX века в России велась очень острая и бескомпромиссная полемика между сторонниками изящной словесности Н. М. Карамзина и сторонниками «исконно русского слога», которых возглавил А. С. Шишков. Затем периодика сделалась средством **нормализации** разговорной речи, носителем и

распространителем образцов современной литературной словесности. Истоки русского национального языка, как известно, связаны с творчеством А. С. Пушкина. Произведения Пушкина доходили до читающей публики первоначально в виде журнальных публикаций, а уж потом — в виде книг. Собственно говоря, практически вся классическая русская литература XIX века прошла апробацию в «толстых» журналах того времени.

Можно сделать вывод, что становление газетно-журнального коммуникационного канала было необходимой предпосылкой для формирования национальных языков полиэтнических индустриальных обществ. В XX веке, благодаря распространению радиовещания и телевидения, именно эти средства массовой коммуникации стали выполнять основную культурно-нормативную функцию в современной речи.

6. Индустриальная книжность — период завершения **коммерциализации и профессионализации** социально-коммуникационных институтов. Занятия литературой и журналистикой в мануфактурной ОКС вплоть до 30-х годов XX века считались любительским «служением музам», благородным бесребренничеством. А. С. Пушкин писал в одном из своих писем: «Литература стала у нас всего около 20 лет значительной отраслью промышленности. До сих пор она рассматривалась только как занятие изящное и аристократическое... Никто не думал извлекать других плодов из своих произведений, кроме успеха в обществе, авторы сами поощряли перепечатывание и искали в нем удовлетворение тщеславия»⁴¹. Великий русский поэт стал первым в России профессиональным литератором. Свои сомнения и аргументы за и против он ещё в сентябре 1824 г. изложил в знаменитом «Разговоре книгопродавца с поэтом», который появился в печати в качестве предисловия к первой части «Евгения Онегина». В роли книгопродавца здесь выступает известный книгоиздатель и книготорговец А. Ф. Смирдин (1795—1857), который впервые в русской литературе стал платить авторский гонорар. Так, Пушкину он платил по 10 рублей за каждую

⁴¹ Цявловский М. Письма Пушкина и к Пушкину. — М., 1925. — С. 38.

стихотворную строку, за «Бориса Годунова» заплатил 10 тыс. рублей, за «Евгения Онегина» — 12 тыс. рублей.

Во второй половине XIX века литераторы и художники все больше превращаются в **служащих по найму**, подобно другим специалистам. В условиях массовой коммуникации зависимость «вольных художников» от денежного мешка обнаружилась в полной мере. Отсюда — трагическая тема проданного за деньги таланта, которая была пророчески предсказана Н. В. Гоголем в его «Портрете» и часто звучала в произведениях зарубежных и отечественных авторов.

7. Символами становления нации являются не только национальные языки (см. выше), но и такие проявления зрелости книжной культуры, как формирование **национальных библиотек и национальной библиографии**. Национальные библиотеки — крупнейшие книгохранилища страны, осуществляющие исчерпывающий сбор и вечное хранение отечественных произведений письменности и печати; таким образом они *символизируют* достижения национальной культуры.

Хронологически первой библиотекой национального достоинства считается *Национальная библиотека Франции*, учрежденная во время Великой французской революции (1789 г.) на базе национализированной королевской библиотеки. Крупнейшими национальными библиотеками считаются: образованная в 1972 г. *Британская библиотека* (ранее — Библиотека Британского музея, основанного в 1753 г.); *Немецкая государственная библиотека*, ведущая свою историю с 1661 г. и *Немецкая библиотека* (Дойтче Бюхерай), созданная в 1912 г. в Лейпциге; *Национальная библиотека Италии*, основанная в 1747 г. во Флоренции; *Национальная испанская библиотека* (1712г.); в качестве национальной библиотеки США выступает *Библиотека Конгресса*, учрежденная в 1800 г. в виде правительственной библиотеки.

В России в XVIII веке функции национального книгохранилища выполняла *Библиотека Академии наук* (основана в 1714 г.), которая с 1783 г. получает обязательный экземпляр всех отечественных изданий. С 1814 г. российской национальной библиотекой стала *Императорская Публичная*

библиотека в Санкт-Петербурге, имеющая наиболее полное собрание литературы о России (фонд «россика»). В Советском Союзе с 1925 г. национальной библиотекой была *Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина*, учрежденная на базе библиотеки Румянцевского музея (основан в 1861 г). В настоящее время в России имеются две библиотеки национального значения: *Российская национальная библиотека* (бывшая Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина) в Петербурге и *Российская государственная библиотека* (бывшая Библиотека имени В. И. Ленина) в Москве.

Национальные библиотеки возглавляют библиотечные сети своих стран. Они располагают многомиллионными фондами отечественной и иностранной литературы, являются центрами книгообмена, каталогизации, международного абонеента, осуществляют международное сотрудничество.

Национальная библиография также служит национальным символом. В наполеоновской Франции, в кайзеровской Германии и в царской России XIX века библиографический учет отечественной книжной продукции осуществлялся государственными ведомствами с целью цензурного контроля. Другой стороной, заинтересованной и оперативной и полной библиографической информации о выходящих в свет изданиях, оказались книготорговцы, которые организовывали свои библиографические издания. При этом символическая и культурно-историческая функции национальной библиографии, естественно, выпадали из виду. Учрежденные национальные библиотеки часто брали на себя обязанности библиографического центра национального значения, но эта забота не была для них главной и определяющей.

Успешное решение национально-библиографической проблемы было найдено в России, где с 1907 г. начался выпуск «Книжной летописи», учитывающей на основе обязательного экземпляра всю книгоиздательскую продукцию Российской империи. В советское время была организована *государственная библиографическая система* во главе с Всесоюзной книжной палатой. Помимо «Книжной летописи», издаваемой в виде еженедельных

бюллетеней (52 номера в год), с 1926 г. издается «Летопись журнальный статей», с 1931 г. — «Картографическая летопись» и «Нотная летопись», с 1934 г. — «Летопись изоизданий», с 1935 г. — «Летопись рецензий», с 1936 г. — «Летопись газетных статей». Один раз в несколько лет публикуется «Летопись периодических и продолжающихся изданий», которая сообщает о новых журналах, сборниках, газетах, бюллетенях, трудах и т. п. Кроме того, Книжная палата была ответственна за подготовку и выпуск кумулятивных указателей «Ежегодник книги в СССР», издавала печатные каталожные карточки для библиотек, вела государственную статистику печати, хранило Архив печати СССР. В систему государственной библиографии входили республиканские книжные палаты. Столь разветвленной, мощной, хорошо продуманной и четко организованной системы национальной библиографии нет ни в одной стране. Можно сказать, что задача общегосударственного *текущего* библиографического учета не только книг, но и журнально-газетных публикаций была успешно решена на зависть библиографам других стран.

Несмотря на усилия Книжной палаты и крупнейших библиотек страны, не удалось создать национальный репертуар книжной продукции, т.е. *ретроспективный* библиографический указатель продукции русского книгопечатания. Точнее, имеются лишь его фрагменты, например, «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725 —1800 гг.» и др. Это очень трудоемкая и архисложная задача остается не решенной и в других странах.

Образование национальных библиотек и органов национальной библиографии по сути дела является венцом библиотечно-библиографической системы в условиях книжной культуры, завершением ее структуры. Однако создание хорошо задуманной системы учреждений еще не означает полного преодоления коммуникационных барьеров, свойственных документной коммуникации (см. пункт 4.3.3). По-прежнему, хотя и в несколько смягченном виде, тревожит ученых информационный кризис «мы не знаем, что мы знаем», остается противоречие между

текущими потоками литературы и индивидуальными возможностями восприятия их отдельными читателями.

8. Лозунг Всемирной парижской выставки 1900 г. звучал так: «От общества производства — к обществу потребления». Экономика индустриальных стран в начале XX века была озабочена не «хлебом насущным», а предоставлением товаров и услуг, делающих жизнь людей комфортабельнее, разнообразнее, интереснее. Основными потребителями этих товаров и услуг стали *городская буржуазия* и *рабочие*, которые располагали определенными денежными средствами и досуговым временем. Культурные требования потребителей этого рода были не высоки, ибо не высок был уровень их образованности, интеллектуального и эстетического развития. Их привлекали незамысловатые развлечения и игры, компенсирующие монотонность труда и повседневной жизни за счет красивых иллюзий и мифов. Но зато это был *массовый* спрос, на который стало ориентироваться *массовое* производство, это была *массовая* аудитория, представляющая собой *массового* реципиента для средств *массовой* коммуникации.

Средства массовой коммуникации, стремясь удовлетворить платежеспособный спрос массовых аудиторий, пошли не по пути просвещения, одухотворения, облагораживания этих аудиторий, а по пути предоставления им вульгаризированных и примитивизированных культурных смыслов, которые получили название **массовой культуры**. Подчеркнем, что средства массовой коммуникации — пресса, кино, радиовещание, телевидение, — это не средства массовой культуры, это средства *подлинной* культуры, но они могут быть вульгаризированы и примитивизированы корыстными коммуникантами.

Внешние, поверхностные отличия массовой культуры от возвышенной и возвышающей Культуры с большой буквы видятся в легкой доступности, приобретаемости, а не выстраданности, тиражируемости, связи с техникой, но не это главное. Главный порок массовой культуры заключается в ориентированности на обывательские интересы, в утрате нравственного, эстетического, познавательного потенциала подлинных культурных ценностей.

Первым «посланником» массовой культуры стала газета. Не случайно на рубеже веков разовые тиражи отдельных газет достигали 60—100 тыс. экземпляров. Этот коммерческий успех вызвал неоднозначную реакцию у европейских интеллектуалов. Н. С. Гумилев делил людей на «читателей книг» и «читателей газет», отдавая безусловное предпочтение первым. М. И. Цветаева называла читателей газет «жевателями мастик» и «глотателями пустот», а газету — «экземой»; Герман Гессе окрестил эту эпоху «фельетонной» («Игра в бисер»).

Кино быстро завоевало популярность у массовой аудитории. В 1917 г. половина населения Англии каждую неделю посещала кинотеатры. Кинематограф с его общедоступностью и дешевой стоимостью билетов сделался эталоном «демократического, народного» театра, где исчезли перегородки между ложами, партером и галеркой. Кино уравнивало всех, поэтому оно ориентировалось не на немногочисленную элиту, а на массового зрителя, чуждого «высокому искусству».

Радиовещание и телевидение пришли в дом каждого человека XX века, заполнили своими программами его свободное время. В домах состоятельных буржуа произошла перепланировка жилищного пространства: если до середины 50-х годов центром этого пространства был камин, и интерьер комнаты организовывался соответствующим образом, то теперь центром стал телеприемник; другой вариант — телевизор вместо пианино. Телевидение усугубило атомизацию индустриального общества, подменило живую культурную микрокоммуникацию коммуникацией виртуальной. Раньше люди путешествовали, разговаривали, думали, чтобы познать мир и приобщиться к настоящей Культуре, а теперь телезритель довольствуется культурными суррогатами, предлагаемыми ему с телеэкрана в готовом и хорошо упакованном виде. Социологические исследования показали, что телесмотрение заменяет многим посещение кино и театра и вытесняет чтение художественной литературы.

9. Средства массовой коммуникации проявили себя как мощное орудие **управления** людьми: реклама, пропаганда, паблик рилейшенз,

информационные технологии стали предметом профессиональных занятий. Более того, эти средства стали оружием информационных войн.

Информационная война — использование тенденциозно подобранных сообщений для воздействия на массовую аудиторию в своей стране или в других странах. Если информационная война ведется в социальном пространстве в своей страны, она представляет собой коммуникационное управление в форме **ГуМ**; если она перенесена на территорию другой страны, ее можно квалифицировать как **МуМ**. Тенденциозность заключается не только в искажении (полуправде) или заведомой ложности распространяемых средствами массовой информации смыслов, но и в расчетливом выборе последовательности сообщений, их увязке с другими событиями. «Война смыслов» — это один, так сказать, «гуманитарный» плацдарм информационных войн, изначально им присущий. С появлением электронной коммуникации появился другой — «технический» плацдарм: возможность вносить помехи в радиосвязь, выводить из строя компьютерные сети, парализовать системы управления; здесь главными «воюющими сторонами» становятся логико-математические и программные средства.

10. XIX и XX века — время появления социальных прикладных дисциплин, предметом которых стали различные коммуникационные явления. В их числе: палеография, инкунабул сведение, книговедение, библиографоведение, библиотековедение, киноведение, теория массовой коммуникации, теория журналистики.

МУЛЬТИМЕДИЙНАЯ КОММУНИКАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

Мы живем в период бифуркации IV, когда господство машинной полиграфии постепенно уступает место мультимедийным телевизионно-компьютерным каналам. Однако о становлении мультимедийной ОКС говорить еще рано. Использование электромеханических (телеграф, телефон, фонограф, кинематограф) или радиоэлектронных (радио, телевидение, видеозапись) устройств не означает выхода за пределы книжной коммуникационной

культуры, ибо основные культурные смыслы фиксируются, передаются и хранятся в документной форме. Новые коммуникационные средства дополняют индустриальную книжность, но не заменяют ее. Когда же пробьет час мультимедийности? Есть два критерия, позволяющие ответить на этот вопрос:

- *Замена линейного текста нелинейным гипертекстом.* Книжность изначально связана с *линейной* последовательностью знаков; письменные тексты *одномерны*: они читаются буква за буквой, слово за словом, и никак иначе. Мышление же человека вовсе не линейно, напротив, психическое пространство *многомерно* (см. раздел 1.1), и в нем каждый смысл связан с другими смыслами не только в силу пространственно-временной смежности, а в силу разнообразных формальных и содержательных ассоциаций. Поэтому письмо лишь частично выражает мысль, подменяя ее гибкую многомерность жесткой одномерностью («мысль изреченная есть ложь», по словам Ф. И. Тютчева).

Гипертекст — это совокупность содержательно взаимосвязанных знаков, где от каждого знака в процессе чтения можно перейти не к одному единственному, непосредственно следующему за ним, а ко многим другим, так или иначе связанным с данным. Таким образом воспроизводится многомерность человеческого мышления, и значит, смысловая коммуникация получается более полной и точной, чем в случае линейного письма. Для моделирования многомерных связей между знаками требуется виртуальное пространство, которое создается современными компьютерными системами. Причем, в гипертекст в качестве смысловых элементов могут включаться не только отдельные слова, фразы или документы, но и изображения, музыкальное сопровождение, короче — все средства мультимедиа. В итоге человек из читателя превращается в пользователя мультимедийной ОКС, оперирующего письменной и устной речью, изображениями любых видов, кино- и видеороликами, таблицами и схемами, созданными компьютером по его требованию. Гипертекстовые языки применяются в системе Интернет (см. пункт 4.4.4), но широкое их распространение — дело будущего.

• Ведение *смыслового диалога «человек — компьютер»*. Имеются в виду не подсказки, напоминания или запреты, которые предусмотрены «дружественным» программным обеспечением, а именно **смысловая коммуникация** человека и компьютера. В связи с перспективами смысловой коммуникации такого рода приобретает актуальность вопрос «может ли машина мыслить?», ибо разумному человеку не пристало вести диалог с безмозглым болваном. Исследование интеллектуальных возможностей компьютеров, т. е. проблемы искусственного интеллекта, привело к следующим выводам.

Интеллект компьютера зависит от того, какими знаниями программисты могут его наполнить. Беда в том, что человек не может формализовать и объективировать все свои знания, — *люди знают больше, чем могут выразить*, поскольку у человека есть *сфера бессознательного*, которой у компьютера нет. Например, знание правил игры не делает человека шахматистом; квалифицированный шахматист знает гораздо больше, чем свод правил, но рассказать об этом не может.

Компьютер не способен овладеть метафорами, иронией, ему чужда «игра слов», значит *свободный, а не адаптированный диалог человека и компьютера невозможен*.

Компьютерам *чужды эмоции и желания*, они не обладают эмоционально-волевой сферой, они не могут *сочувствовать* человеку, поэтому искусственный интеллект всегда будет *чужд* интеллекту естественному с его заботами и радостями.

Поскольку в социальной коммуникации участвуют правые и левые полушария партнеров, а у компьютера есть лишь аналог левого полушария, компьютер никогда не сможет *понять в полной мере* сообщения людей. Люди могут понимать друг друга вообще без слов, что компьютеру недоступно.

Короче говоря, на вопрос «может ли компьютер мыслить?» был получен ответ: да, может!, но не по-человечески, а по-машинному, в пределах своего ограниченного искусственного интеллекта. Но и такое «машинное» мышление — немаловажное приобретение для общественных коммуникационных систем,

которое может служить качественным отличием мультимедийных ОКС от книжной культуры.

Совершенно очевидно, что коммуникационная деятельность человека, постоянно имеющего дело с мультимедийными гипертекстами и искусственным интеллектом, будет другой, чем коммуникационная деятельность интеллигента-книжника. Трудно предсказать априори эти различия, но можно сделать вывод, что господство мультимедийной коммуникационной культуры наступит тогда, когда появится поколение людей, воспитанных в лоне этой культуры.

Поколению людей мультимедийной культуры, по мнению большинства социальных философов, предстоит жить в *постиндустриальном информационном обществе*, которое соответствует стадии **постнеокультуры** (см. Введение). Интернет — «первая ласточка» информационного общества, но первая ласточка, как известно, не делает весны. Остановимся на **типологических признаках**, или **показателях**, отличающих информационное общество от аграрного или индустриального общества предыдущих исторических эпох.

1. **Технико-технологические** показатели: всеобщая компьютеризация, распространение и доступность персональных компьютеров и сверхмощных ЭВМ пятого и последующих поколений; удобный и простой человеко-машинный интерфейс, использующий несколько органов чувств человека; «дружественность» и антропоморфичность информационных технологий; мобильные и персональные средства связи; глобальная коммуникация с использованием спутников, лазеров, волоконно-оптических кабелей. Короче, информационное общество должно опираться на мощную *мультимедийную телевизионно-компьютерную коммуникационную систему*.

2. **Социально-экономические** показатели: превращение социальной информации, т. е. общественного знания, в ключевой экономический ресурс, решающий фактор интенсификации промышленного и сельскохозяйственного производства, ускорения научно-технического прогресса; информационные технологии, продукты и услуги становятся основным товаром рыночной

экономики; концентрация в информационном секторе экономики до 80% трудоспособного населения; модернизация старых и появление новых информационных профессий умственного труда; практика выполнения большей части трудовых функций в домашних условиях благодаря телекоммуникации; демассовизация народного образования, досуга и быта людей. Короче, *сплошная информатизация* общественного производства и повседневной жизни.

3. **Политические** показатели: демократизация социальных коммуникаций, гласность и открытость общественной жизни, гарантированная свобода слова, собраний. Короче, *либерально-демократический* политический строй.

4. **Интеллектуальные** показатели: активное использование постоянно растущего культурного наследия, расцвет науки, образования, искусства, религиозных конфессий и соответствующих миди- и макрокоммуникаций; развитие национального интеллекта и всемирного универсума знаний; прогрессирующее духовное развитие личности, переход от материально-потребительских ценностных ориентации к познавательным и этико-эстетическим ориентациям; развитие микрокоммуникации и творческих, культуросозидательных способностей индивидов; становление «хomo информатикус» или «хomo интеллигенс». Короче, *всестороннее развитие социального и личного интеллекта*.

Обобщая названные показатели, получаем следующую *дефиницию информационного общества*:

Информационное общество — интеллектуально развитое либерально-демократическое общество, достигшее сплошной информатизации общественного производства и повседневной жизни людей благодаря мощной телевизионно-компьютерной базе. В этой дефиниции учтены четыре типологических признака информационного общества, перечисленные выше. Очевидно, что формирование мультимедийной ОКС — необходимая предпосылка превращения утопии информационного общества в реальный факт.

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ

1. Определение и типология коммуникационных потребностей
2. Личностные коммуникационные потребности
3. Групповые коммуникационные потребности (информационный подход)
4. Общественные коммуникационные потребности

1. Определение и типология коммуникационных потребностей

Существует причинно-следственная связь между потребностью (П) и деятельностью (Д), выражаемая зависимостью $П \rightarrow Д$. Потребность есть источник и побуждающий фактор всякой человеческой деятельности. Нет потребности — нет деятельности; есть деятельность, значит, есть потребность. Деятельность нельзя глубоко и всесторонне понять без познания обусловившей ее потребности. Не зная потребностей, вызвавших те или иные действия, мы не можем судить об их целесообразности и эффективности. И наоборот, потребность нельзя понять из нее самой, для раскрытия ее сущности и особенностей нужно осмысливать ее в свете той деятельности, которую она обусловила.

Ясно, что многообразие коммуникационных действий не случайно, а причинно обусловлено, и причина скрывается в тех типах и видах потребностей, которые воздействуют на коммуникантов и реципиентов. Но зависимость $П \rightarrow Д$ вовсе не прямая. Мы не приблизились бы к пониманию сути коммуникационных действий, если бы сделали вывод, что микрокоммуникация побуждается микропотребностями, а макрокоммуникация — макропотребностями, что подражание обусловлено «подражательной способностью», а групповая память — групповой мнемической потребностью.

Дело в том, что «потребность» — это **абстракция**, а не реальная вещь или действие. Коммуникационные действия можно наблюдать, фиксировать, начинать и прекращать. Коммуникационную потребность нельзя воспринять органами чувств, нельзя увидеть или услышать. Тем не менее она существует реально в качестве причины реальных действий. Чтобы познать коммуникационные потребности, нужно, во-первых, уяснить, что есть «потребность вообще», во-вторых, определить, каким субъектам свойственны коммуникационные потребности, в-третьих, построить типизацию коммуникационных потребностей, оттолкнувшись от которой можно углубить знание о потребностях. Займемся решением этих задач.

Категория «потребность» может считаться *межнаучной* категорией, поскольку она распространена в биологических, общественных и гуманитарных науках. Особенно активно изучением потребностей занимаются: биология и физиология, психология, экономика, социология, научная информатика, библиотековедение, наконец, социальная философия. Беда в том, что толкования потребностей, даваемые в этих науках, носят печать «отраслевого

местничества» и рассчитаны на использование только в данной отрасли знания. Психологи, изучая направленность личности, опасаются впасть в «социологизм»; социологи открещиваются от «психологизма», а экономисты, обращаясь к личностным потребностям или интересам социальных групп, стремятся избежать и «психологизма», и «социологизма». Если же делаются попытки ответить на вопрос «что такое потребность вообще?», то потребность определяется как «состояние нужды», «необходимость в определенных условиях», «противоречие между имеющимся и необходимым», «дефицит в чем-либо существенном» и т. п. Эти формулировки невразумительны и страдают тавтологичностью, ибо понятия «нужда», «необходимость», «дефицит» содержательно близки к понятию потребность и поэтому не способны прояснить его сущность, кроме того, теряется из виду зависимость П → Д, что вуалирует значимость потребностей в жизнедеятельности субъектов. Поэтому мы вынуждены собственными силами выработать дефиницию «потребности вообще». Оттолкнемся от наиболее общих и очевидных посылок.

Потребности свойственны только живым организмам и социальным общностям, следовательно, потребность — **атрибут жизни**, отличительное свойство живого. Важно отметить, что это свойство является **функциональным**, т. е. выполняет определенные функции в жизнедеятельности живых систем.

Живые системы, являющиеся носителями потребностей, существенно различны, более того, они относятся к качественно отличным уровням организации материи — биологическому, психологическому и социальному. Имеются *три рода субъектов (носителей) потребностей*:

- биологические организмы — растения, низшие и высшие животные, осуществляющие обмен веществ с внешней средой бессознательно;
- человек — личность, обладающая индивидуальным психическим миром;
- социальные общности — социальные группы, коллективы, этносы, многонациональные общества, которые отличаются общественным сознанием (менталитетом), являющимся не суммой индивидуальных сознаний, а особым надличностным духовным образованием.

Каждому роду живых систем свойственны специфические механизмы формирования, переживания и удовлетворения потребностей. Достаточно вспомнить, что поведение человека регулируется эмоционально окрашенной и рационально обоснованной потребностно-мотивационной сферой, которая отсутствует у животных, а на социальном уровне приобретает иное содержание. Так, интересы личности нельзя отождествлять с общественными интересами — это совершенно разные психологические явления. Тем не менее функции потребностей одинаковы для всех живых систем, функций этих две: **сигнальная** (отражательная) и **побуждающая**.

В чем суть этих функций?

Живые существа и их сообщества представляют собой динамические саморегулирующиеся и саморазвивающиеся системы. Саморегулирование направлено на сохранение устойчивости при изменении внешней или внутренней среды. Источником саморазвития являются противоречия, свойственные внутренней организации. Сигнальная функция потребности заключается в выработке сигнала о возникновении *рассогласований*, как

внешних — между имеющимися условиями внешней среды и условиями, необходимыми для нормального существования данной системы, так и внутренних — нарушение внутренней стабильности жизненных процессов (недостаток питательных веществ, дестабилизации психического мира и т. п.). Основой сигнальной функции является свойство отражения, присущее живой материи, поэтому сигнальную функцию можно назвать отражательной.

Сигнал о наличии рассогласований может восприниматься бессознательно нервной системой или осмысливаться сознанием человека либо общественным сознанием. В любом случае он является не пассивным отражением сложившейся ситуации, а обладает активной побуждающей силой. Побуждающая функция потребности проявляется в активизации живой системы к определенным действиям для компенсации рассогласования. Сигнал о рассогласовании субъективно переживается в виде физиологических чувств (голод, жажда, холод и т.п.) и в виде психических состояний неудовлетворенности, беспокойства, раздражения. Когда рассогласование устраняется, потребность дезактивируется и ее побуждающее воздействие затухает, с тем чтобы возникнуть снова при новом цикле рассогласования.

Исходя из сказанного, получается следующая дефиниция: **потребность** — это функциональное свойство живых систем активно реагировать на рассогласование между наличными и нормальными внешними и внутренними условиями их жизнедеятельности. Или, другими словами, потребность — это особые способности, активизирующие другие способности живых систем при появлении рассогласований, нарушающих стабильность жизненных процессов. До тех пор, пока не возникли рассогласования, потребность себя не проявляет, она существует в потенции. Поэтому Г. Гегель говорил: «потребность есть связь со всеобщим механизмом и абстрактными силами природы»⁴².

Данная дефиниция чужда отраслевой (психологической, социологической и т. д.) ограниченности; она является межнаучной в полном смысле слова, и поэтому может служить основой для определения коммуникационной потребности. **Коммуникационная потребность** — функциональное свойство субъектов активно реагировать на рассогласование между наличным и нормальным состоянием их сознания. Под «состоянием сознания» понимается содержание сознания, которое образуют знания, умения, эмоции, стимулы, контролируемые сознанием (содержание бессознательной части менталитета исключается). Коммуникационная потребность побуждает субъект к коммуникационной деятельности, чтобы привести содержание сознания к желательному состоянию. Определение коммуникационной потребности отличается от дефиниции потребности вообще в следующих отношениях:

- Коммуникационная потребность свойственна не любым живым системам, а лишь обладающим сознанием субъектам, которые способны осуществлять коммуникационную деятельность. Как показано в разделе 2.2, такими субъектами являются: индивидуальная личность (**И**), социальная группа (**Г**) и массовая совокупность в виде общества в целом (**М**).

⁴² Гегель Г. Сочинения. Т. 2. М. — Л., 1934. — С. 482.

- Коммуникационная деятельность есть движение смыслов в социальном пространстве, и она способна удовлетворить коммуникационную потребность только в том случае, если последняя осознается субъектом как недостаток знаний, умений или других смыслов, т. е. как неполнота содержания сознания. Поэтому в определении коммуникационной потребности говорится о рассогласовании между наличным и нормальным состоянием сознания субъектов.

Теперь приступим к типологизации коммуникационных потребностей, и будем производить ее по двум основаниям:

- По *субъектам-носителям* коммуникационных потребностей, которые могут выполнять роли коммуникантов или реципиентов. Выявились три типа таких субъектов: И — индивидуальная личность, Г — целевая социальная группа⁴³, М — общество в целом.

- По *происхождению* потребности делятся на три типа: А — абсолютные, В — вторичные, С — спонтанные, которые обосновываются следующей *гипотезой*.

Индивидуальная личность, целевая социальная группа, общество в целом обладают *исходным* (обозримым и исчислимым) количеством естественных (базовых, первичных, врожденных, изначальных) потребностей, которые именуется *абсолютными* (А-потребности). Состав А-потребностей диктуется внешними условиями возникновения и существования субъекта, прежде всего — генетической программой или программой социогенеза. От самого объекта состав потребностей не зависит. Среди А-потребностей представлены коммуникационные потребности определение перечня которых входит в нашу задачу. Абсолютные потребности заложены в генетических программах, подобно способности людей к прямохождению. А-потребности целевых групп устанавливаются в ходе формирования этих групп причем коммуникационные А-потребности свойственны не всем целевым группам, а только тем, которые предназначены для выполнения коммуникационной деятельности. Общественные А-потребности закономерно формируются в процессе социогенеза, и среди них коммуникационные потребности представлены в обязательном порядке.

Во время удовлетворения А-потребности у субъекта возникает потребность в некоторых средствах (инструментах) для решения тех или иных практических задач. Такие потребности именуется *вторичными*, вспомогательными (В-потребности), образуя как бы «второе поколение» потребностей. Если обнаруживается потребность в знаниях, умениях, стимулах, короче — недостаток тех или иных смыслов, можно говорить о появлении коммуникационной В-потребности, для удовлетворения которой требуется коммуникационная или мнемическая деятельность. Целевые группы обладают ярко выраженными коммуникационными В-потребностями. Так, переживаемое

⁴³ В разделе 3.3 показано, что не все социальные группы обладают мнемическими потребностями, а только целевые социальные группы, объединяющие профессионалов, занятых решением определенных общественных задач. Для этих групп хорошо организованная коммуникационная деятельность имеет практическое значение, поэтому их коммуникационные потребности заслуживают особого анализа (см. далее раздел 8.3).

многими учеными ощущение информационного кризиса — симптом обострения коммуникационной В-потребности. Обратим внимание на следующую причинно-следственную связь: коммуникационная потребность, всегда инициирует коммуникационную деятельность; из некомуникационной деятельности может вытекать коммуникационная потребность, а из коммуникационной деятельности — некомуникационная В-потребность.

Но этого мало. На базе первичных (А) и вторичных (В) потребностей у личностей и социальных субъектов возникают, так сказать, «третичные» (стихийные, случайные) потребности (С-потребности), которые сильно влияют на их поведение⁴⁴. Главное отличие С-потребностей от потребностей А и В в том, что они не объективны, а субъективны. С-потребности формируются в процессе индивидуальной жизнедеятельности субъекта, это итог личного опыта индивида или этнической истории социума. Личностные интересы и привычки, социальные нормы и обычаи — примеры С-потребностей. Субъективная спонтанность С-потребностей обуславливает их разнообразие и невозможность априорного предвидения. Допустим, личностные коммуникационные С-потребности могут проявляться в меломанстве, туризме, библиофильстве.

Резюмируем. Абсолютные потребности представляют собой первоисточник целенаправленной деятельности. Деятельность в свою очередь порождает В-потребности, для удовлетворения которых требуется другая деятельность и т. д. По мере накопления опыта, личных пристрастий и отвращений развиваются С-потребности, стимулирующие новые виды деятельности. Получается причинно-следственная цепочка:

А-потребность → Деятельность 1 → В-потребность → Деятельность 2 → ... → С-потребность → Деятельность 3 и т. д.

Например: Познавательная потребность (А) → Обучение → Потребность в чтении (В) → Чтение → ... → Читательский интерес (С) → Библиофильская деятельность.

При графическом изображении В- и С-потребностей, обусловленных одной абсолютной потребностью, получается древовидный граф, подобный генеалогическому дереву царственной династии. Суть типологической процедуры в данном случае состоит в том, что различаются: А -основатели династий (корни генеалогического дерева); В — несколько поколений, инициированных А — ветви дерева; С — неожиданные побеги, образно говоря, — «дети свободной любви».

Гипотеза абсолютных, вторичных, спонтанных потребностей распространяется лишь на человеческие, т. е. личностные и социальные потребности, не охватывая потребностей биологических, которые все имеют абсолютный характер.

⁴⁴ Спонтанный (лат. «самопроизвольный») — вызванный не внешним влиянием, а внутренними причинами и побуждениями, основанный на самодвижении. В современной психологии большое внимание уделяют мотивационным механизмам так называемых самопроизвольных, самоподкрепляющихся действий, которые не имеют прямого биологического объяснения и совершаются как бы «ради самих себя». Такого рода действия встречаются в процессе творчества и в познавательной деятельности. Причиной их можно считать спонтанные потребности.

В табл. 8.1 представлено общее сопоставление потребностей разного происхождения. Типизация потребностей, учитывающая два типологических подхода (по субъектам-носителям и по происхождению), воспроизведена в табл. 8.2. Далее следует более подробное рассмотрение индивидуально-личностных, групповых и общественных коммуникационных потребностей.

Поскольку в составе каждого из девяти типов потребностей, представленных в табл. 8.2, имеются коммуникационные потребности, можно считать эту типизацию типизацией коммуникационных потребностей.

2. Личностные коммуникационные потребности

Личностные потребности отличаются тем, что их носитель — индивид является природным существом, но сущность его не биологична, а социальна. В связи с этим **абсолютные индивидуальные потребности (АИ)** делятся на *биогенные* (витальные, органические), принадлежащие биологическому виду хомо сапиенс, и *социогенные* (общественные, социально-культурные), свойственные членам общества. Биогенные **АИ** весьма многочисленны; перечислим важнейшие из них:

АИ1. Материальные физиологические: потребности в пище, тепле, движении, отдыхе, половая и т. п.; потребность в нормальном физическом развитии в соответствии с генетической программой.

АИ2. Физиологические предпосылки духовной деятельности:

АИ2.1. Интеллектуальная потребность — потребность в упражнении умственных способностей.

АИ2.2. Эмоциональная потребность — потребность в поддержании положительного баланса эмоциональной сферы, т. е. преобладании положительных эмоций над отрицательными.

АИ2.3. Потребность в свободе, вольном проявлении жизненных сил индивида.

АИ2.4. Волевая потребность — потребность преодолевать препятствия и страх.

Таблица 8.1

Общее сопоставление потребностей
разного происхождения

Типологические признаки	А. Абсолютные Потребности	В. Вторичные потребности	С. Спонтанные потребности
Типы рассогласований	Рассогласование между наличными и необходимыми условиями стабильности (гомеостаза) субъекта-носителя	Рассогласование наличных и требуемых инструментов целенаправленной деятельности; неполнота структуры деятельности	Субъективно переживаемое рассогласование между наличным и желаемым состоянием дел
Осмысленность	Необязательна	Обязательна	Необязательна

субъектом-носителем			
Эмоциональная окраска	Всегда имеется	Нейтральная	Ярко выраженная
Происхождение	Естественны. Диктуются внешней средой (генетической программой или программой социогенеза)	Зависят от исторически обусловленной структуры деятельности	Возникают и изменяются непредсказуемым образом
Условия возникновения и удовлетворения	Действуют постоянно в колебательном режиме; дезактивируются при насыщении	Возникают эпизодически и исчезают при выполнении деятельности нормального состояния	Возникают спонтанно, и не дезактивируются, а напротив, усиливаются в результате удовлетворения
Следствия не-удовлетворения	Нарушение целостности или даже гибель субъекта; компенсация одних потребностей за счет удовлетворения других недопустима	Неудовлетворение ведет к компенсации недостающих инструментов другими, либо к изменению вида деятельности	Неудовлетворение переживается болезненно, но не представляет угрозы для существования субъекта; невозможна замена одних предметов потребности другими
Количество	Конечно, исчислимо	Не менее числа видов деятельности	Бесконечно

Таблица 8.2

Типизация коммуникационных потребностей

Субъекты	Индивидуальная личность (И)	Целевая социальная группа (Г)	Общество в целом (М)
Происхождение			
А-потребности	АИ. Абсолютные, индивидуальные	АГ. Абсолютные групповые	АМ. Абсолютные общественные
В-потребности	ВИ. Вторичные индивидуальные	ВГ. Вторичные групповые	ВМ. Вторичные общественные
С-потребности	СИ. Спонтанные	СГ. Спонтанные групповые	СМ. Спонтанные

	индивидуальны е		общественные
--	--------------------	--	--------------

АИ2.5. Потребность в игре.

АИ2.6. Мнемическая потребность — потребность в памяти.

АИ2.7. Контактная потребность — потребность в общении с другими людьми, «потребность в другом человеке»; сюда же относится «лингвистическая потребность» — потребность говорить и понимать услышанную речь.

АИ3. Другие биогенные абсолютные личностные потребности.

Среди биогенных потребностей обнаруживаются такие, которые можно считать предпосылками социогенных коммуникационных потребностей: это прежде всего мнемическая потребность (**АИ2.6**) и контактная потребность (**АИ2.7**), а также потребность в игре (**АИ2.5**), интеллектуальная (**АИ2.1**) и эмоциональная (**АИ2.2**) потребности, порождающие смыслы, образующие содержание социальной коммуникации. Если бы человек не владел этими смыслами, коммуникация была бы невозможна, так как ему нечего было бы сказать.

Социогенные **АИ**-потребности — результат общественного образа жизни homo sapiens и культурной трансформации биогенных потребностей. Они столь же естественны для homo sapiens, как и биогенные потребности. Их делят на материальные и духовные.

АИ4. Материальные социогенные потребности:

АИ4.1. Потребность в целесообразном преобразовании окружающей среды; потребность в творческом физическом труде и изготовлении орудий.

АИ4.2. Потребность в организации социальной жизни — социально-политическая потребность, включающая потребность в обеспечении личной безопасности и безопасности рода (семьи).

АИ4.3. Другие социогенные материальные потребности личности.

АИ5. Духовные социогенные потребности:

АИ5.1. Потребность в самореализации (самоутверждении, самоактуализации), совпадающая с потребностью в индивидуализации.

АИ5.2. Потребность в социализации, совпадающая с потребностью в принадлежности и устранении одиночества, зарубежными учеными именуемая потребностью в аффилиации.

АИ5.3. Познавательная потребность.

АИ5.4. Этическая потребность.

АИ5.5. Эстетическая потребность.

АИ5.6. Коммуникационная потребность.

В психологическом пространстве личности различные потребности взаимодействуют, сдерживая или, напротив, стимулируя друг друга. Известно, что дети, вырванные из человеческой среды и лишённые контактов с людьми (подавление контактной потребности **АИ2.7**), необратимо утрачивают социогенные материальные и духовные потребности, если они до возраста 7 лет не возвращаются в человеческое общество. Другой пример. Потребность в

свободе **АИ2.3** согласуется с потребностью в самореализации **АИ5.1**, но она может войти в конфликт с потребностью в социализации **АИ5.2**, который редко разрешается в пользу свободы. Дело в том, что вольное проявление жизненных сил индивида всегда связано с риском, борьбой, неопределенностью, которых хорошо социализированные и, стало быть, конформированные личности стремятся избежать.

В состав духовных социогенных потребностей входит коммуникационная потребностей (**АИ5.6**), которая развивается на базе биогенных контактной и мнемической потребностей (**АИ2.6** и **АИ2.7**). Эта потребность побуждает человека к использованию не только естественных (вербальный и невербальный), но и искусственных (документных) коммуникационных каналов. Так как коммуникации ради коммуникации не бывает, **АИ5.6** удовлетворяется не сама по себе, а *во взаимосвязи* с другими социогенными потребностями, как материальными, так и духовными. Однако взаимосвязи получаются разные. При взаимодействии с потребностями в творческом физическом труде и организации социальной жизни (**АИ4.1** и **АИ4.2**) коммуникационная потребность реализуется в виде духовного *сопровождения* материальной интеракции в процессе общения (см. раздел 2.4), т. е. в виде В-потребности, а при взаимодействии с духовными социогенными потребностями **АИ5.6** образует с ними *единство*. Покажем это.

Психологи и философы утверждают, что всем людям, но в разной степени присущ *бессознательный импульс* к **самореализации** (самоутверждению) («человеческая воля к жизни» А. Шопенгауэра, «воля к власти» Ф. Ницше, «стремление к превосходству» А. Адлера, «притязание» К. Левина) и врожденные духовные способности для реализации этого импульса (потребность **АИ5.1**). Когда советуют человеку «найти себя», «стать самим собой», идет речь о нахождении такой области, где данный индивид мог бы воплотить свой импульс самореализации наиболее полным образом. Различаются внешняя и внутренняя самореализация. Внешняя реализация личностных способностей состоит в приобретении материальных (имущество, хороший дом, финансовый капитал и т. д.) или социальных (почетные звания, ордена, известность, слава) ценностей. Внутренняя реализация — самосовершенствование, развитие личных способностей и задатков, дающие чувство удовлетворения. И внешняя, и внутренняя самореализации невозможны без коммуникационной деятельности в форме управления и диалога. Отсюда — единство **АИ5.1** и **АИ5.6**.

Социализация представляет собой не что иное как освоение индивидом социально признанных смыслов, т. е. коммуникационную деятельность в чистом виде; значит **АИ5.2** и **АИ5.6** совпадают. Разница в том, что в процессе самореализации индивид выступает в роли коммуниканта, а в процессе социализации — в роли реципиента.

Познавательная потребность (**АИ5.3**) основана на биогенной интеллектуальной потребности (**АИ2.1**) и удовлетворяется она может двояко: либо путем познавательного понимания (познание сути явлений), либо путем коммуникационного понимания (познание содержания сообщений) — см. раздел 1.3. В первом случае при благополучном исходе — получении нового знания — познание завершается созданием коммуникационного текста,

сообщающего о полученных результатах; здесь познающий субъект превращается в коммуниканта, и значит, **АИ5.3** становится **АИ5.6**. Во втором случае познание тождественно с восприятием сообщения, и единство **АИ5.3** и **АИ5.6** очевидно.

Этическая потребность (АИ5.4) заключается в целесообразном управлении свободной самодеятельностью индивида в интересах социума, а значит, и в его собственных интересах. Этическая потребность связана с биогенной потребностью в свободе (**АИ2.3**), являясь ее социальным противовесом. В той мере, в какой этическое воспитание людей осуществляется путем коммуникационного управления, а не физического воздействия, потребности **АИ5.4** и **АИ5.6** сливаются друг с другом.

Эстетическая потребность (АИ5.5) как потребность в прекрасном, в гармонии и упорядоченности мира, очевидно, связана с биогенной эмоциональной потребностью **АИ2.2** и удовлетворяется в единстве с коммуникационной потребностью **АИ5.6**. Если взыскующий прекрасное субъект обращается к художественному творчеству, он становится коммуникантом в том или ином коммуникационном канале искусства, если он довольствуется чистым созерцанием, «бескорыстным наслаждением гармонией» (И. Кант), то он оказывается в роли реципиента (зрителя, слушателя, читателя).

К числу абсолютных, врожденных духовных потребностей богословами и многими учеными относится **религиозная потребность**, имеющая, кстати сказать, сильно выраженный коммуникационный аспект. Наличие такой потребности у верующих людей несомненно, но предметом спора является ее происхождение: является ли она первичной, свойственной каждому человеку, или вторичной, а может быть, — спонтанной, проявляющейся лишь у некоторых индивидов? Этот вопрос мы отнесли к terra incognita данной главы.

О жизненной важности коммуникационной деятельности для нормального существования homo sapiens свидетельствуют издавна практикуемые меры наказания путем лишения контактов с другими людьми. В средние века одним из самых страшных кар было **отлучение** — excommunicatio — от церкви⁴⁵. Отлученный еретик ставился вне религии и вне земных законов, он как бы переставал существовать в социальной реальности. В некультуре аналогичной мерой наказания служит одиночное тюремное заключение.

Биогенные и социогенные потребности, образовавшие тип **АИ**, есть потребности *общечеловеческие*, вытекающие из биопсихологической природы человека. Но «человека вообще» не бывает. Человеческая жизнь детерминирована общественной жизнью, профессиональным трудом, досуговыми занятиями. Они и образуют содержание вторичных и спонтанных потребностей личности, конкретизирующих абсолютные личностные потребности в данных общественно-исторических условиях. Человек рождается с набором абсолютных потребностей в виде неразвитых форм и потенциальных структур. В процессе жизнедеятельности эти форма и структуры заполняются

⁴⁵ Примечательно значение слов: religio — «связь», communicatio — «общность», «святое причастие», excommunicatio — «исключение из связей, расторжение всех социальных коммуникаций».

В- и С-потребностями, и в результате образуется уникальная потребностно-мотивационная сфера индивидуальной личности.

Вторичные индивидуальные потребности (ВИ) обусловлены профессионально-производственной и досуговой деятельностью людей. Коммуникационные *профессиональные* потребности отдельного исполнителя в системе общественного производства *безличны*. От смены исполнителей потребности не меняются. Поэтому профессиональные коммуникационные потребности специалистов представляются в виде объективных информационных потребностей (ОИП), которые можно планировать априори, исходя из производственных заданий. Получается, что индивидуальные коммуникационные потребности *растворяются* в коллективных потребностях целевых социальных групп (см. следующий параграф).

Непрофессиональные коммуникационные потребности — это потребности в знаниях, умениях, стимулах, эмоциях, вытекающих из интересов, увлечений, хобби, которым люди отдаются на досуге. Но эти интересы и увлечения не что иное, как спонтанные потребности личности. Получается, что **непрофессиональные ВИ = СИ**.

Спонтанные коммуникационные потребности изучаются *социологией культуры*, где они именуются «культурными потребностями». «Глубинной сущностью» культурной потребности объявляется «потребность в другом человеке, потребность в универсальном, не ограниченном пространством и временем общении людей». Далее выясняется, что «содержательная структура культурных потребностей включает познавательные, нравственные, эстетические и др.» аспекты⁴⁶. Таким образом тождество коммуникационных и культурных потребностей очевидно. Именно эти потребности влекут людей в театры, библиотеки, клубы, на стадионы, в музеи и в туристические путешествия.

Накоплен большой эмпирический материал, характеризующий зависимость индивидуальных культурных потребностей от образования, места жительства (город — село), возраста и других социально-демографических характеристик. Известны попытки группировки спонтанных потребностей, но они малоуспешны, ибо **СИ**-потребности субъективны и личностно-уникальны, подобно художественным вкусам и читательским интересам. Тем не менее обнаруживаются следующие спонтанные коммуникационные потребности, которые правомерно назвать «культурными»:

СИ1. Потребность в освоении культурного наследия, в том числе — потребность в непрерывном образовании;

СИ2. Потребность в самостоятельном духовном творчестве, реализуемая в художественной самодеятельности, техническом конструировании, литературном сочинительстве и т. д.;

СИ3. Потребность в самопознании и саморазвитии, вплоть до реинкарнации, телепатии, ясновидения, экстрасенсорной диагностики и лечения.

История показывает, что прогресс человеческой культуры обеспечивается самопроизвольно возникающими и развивающимися спонтанно личностными

⁴⁶ Культурная деятельность: опыт социологического исследования. — М., 1981. — С. 56.

потребностями; отсюда его замысловатость, противоречивость, непредсказуемость.

3. Групповые коммуникационные потребности (информационный подход)

Существует три целевых социальных группы, особенно заинтересованных в коммуникационном обслуживании, т. е. полном, точном и своевременном поступлении смыслов, касающихся содержания решаемых ими задач:

- *руководители* (менеджеры) всех уровней, осуществляющие руководство отдельными коллективами или обществом в целом;
- *ученые*, ведущие постоянный диалог с коллегами посредством специальной коммуникации;
- *инженеры*, разрабатывающие новую технику.

В 50-е годы XX века во всех промышленно развитых странах стали создаваться службы (системы) *научно-технической информации*, которые взяли на себя заботу о коммуникационном обслуживании перечисленных категорий специалистов. В силу информационного подхода, распространившегося в то время, коммуникационные потребности были переименованы в *информационные потребности*, реципиенты — в *потребителей информации*, коммуникационные сообщения — в *информацию*, коммуникационная деятельность — в *информационную деятельность*. Оденем «информационные очки» и будем придерживаться в данном параграфе информационной терминологии, чтобы сохранить традиции научной информатики.

В 60-е годы информационным работникам стало ясно, что без изучения спроса на информацию (о потребностях пока речи не было!) нельзя рационально и эффективно организовать информационную деятельность. Обычным методом «изучения спроса» стало анкетирование, дополненное интервью и анализом библиотечной статистики. Были собраны и обнародованы немаловажные факты, характеризующие информационное поведение различных групп специалистов. Так, выяснилось, что большинство инженеров (до 90%) считают журналы более ценным источником информации, чем книги. Вместе с тем анализ книговыдачи научно-технических библиотек показал, что книги затребовались инженерами в 1,3 раза чаще, чем журналы. Оказалось, что руководители больше всего ценят оперативность доставки и удобство восприятия информации, доверяя информационным службам отбор и переработку текущих сообщений. Ученых не очень привлекает оперативность, они готовы мириться с любыми формами представления информации, но зато им нужна гарантированная полнота информирования и минимальная степень смысловой корректировки сообщений информационными работниками. Инженеры-прагматики востребуют не «чтение на сон грядущий», а конкретный опыт, который можно внедрить в производство, — скорее, дешевле и без дополнительных умственных усилий. Обнаружилось, что спрос на информацию зависит от стадии рабочего процесса: он максимален в начале работы, когда исполнители «входят в проблему», знакомятся с состоянием дел, уясняют известное и неизвестное, и на заключительном этапе, когда подводятся итоги,

составляется отчет и важно соотнести полученные результаты с результатами коллег; в течение основного этапа (собственно исследование, разработка, конструирование) нужна лишь эпизодическая справочная информация небольшого объема.

Осмысление накопленного эмпирического материала потребовало введения понятия *информационная потребность*, которое несколько изысканно определялось как «свойство отдельного лица, коллектива или какой-либо системы, отображающее необходимость получения информации, соответствующей характеру выполняемых действий или работы»⁴⁷. Нетрудно видеть, что это определение сводится к тавтологии: информационная потребность — это необходимость (то есть потребность) в информации. Впрочем, в то время эта тавтология никем не замечалась. Зато большим теоретическим достижением можно считать представление о потребностной структуре, позволившее вскрыть разные предметы информационных потребностей и соответственно — разновидности потребностей в информации. Типичная структура информационных потребностей специалиста (руководителя, ученого, инженера, агронома, военачальника и т. д.) виделась следующим образом.

1. *Потребность в текущей и ретроспективной информации.* Специалисту, чтобы сохраниться на уровне последних достижений в своей и смежных отраслях знаний, требуется оперативное текущее информирование. Потребность в текущей информации обуславливается профессией специалиста и выполняемыми им производственными функциями, поэтому она относительно стабильна. Отсюда и название запросов, выражающих эту потребность, — *постояннодействующие*.

Потребность в ретроспективной информации возникает, если нужно выработать обоснованное суждение по данному вопросу. В этом случае нередко требуется обращение к источникам, накопленным в предыдущие годы. Запросы, выражающие потребность в ретроспективной информации, возникают эпизодически и называют их *разовыми*.

2. *Потребность в узкотематической и широкотематической информации.* Специализация научно-технической деятельности и дифференциация знаний приводят к постоянному сужению тематических рамок профессиональной информационной потребности. Однако слишком узкая специализация влечет за собой ограниченность научного кругозора, потерю ориентации в научно-техническом прогрессе и в конечном счете — снижение творческого потенциала специалиста. По этой причине специалистам необходима как узкотематическая информация, непосредственно относящаяся к той конкретной производственной задаче, решением которой они заняты, так и широкотематическая, создающая представление об аспекте исследования или разработки в целом. Потребность в узкотематической информации выражается в запросах *производственного* характера, потребность в широкотематической информации — в запросах *ознакомительного* характера.

В сообщениях, предназначенных для удовлетворения ознакомительных запросов, должен содержаться ответ на вопросы типа «что делается», «что

⁴⁷ Терминологический словарь по информатике / Международный центр научной и технической информации. — М., 1975. — С. 159.

достигнуто в данной области»; в сообщениях, предназначенных для удовлетворения производственных запросов, — «как делать». Разумеется, понятия «узкая» и «широкая» тематика относительны: одна и та же информация может удовлетворять и ту, и другую потребность. Так, например, для инженера, занятого конструированием определенного узла машины, информация об областях применения этой машины, спросе на нее и т. п. является широкотематической, а для руководителя данной разработки — узкотематической. Тем не менее в документных потоках есть виды документов, предназначенных преимущественно для удовлетворения либо ознакомительных, либо производственных запросов. К примеру, научно-популярная литература, обзоры, энциклопедии ориентированы на запросы ознакомительного плана; патентные описания, стандарты, техническая документация, научно-технические отчеты предназначены чаще всего для удовлетворения производственных запросов.

3. Потребность в *отраслевой* (специализированной) и *межотраслевой* (неспециализированной, смежной) *информации*. Усиливающаяся интеграция знаний приводит к тому, что большинство наиболее актуальных проблем решается путем использования не только профильной информации, не выходящей за рамки данной отрасли знания, но и значительного объема смежной, межотраслевой информации из других отраслей знания, иногда, казалось бы, очень отдаленных. Потребность в отраслевой информации выражается в запросах *профильного* характера, в межотраслевой (смежной) — *непрофильного* характера.

4. *Потребность в фактографической и концептографической информации*. В первом случае — это потребность в фактических сведениях об изделиях, их функциях или устройстве, о материалах и их свойствах, о процессах, событиях, открытиях и т. д. Такие сведения извлекаются потребителем из справочников, баз данных, консультаций со специалистами. Концептографическая информация — это оценка фактических сведений с точки зрения их истинности и достоверности, технико-экономической целесообразности и перспективности. Особенно нуждаются в подобных концепциях руководители при принятии управленческих решений. Потребность в фактографической информации выражается в *фактографических* запросах, а в концептографической — в *концептографических* запросах.

В табл. 8.3 представлена формальная (поскольку мы абстрагировались от содержания) структура профессиональных информационных потребностей, свойственная специалистам науки и техники. Она включает 16 составляющих. Как интерпретируются эти составляющие? **Ia** — это потребность постоянно быть в курсе фактических достижений своей отрасли знания на уровне «что делается»; **IIa** — потребность поддерживать свою профессиональную квалификацию в части практических знаний и умений «как делать»; **IVб** — потребность быть готовым к принятию решений на основе концептографической информации, поступившей из других отраслей знания, и т. д. Для удовлетворения потребности **Ia** нужны сведения об изделиях, аналогичных тем, разработкой которых занят специалист; потребность **IIa** требует изучения передового производственного опыта коллег; потребность **IVб** обуславливает спрос на информацию о принципах действия и областях

применения устройств, разработанных в других отраслях промышленности, но сходных по функциям с контролируемым изделием.

Практическая ценность раскрытия структуры профессиональной потребности специалистов, как можно понять из приведенных примеров, состоит в возможности *прогнозировать*, какая именно информация потребуется специалисту, решающему данную задачу. Были разработаны модели *объективных информационных потребностей* различных категорий потребителей информации (инженеров-конструкторов, инженеров-разработчиков, руководящих работников, молодых специалистов и др.). Грубо говоря, суть этих моделей сводится к нахождению разности (дефицита) между объемом знаний, требующихся специалисту для соответствия своему месту в общественном производстве, и его профессиональной подготовкой. Имеется в виду формула:

$$\text{ОИП} = \text{СТЗ} - \text{СНЗ},$$

где: **ОИП** — объективная информационная потребность, **СТЗ** — сумма требующихся знаний, **СНЗ** — сумма наличных знаний.

Если **ОИП** больше нуля, то возникает потребность в информационном обслуживании; если **ОИП** равно или меньше нуля, то информационные услуги не нужны. **СНЗ** определялась путем оценки компетентности коллектива, работников (образование, опыт работы, квалификация) и опроса отдельных специалистов.

Таблица 8.3

Формальная структура профессиональных информационных потребностей

Характеристика информации и запросов	широкотематические (ознакомительные запросы)		узкотематические (производственные запросы)	
	Фактографическая	концептографическая	фактографическая	концептографическая
Текущие (постоянно-действующие запросы)	Ia	IIa	IIIa	IVa
а) отраслевые (профильные запросы)	Iб	IIб	IIIб	IVб
б) межотраслевые (непрофильные запросы)				
Ретроспективные (разовые запросы)	Va	VIa	VIIa	VIIIa
а) отраслевые (профильные запросы)	Vб	VIб	VIIб	VIIIб
б) межотраслевые				

(непрофильные запросы)				
------------------------	--	--	--	--

СТЗ выявлялась путем оценки анализа плановых заданий и творческих функций, выполняемых тем или иным исполнителем. Диагностирование **ОИП** оказалось возможным и практически полезным в условиях местных органов информации, хорошо знающих наличный состав потребителей информации. Важно обратить внимание на то, что объективизация информационных потребностей абстрагируется от личностных особенностей специалистов, ориентируясь на безличных функционеров, имеющих тот или иной уровень **СТЗ** и не обладающих другими творческими ресурсами.

Теперь попытаемся осмыслить достижения научной информатики с позиции метатеории социальных коммуникаций. Если обратиться к типизации коммуникационных потребностей (табл. 8.2), где представлены три типа группированных потребностей — **АГ**, **ВГ**, **СГ**, возникает вопрос: какому типу соответствуют **ОИП** и структурные составляющие профессиональных информационных потребностей, приведенные в табл. 8.3? Эти потребности не являются ни изначально установленными (абсолютными) для целевых социальных групп, ни предопределенными их субъектным составом. Значит, они не относятся ни к **АГ**, ни к **СГ**-потребностям. Объективная предзаданность их содержания производственной деятельностью специалистов показывает, что они представляют собой *вторичные* коммуникационные потребности.

Действительно, для органов научно-технической информации, видевших свое назначение в информационном обеспечении производственной деятельности специалистов, углубление в коммуникационную типизацию выглядит излишним теоретизированием. Но для научной информатики такое теоретизирование не только не излишне, но просто необходимо, в противном случае теория информационных потребностей сводится к обобщению эмпирического опыта, и не более того. Здесь опора на метатеоретические выводы оказывается полезной для углубления содержания частной теории.

Абсолютные групповые коммуникационные потребности (**АГ**-потребности) выводятся из очевидного факта, что целевые группы создаются для решения определенных общественных задач. Если бы искомое решение удалось получить не за счет трудоемких творческих усилий, а путем заимствования готового решения из потоков социальной коммуникации, была бы легко и просто достигнута цель, ради которой создавалась группа. Стало быть, первая абсолютная коммуникационная потребность целевой группы — **АГ1** — это *потребность в «готовом решении»*. Есть еще **АГ2** — *мнемическая потребность*, состоящая в том, что коллектив специалистов, образовавших целевую группу, должен обладать определенной профессиональной квалификацией, т. е. знаниями и умениями, достаточными для того, чтобы своими силами выполнять производственные функции, не дожидаясь «готовых решений», которых может не быть вовсе. Обратим внимание, что абсолютные коммуникационные потребности целевых групп хорошо коррелируют с

дефиницией социальной коммуникации как движения смыслов в социальном пространстве и времени. Итак:

АГ1 — обнаружение «готового решения» в социальной памяти;

АГ2 — формирование групповой памяти, достаточной для выработки «готового решения»;

Поскольку «готовое решение», как правило, не удастся получить немедленно, начинается производственная деятельность, инициирующая коммуникационные **ВГ**-потребности, хорошо известные информационным службам. Очевидна связь между абсолютными и вторичными потребностями: потребность в ретроспективной информации — это потребность в *поиске «готового решения» (ВГ1)*; потребность в текущей информации, как отраслевой, так и межотраслевой — это потребность в *пополнении групповой памяти*, т. е. поддержании компетенции специалистов на современном уровне (**ВГ2**). Остальные информационные потребности, представленные в табл. 8.3, — это детализации различных аспектов **ВГ1** и **ВГ2**, а не самостоятельные, независимые от них потребности.

Феномен групповых спонтанных коммуникационных потребностей (**СГ**) был обнаружен представителями так называемого психологического направления в теории информационных потребностей. Основоположник этого направления С.Д. Коготков выступил с критикой обезличенных моделей объективных информационных потребностей, указывая на роль «информационных интересов» и «информационных установок», т. е. субъективных начал «информационно-потребительской деятельности». Термин «информационно-потребительская деятельность», а не просто «информационная деятельность» введен для того, чтобы акцентировать субъекта: не информационный работник, а потребитель информации. К сожалению, психологическое направление пока не получило заметного развития, и феномен **СГ**-потребностей остается terra incognita.

Не реализована также идея «**советующей парадигмы**» информационного сервиса, которая, по сути дела, направлена на переход от удовлетворения **ВГ**-потребностей, характерного для современной «**обслуживающей парадигмы**», к ориентации не абсолютные коммуникационные потребности целевых социальных групп. «Советующая парадигма» ставит перед информационными службами задачу не просто найти в информационно-библиотечных фондах «готовое решение», а оценить возможность его получения при современном уровне общественного знания и указать специалистам путь (что и как нужно делать) для получения желаемого результата. Методология «советующей парадигмы» разработана Э.С. Бернштейном в 70-е—80-е гг.

4. Общественные коммуникационные потребности

Общество представляет собой самовоспроизводящуюся устойчивую массовую совокупность, сложившуюся естественноисторическим путем. Общество — не искусственно созданный механизм и не результат соглашения (общественного договора) между людьми, а совокупный субъект — живая система, являющаяся носителем специфических общественных потребностей. Эти потребности, как показано в табл. 8.2, делятся на три типа: абсолютные (**АМ**), вторичные (**ВМ**), спонтанные (**СМ**).

Абсолютные общественные потребности (АМ) во многом подобны, скажем, *изоморфны* личностным абсолютным потребностям. Правда, биогенные потребности обществу не свойственны; все общественные потребности социогенны, но являются *естественными* для человеческого общества, так же как социогенные личностные потребности естественно свойственны хомо сапиенс. АМ-потребности делятся на материальные и духовные.

АМ1. Материальные общественные потребности:

АМ1.1. Экономическая потребность — потребность в общественно организованном материальном производстве, т. е. создании и распределении материальных продуктов и услуг.

АМ1.2. Потребность биологического воспроизводства населения.

АМ1.3. Потребность в защите от стихийных бедствий и агрессии врагов.

АМ1.4. Общественно-политическая потребность — потребность в организации общественного бытия, поддержании порядка, сохранении стабильности общества.

АМ2. Духовные общественные потребности:

АМ2.1. Потребность в самоутверждении и самосознании общества; она психологически базируется на МЫ — чувстве, которое может служить источником патриотизма и национализма; эта потребность аналогична индивидуальной потребности в самореализации (**АИ5.1**).

АМ2.2. Потребность в социализации подрастающего поколения, включении его в общественную жизнь; очевидно что эта потребность корреспондирует с потребностью в социализации личности (**АИ5.2**).

АМ2.3. Познавательная потребность, состоящая в производстве, накоплении, хранении и использовании общественного знания и опыта.

АМ2.4. Этическая потребность — потребность в справедливом, т.е. отвечающем общественно принятым нормам справедливости, общественно-политическом устройстве.

АМ2.5. Эстетическая потребность — потребность в гармонизации быта и общественной жизни в соответствии с национальными эстетическими вкусами и обычаями.

АМ2.6. Коммуникационная потребность, выражающаяся, во-первых, в лингво-семиотической потребности, т. е. потребности в национальном языке и вспомогательных знаковых системах; во-вторых, в социально-мнемической потребности — потребности в социальной памяти. Как перечисленные общественные потребности соотносятся с социально-коммуникационной деятельностью? Это соотношение принимает вид причинно-следственной связи в случае коммуникационной потребности **АМ2.6**, которая инициирует макрокоммуникацию в виде устного общения и неовещественной социальной памяти. Продуктами устной макрокоммуникации являются фольклор, нравственные нормы, народные обычаи, которые представляют собой нормативные социальные институты. Здесь налицо непосредственная причинно-следственная связь П → Д. Для удовлетворения общественных потребностей в цивилизованном обществе, использующем документные каналы, создаются учрежденческие социальные институты, обслуживающие абсолютные социальные потребности. Так, экономический социальный

институт удовлетворяет **АМ1.1**; институт семьи — **АМ1.2**; институт государства — **АМ1.3** и **АМ1.4**; институт народного образования — **АМ2.2** и т. д. Эти социальные институты и выступают в качестве субъектов коммуникационных **ВМ**-потребностей, которые удовлетворяются специальными коммуникационными службами, участвующими в миди— или макрокоммуникации. Например, государство инициирует цепочку:

АМ1.4 Общественно политическая потребность → Государство → Деятельность по организации общественного бытия → Коммуникационная **ВМ**-потребность → Государственные средства массовой коммуникации → Массовое коммуникационное управление.

Таким образом, вместо простой зависимости **П** → **Д**, действовавшей на личностном уровне, появляется сложная цепочка **П** → Социальный институт → Деятельность → **В**-потребность и т. д.

Социальные институты, участвуя в массовой коммуникации в качестве социального коммуниканта (формула **ГуМ**), приобретают собственные групповые коммуникационные потребности (**АГ**, **ВГ**, **СГ**), рассмотренные в предыдущем разделе. Мы специально остановимся на деятельности коммуникационных социальных институтов в следующей главе.

Коммуникационные **СМ**-потребности проявляются в спросе на **форму** предлагаемых коммуникационных сообщений, прежде всего — в области искусства и литературы. Эта форма должна удовлетворять противоречивым требованиям: с одной стороны — привлекать новизной, с другой стороны — не противоречить привычным образцам; не быть старомодной и вместе с тем соблюдать общепринятые нормы этикета и ритуала, моральные, религиозные, политические запреты. Разрешение этого противоречия — дело мастерства социально-культурных работников, взаимодействующих с массовыми аудиториями. Если творческим работникам и работникам культуры удастся уловить суть **СМ**-потребностей и найти соответствующие формы, новаторов ждет успех, в противном случае — неудача. Опыт подсказывает, что талантливые новаторы зачастую ориентируются на спонтанные потребности, которых в современном им обществе нет. Если с течением времени такие потребности возникнут, творчество новаторов получит одобрение, а сами они обретут лавры и регалии (к сожалению, нередко посмертно).

Выводы

1. Движение смыслов в социальном времени и пространстве происходит не самопроизвольно, а в силу **коммуникационных потребностей**, действующих на **личном, групповом и общественном уровне**. Эти потребности взаимосвязаны с другими материальными и духовными потребностями личности, социальной группы, общества в целом.

2. Коммуникационные потребности по происхождению делятся на: **А** — **абсолютные** (первичные), **В** — **вторичные** и **С** — **спонтанные**, которые свойственны всем субъектам — носителям потребностей. Типизация коммуникационных потребностей, как и общая типизация человеческих потребностей, насчитывает 9 гипотетических **типов**. Типизация гипотетична, потому что деление потребностей на типы **А**, **В**, **С** есть авторская гипотеза.

3. **Коммуникационная потребность — функциональное свойство субъектов активно реагировать на рассогласование между наличным и нормальным состоянием их сознания.** Эта реакция заключается в пространственно-коммуникационной или мнемической деятельности в различных их видах и формах.

4. Посредством социально и коммуникации удовлетворяются две **абсолютные** коммуникационные потребности: потребность в передаче смыслов в социальном пространстве и потребность в передаче смыслов во времени; эти потребности представлены на всех субъектных уровнях: личностном (АИ), групповом (АГ) и общественном (АМ) в качестве социогенных духовных потребностей; кроме того, на личностном уровне имеются их физиологические предпосылки (АИ2.6 и АИ2.7).

5. Личностные духовные потребности образуют единство с коммуникационной потребностью, вследствие чего духовное творчество, т.е. создание новых культурных смыслов, органически связано с социальной коммуникацией. Тем самым подтверждается формула: культурная деятельность = творчество + социальная коммуникация. Эта формула действует и в области материального производства, но здесь коммуникационная деятельность побуждается не абсолютными, а вторичными коммуникационными потребностями.

6. Судить о человеке как о личности следует не по абсолютным потребностям, которые являются общечеловеческими и присутствуют у всех людей, а по развитости профессиональных **В**-потребностей и непрофессиональных, культурных **С**-потребностей.

7. Информационный подход оправдывает себя при изучении вторичных коммуникационных потребностей целевых социальных групп, где возможна обезличенная объективация коммуникационных потребностей их членов. В других случаях он не получил применения.

8. Абсолютные общественные коммуникационные потребности, выражающиеся в абсолютной лингво-семиотической потребности и в абсолютной социально-мнемической потребности (АМ2.6), не образуют единства с другими абсолютными социальными потребностями, а служат основой для формирования вспомогательных коммуникационных потребностей социальных институтов (ВМ-потребностей).

9. Существует формальное подобие (изоморфизм, между личностными и общественными духовными абсолютными потребностями (АИ5 изоморфно АМ2): оба перечня содержат одинаковое количество одноименных потребностей. Однако, содержание одноименных потребностей совершенно различно. Так, познавательная или эстетическая потребность личности удовлетворяются совсем иначе, чем общественные социальные и эстетические потребности, обслуживаемые такими социальными институтами, как наука и искусство.

10. В общественном сознании давно известен **закон возвышения потребностей**, который заключается в стремлении людей к наиболее полному и комфортному удовлетворению их материальных и духовных потребностей, в том числе — потребностей коммуникационных. Стало быть, можно говорить о **законе возвышения коммуникационных потребностей**. Этот закон приводит к

постоянному росту коммуникационных **В**-потребностей и **С**-потребностей, что обуславливает развитие коммуникационных средств и услуг. Смена книжной культуры культурой мультимедийной — одно из проявлений возвышения закона коммуникационных потребностей; другое его проявление — образование в условиях индустриальной неокультуры социально-коммуникационных институтов (см. главу 9).

11. *Terra incognita* в проблематике коммуникационных потребностей, да и в теории потребностей вообще весьма обширна. Перечислим некоторые проблемы.

- Соотношение категорий «потребность» и «интерес» нуждается в уточнении. Некоторые исследователи полагают, что интерес — это осознанная потребность, другие считают, что интересы и потребности — самостоятельные инстанции, в равной мере управляющие поведением людей, третьи думают, что интерес — это ценностная ориентация, обуславливающая действие спонтанных потребностей. Психологи утверждают, что интересы — субъективное психическое образование, поскольку они не совпадают у разных людей, а экономисты и социологи склонны считать интересы объективно заданными характеристиками социальных групп, ссылаясь на то, что, независимо от субъектного состава, интересы потребителей и производителей, как правило, противоречат друг другу, а интересы капиталистов и эксплуатируемых рабочих антагонистичны. В этом свете соотношение категорий «коммуникационная потребность» и «коммуникационный интерес» приобретает значение одной из проблем метатеории социальной коммуникации.

- Нуждается в уточнении перечень абсолютных потребностей, определяющих в конечном счете жизнедеятельность личностей и обществ. Можно ли считать религиозную потребность абсолютной? Религии, культ сверхъестественных сил сопровождают человечество со времен археокультуры до наших дней, подтверждая абсолютный статус этой потребности для рода человеческого. На этом основании многие ученые включают религиозную потребность в перечень исходных, врожденных, первичных потребностей. Другие полагают, что первичной является потребность в социализации, иначе — *потребность в аффилизации*, потребность в принадлежности к какому-либо сообществу, дающему ощущение безопасности и комфорта (**АИ5.2**). Именно эта духовная потребность побуждает людей в поисках защиты и спасения обращаться к всевышним и всемогущим силам. Тогда религиозная потребность становится вторичной, **ВИ**-потребностью. Подвиги религиозных подвижников, монашеская аскеза, религиозный фанатизм свидетельствуют о наличии религиозной **СИ**-потребности; но есть и атеисты, равнодушные к религии. Итак, каков статус религиозной потребности: абсолютная? вторичная? спонтанная?

- Начатое теорией информационных потребностей изучение феномена спонтанных групповых коммуникационных потребностей пока не получило развития. Остаются загадкой успех или неудача культурных новаций, предлагаемых вниманию массовых аудиторий различными коммуникантами. Если успех, то талант новатора или чуткость аудитории? Если неудача, то бездарность автора или равнодушные толпы? Со столь прямолинейными объяснениями трудно согласиться, а других мы не знаем, потому что феномен спонтанных потребностей остается тайной.

Литература

1. Блюменау Д.И. Информация и информационный сервис. — Л.: Наука, 1989. — 188 с.
2. Джидарьян И.А. Эстетическая потребность. — М.: Наука, 1976. — 191 с.
3. Ершов П.М. Потребности человека. — М.: Мысль, 1990. — 364 с.
4. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. — М.: Политиздат, 1986. — 221 с.
5. Ковалев В.И. Мотивы поведения и деятельности. — М.: Наука, 1988. — 193 с.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность // Избран. психолог, произведения: В 2-х т. Т. 2. — М., 1983. — с. 94—213.
7. Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. — Л.: Наука, 1983. — 176 с.
8. Соколов А.В. Коммуникационные потребности: Учеб. пособие. — Краснодар: Акад. культуры, 1996. — 160 с.
9. Ханипов А.Т. Интересы как форма общественных отношений. — Новосибирск: Наука, 1987. — 225 с.
10. Щербицкий Г.И. Информация и познавательные потребности. — Минск: Изд-во Белорус, ун-та, 1983. — 160 с.

УСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

1. **Схема устной коммуникации**
2. **Функции естественного языка и речи**
3. **Коммуникационные барьеры**
4. **Проект искусственного международного языка эсперанто**

Обычно схему устной коммуникации представляют подобной элементарной схеме коммуникационной деятельности (рис. 1.1), где имеются три участника: говорящий (источник речи) — речевое сообщение — слушающий (приемник речи). На самом деле картина оказывается более сложной, потому что в устной коммуникации задействованы одновременно два естественных канала: вербальный (речевой) и невербальный, использующие разные таковые средства.

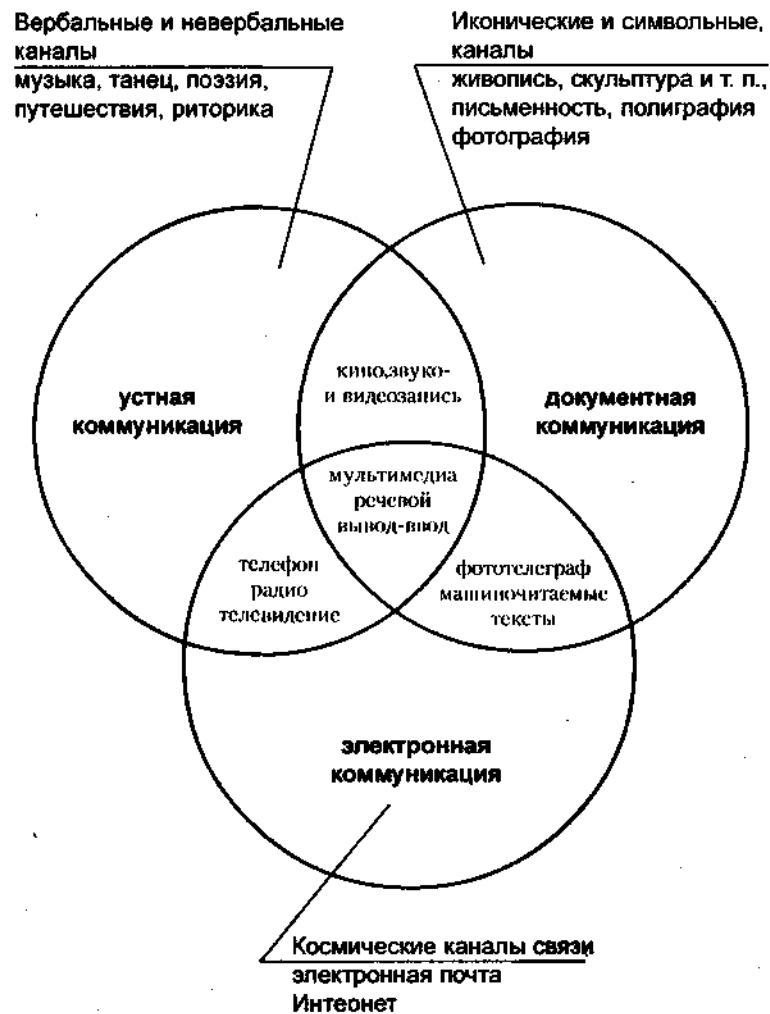

Рис.4.2. Соотношение различных родов коммуникации

Речевая деятельность осуществляется абстрактно мыслящим левым полушарием головного мозга, где расположены «центры речи». Это полушарие считается «говорящим». Правое полушарие не участвует в речевой деятельности, так как не способно воспринимать словесные смыслы, но зато оно реагирует на вневербальные, невербальные сигналы. В силу того, что вербальные и невербальные каналы работают параллельно, речь и жестикуляция дополняют друг друга, устная коммуникация оказывается двухканальной, а если учесть каналы обратной связи, то и четырехканальной (см. рис. 4.3)⁴⁸.

⁴⁸ Рисунок заимствован из статьи: Морозов В. Н. Невербальная коммуникация: экспериментально-теоретические и прикладные аспекты // Психолог, журнал. 1993. Т. 14. № 1. С. 18 — 31.

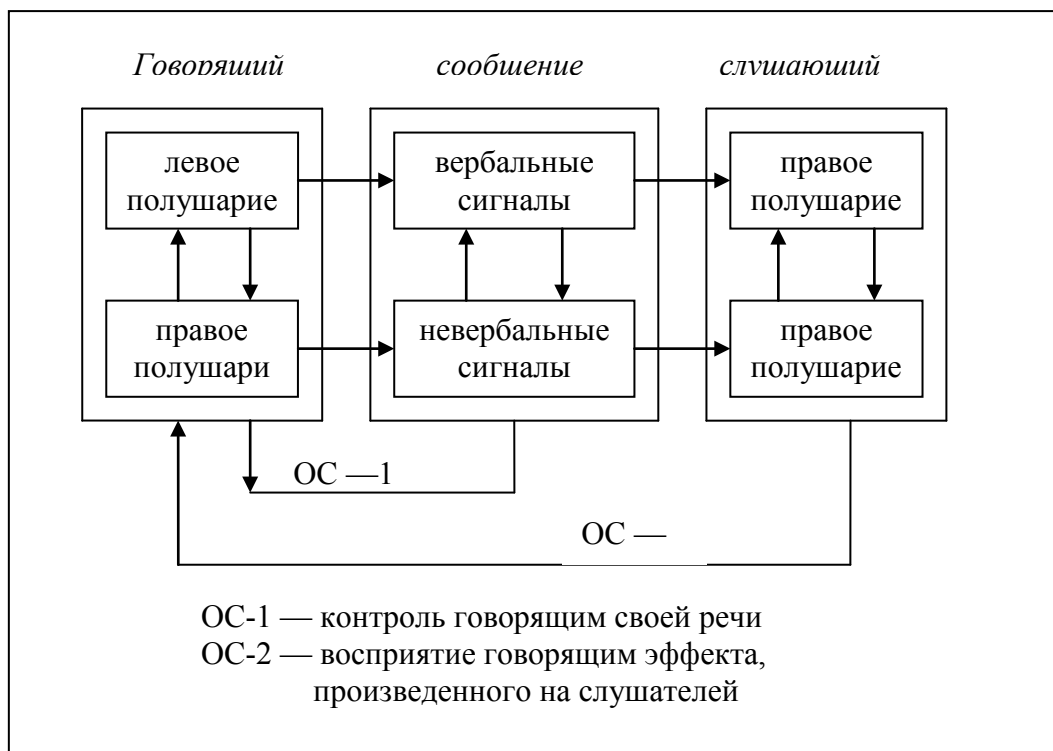

Рис.4.3. Схема устной коммуникации

Первые исследования невербальных средств воздействия на аудиторию принадлежат античным ораторам. Цицерон в трактате «О произношении» уделил большое внимание использованию голоса и телодвижений во время публичных выступлений. Чарльз Дарвин специально изучал выражение эмоций у животных и человека и нашел, что людям свойственны врожденные, биологически наследуемые средства, такие как смех, улыбка, плач, дрожь страха, холодный пот, румянец смущения, нахмуривание бровей и др. Но есть и социально обусловленные невербальные знаки: покачивание головы как знак отрицания или согласия, пожимание плечами для выражения недоумения, складывание ладоней при убедительной просьбе и пр. Он заметил также, что сопровождающие живую речь мимика и жесты придают «живость и энергию высказанным нами словам. Они обнаруживают мысли и намерения других людей более точно, нежели слова, так как в словах возможна ложь»⁴⁹. Последнее свойство невербального канала — его *откровенность* отметил в свое время Ф. Шиллер, сказавший: «Из слов человека можно только заключить, каким он намерен казаться, но каков он на самом деле, приходится угадывать по его мимике и ужимкам при высказывании слов, — по тем, стало быть, движениям, которые он делает нехотя»⁵⁰. В межличностной коммуникации роль невербального канала особенно велика; по мнению некоторых ученых 60-70 % эмоционального значения в этом виде коммуникации передается невербальными средствами и лишь остальное — за счет осмысленной речи. Известно, что хорошо знающие друг друга люди могут понимать один другого «с полуслова» или вообще без слов.

⁴⁹ Дарвин Ч. Вырождение душевных волнений. — СПб., 1896. — С. 279.

⁵⁰ Энциклопедия мысли. — М., 1994. — С. 243.

Гадатели, предсказатели, ясновидящие узнают о прошлом своего клиента, о его характере и образе жизни по одежде, манере стоять, ходить, по расположению морщин (у добрых морщины одни, у злых другие, у мрачных третьи и т.д.); особенно много могут рассказать блеск глаз, их подвижность, сосудистый рисунок и пр.

Современные исследователи подтвердили наблюдение Ф. Шиллера, Ч. Дарвина и других проницательных людей, что невербальные реакции менее контролируемы и выдают действительные помыслы говорящего более откровенно, чем произносимые слова. Можно сделать вывод, что из всех коммуникационных каналов именно невербальный канал является наиболее правдивым и честным. Это объясняется тем, что невербальные сигналы генерируются на подсознательном уровне правым «чувствующим» полушарием головного мозга, а речевые высказывания сознательно контролируются левым «абстрактно мыслящим» полушарием. Импульсы подсознания трудно управляемы, поэтому они «правдивее» осознанной речи.

К невербальному каналу апеллируют все виды искусства. Помимо исполнительского искусства в виде танца и музыки, с ним тесно связаны изобразительное искусство и синтетическое искусство типа театра и кино. Базой словесного искусства (поэзия, литература), конечно, является вербальный канал, но в той мере, в какой он сопровождается «музыкой слова», он обогащается невербальными средствами.

В главе 6 Семиотика социальной коммуникации мы специально остановимся на знаковых средствах невербального канала. Как правило, они *дополняют* речь (правда, есть исключение: язык глухонемых и тайная жестикulyция), поэтому не следует идеализировать их потенции. Они хорошо выражают эмоциональное состояние коммуниканта или реципиента, но не пригодны для передачи абстрактных понятий и смысловых нюансов, имеют примитивную «мешочную» грамматику, трудоемки в исполнении, требуют повышенного внимания при восприятии, не обладают алфавитом для записи. Именно последнее преимущество вербальной коммуникации — возможность составления письменных текстов — обусловило развитие документных коммуникационных каналов, ставших характерным отличием цивилизованных народов от варварских племен.

2. Функции естественного языка и речи

Главное отличие человеческой коммуникационной деятельности от зоокоммуникации животных состоит в наличии вербального канала, передающего речевые сообщения (тексты) в устной и письменной форме. Это отличие очевидно, как очевидно и то, что для его реализации человек должен обладать, во-первых, наследственно передаваемой речевой способностью (способностью членораздельно говорить и понимать обращенную к нему речь), во-вторых, знать какой-либо естественный язык и уметь им пользоваться (как известно, «материнским языком» — *Muttersprache* — мы овладеваем в детском возрасте в результате первичной социализации). **Естественный язык** — это социальное достояние, фундаментальный раздел социальной памяти (см. раздел

3.4). Его следует отличать от **речи**, которая представляет собой овеществление (материализацию) результатов мышления (смыслов) с помощью языка, находящегося в индивидуальной памяти говорящего (точнее — в индивидуальном тезаурусе). Язык и речь образуют единство: нет языка — нет речи; нет речи — нет языка; речь осуществляется средствами языка; язык реально существует лишь в речи.

Язык и речь в совокупности выполняют две **сущностные**, т. е. неотделимо присущие им, **функции**: во-первых, *коммуникационную* (часто говорят — «коммуникативную»), во-вторых, *мыслительную*. Язык и речь, благодаря этим функциям, являются средствами и орудиями социальной коммуникации и личностного мышления. Социальная коммуникация, как известно, представляет собой движение смыслов в социальном времени и пространстве, поэтому сущностная коммуникационная функция делится на две сущностные функции: *коммуникационно-временную*, или *социально-мнемическую*, которую выполняет язык, являющийся разделом социальной памяти (эта функция языка подробно рассмотрена в разделе 3.4), и *коммуникационно-пространственную* — функцию распространения смыслов в социальном пространстве, которая свойственна речи. Коммуникационная функция проявляется на межличностном, групповом и массовом уровне, а мыслительная — лишь на личностном уровне, где она обеспечивает индивидуальное мышление. Стало быть, все мыслящие субъекты коммуникации, как индивидуальные, так и социальные, имеют дело с языком и с речью.

Сущностные функции проявляются в **прикладных** языково-речевых **функциях**. Под прикладной функцией понимаются те свойства языка и речи, которые позволяют людям использовать их в своей *внеязыковой* деятельности. Эти свойства многообразны, отсюда — многообразные области использования языка и речи в социальной и личной жизни, другими словами, в социальном пространстве и в индивидуально-психическом пространстве. Прикладные функции языка и речи систематизированы в табл. 4.2.

Таблица 4.2

Прикладные функции языка и речи

Области реализации функций	Функции, выполняемые	
	естественным языком	речью
Общественная жизнь (социальное	1. Социально-языковые	3. Социально-речевые

пространство)		
Личный мир (индивидуально- психическое пространство)	2. Индивидуально- языковые	4. Индивидуально- речевые

1. Социально-языковые функции

1а. Национально-культурная функция вытекает из сущностной функции социальной памяти, свойственной языку. Подчеркнем, что национальный язык — это духовный генофонд народа, подобный генетическому фонду этноса. На этом фонде строится национальная культура.

1б. Этнообразующая функция обусловлена тем, что национальный (этнический) язык входит в число необходимых конституирующих признаков этноса (народа, нации). Потеря родного языка равноценна утрате этнического самосознания. Отсюда — борьба национальных меньшинств за сохранение родного языка, их протесты против навязывания декретами власти чуждого им «государственного» языка. Язык, как известно, может служить средством «культурного империализма» и колонизации отсталых народов.

1в. Функция основания словесного искусства, поэтического творчества достаточно очевидна, но имеет смысл подчеркнуть связь этой функции с происхождением национальных языков. Практически неизвестны человеческие коллективы, говорящие на каком-либо языке, в которых отсутствовали бы поэтические произведения на этом языке. Поэзия неотделима от языка потому, что творцами языка выступают не все члены общества коллективно (один придумал одно слово, другой — падеж и т. п.), а люди, одаренные поэтическим гением. «Первоговорящий» одновременно и «первопоэт». На созданной «первопоэтами» и постоянно обогащаемой новыми творческими вкладами языковой основе стало возможно существование современного фольклора, литературы, публицистики. По этой причине язык предстает в работах Современных философов-эстетиков как культурно-эстетический феномен⁵¹.

1г. Функция основания искусственных языков проявляется в том, что все искусственные языки — от химических и математических номенклатур до языков компьютерного программирования и языков международного общения типа эсперанто — вводятся в оборот посредством естественных языков и переводимы на них.

2. Индивидуально-языковые функции

Всякий человек рождается и, как правило, проводит дни свои в атмосфере родного языка: мы не только разговариваем, но и мыслим на родном языке, и это обстоятельство неизбежно накладывает свой отпечаток на личную духовную жизнь. Можно выделить следующие функции, выполняемые естественным языком в жизни отдельного человека:

⁵¹ Савранский И. Л. Коммуникативно-эстетические функции культуры. — М., 1979. — С. 100—111.

2а. *Функция социализации*: овладев родным языком, человек начинает общаться с социальным окружением, получает доступы к культурному наследию и формируется как типичный член данного общества.

2б. *Мировоззренческая функция*, заключающаяся в зависимости мировоззрения социализированной личности от ее родного языка. Многообразие языков огромно: есть языки, имеющие более 40 падежей, другие 6—8, у некоторых их нет вообще; есть языки, где каждое слово односложно, и языки, где предложение — одно-единственное слово; в гавайском языке всего 7 согласных звуков, в языке саамов — 53 и т. п. Поскольку язык является орудием мышления, напрашивается вывод, что народы, использующие язык с 40 падежами, должны мыслить как-то иначе, чем народы, вообще не знающие падежей. С 30-х годов XX века и науке дискутируется так называемая **гипотеза лингвистической относительности**, связанная с именами Э. Сепира и Б. Уорфа⁵². Согласно этой гипотезе, структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. Китаец и североамериканский индеец по-разному понимают одни и те же события и явления, потому что они воспринимают мир через призму своего родного языка. Гомер назвал синее Эгейское море «виноцветным». Виноградное вино, которое пили древние греки, было зеленоватого цвета. Синий же цвет ни разу Гомером не упомянут; не встречается он и на страницах Библии. Отсюда делается вывод, что древние жители восточного Средиземноморья не отличали вообще синего цвета от зеленого, голубого, возможно — фиолетового, поскольку отсутствуют слова для обозначения этих цветов. Таким образом, все мы являемся пленниками своего родного языка. Зависимость этнического сознания от языка достаточно очевидна, но продолжают споры о границах этой зависимости.

2в. *Инструментальная функция* — владение языком может использоваться в утилитарных целях, например для чтения иноязычной литературы, для переводческой деятельности, для туристического общения и т. д. К. Маркс говорил, что иностранный язык — это оружие в жизненной борьбе, очевидно, имея в виду инструментальную функцию языка.

2г. *Функция самоопределения и самовыражения*. Внутренняя речь, естественно, осуществляется на родном языке, поэтому размышления человека о своем Я, о личной «самости», интимная самооценка производится средствами «матер-шпрахе». Семантические ресурсы родного языка играют решающую роль в процессе поэтического самовыражения.

Анализ творческого процесса художников слова показал, что создание произведения словесного искусства идет не от идеи к слову, а само произведение по мере его развертывания проясняет для автора творческий замысел. Художественная идея как бы вырастает из словесного фонда. Б. Л. Пастернак в «Докторе Живаго» следующим образом описывал состояние

⁵² Гипотеза лингвистической относительности формулировалась Бенджамином Уорфом следующим образом: «Основополагающая лингвистическая система (другими словами, грамматика) каждого языка является не просто воспроизводящим инструментом для озвучивания идей, скорее она формирователь идей, она формирует и направляет умственную активность индивида, его анализ восприятий и синтез умственных образований. Формулирование вовсе не независимый, строго рациональный процесс, как думали раньше, а продукт данной грамматики и отличается более или менее сильно в зависимости от языка».

вдохновения: «Первенство получает не человек и состояние его души, которым он ищет выражения, а язык, которым он хочет его выразить. Язык, родина и вместилище красоты и смысла, сам начинает думать и говорить за человека и весь становится музыкой». Можно сказать, что вся русская литература в спящем состоянии скрыта в русском языке; литератор-чародей должен расколдовать эту «спящую красавицу» и явить ее свету. Конечно, это возможно только в том случае, если реализуется функция 1в, функция основания словесного искусства.

Нужно отметить, что творческий процесс в сознании представителей точных наук протекает совсем иначе. А. Эйнштейн признавался: «Слова, или язык, как они пишутся или произносятся, не играют никакой роли в моем механизме мышления, — это некоторые знаки или более или менее ясные образы, которые могут быть «по желанию» воспроизведены и комбинированы. ...Обычные и общепринятые слова с трудом подбираются лишь на следующей стадии»⁵³. Ясно, что в отличие от «Песни о вещем Олеге» теория относительности не спрятана в недрах какого-либо естественного языка.

3. Социально-речевые функции

За. Регулятивная функция — управляющая сила слова. В. Маяковский провозглашал:

Я знаю силу слов,
я знаю слов набат...

В. Шефнер написал более сдержанно:

Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.

Поэты правы. Общеизвестны факты влияния слова на физиологические и психологические процессы: вспомним внушение, заражение, гипноз. Говоря терминами И. П. Павлова, вторая сигнальная система влияет на жизнедеятельность человеческого (и только человеческого!) организма не меньше, чем первая сигнальная система, присущая животным.

Зб. Магическая функция. Речевая способность издавна казалась людям великим даром богов, требующим осторожного и бережного обращения.

Таинственная связь усматривается мифологическим сознанием между существом и его именем, на что неоднократно указывали исследователи первобытных обществ Л. Леви-Брюль, Б. Малиновский, Дж. Фрэзер. Неуместное употребление имени человека или названия предмета — верят до сих пор некоторые люди — может иметь трагические последствия. Магическое слово, по их мнению, закликает, околдовывает, заговаривает, исцеляет и напускает порчу.

Зв. Контактная функция обеспечивает установление и поддержание этикетного контакта между людьми. Обмен приветствиями, разговор о погоде, о транспорте и т. п. — необходимые составляющие повседневного общения. Бессодержательную болтовню в европейской культуре предпочитают угрюмому молчанию. Правда, в других культурах встречается иной этикет. Так,

⁵³ Эйнштейн А. Письмо Жаку Адамару // Эйнштейновский сборник. 1967.— М., 1967, — С. 28.

у североамериканских: индейцев допускалось прийти к соседу, молча покурить полчаса и уйти.

4. Индивидуально-речевые функции

4а. *Функция развития интеллекта.* Использование внутренней речи для осмысления внешних впечатлений и самоопределения способствует развитию рационального мышления, т. е. интеллекта личности.

4б. *Эмотивная функция.* Функция эмоциональной оценки происходящего, эмоциональной разрядки и впечатляющего выражения чувств и воли говорящего.

4в. *Культурно-нормативная функция.* Исторически сложившийся национальный (общенародный) язык существует в следующих формах: литературный язык, народно-разговорная речь, территориальные диалекты, социолекты (терминологические системы, жаргоны, кастовые языки).

Культурно-нормативная функция присуща только литературному языку. Степень владения литературным языком — показатель культурного уровня (образованности) человека. Отступления от литературных нормативов в публичных выступлениях воспринимаются как культурная ущербность. Действительно, если речь человека сбивчива, невежественна, запутана, груба, то таково, видимо, и его мышление, ведь мыслим мы при помощи внутренней речи.

4г. *Функция идентификации индивида с группой.* Владение вербальными (жаргон, слова-пароли, территориальный или социальный диалект) и невербальными специальными значениями есть знак принадлежности к той или иной социальной группе, например: медик, матрос, уголовник, педагог, поэт и т. д. Характерный эпизод: когда академику И. П. Бардину задали вопрос: «Как вы говорите: килоМетр или килОметр?» — он ответил: «Когда как. На заседании Президиума Академии — килоМетр, иначе академик Виноградов морщиться будет. Ну, а на Новотульском заводе, конечно, килОметр, а то подумают, что зазнался Бардин». Здесь показательно, что академик, вышедший из заводской среды, осознает свою принадлежность к двум различным социальным группам, что отражается в речевой практике.

Перечисленные 15 прикладных функций языка и речи возможно реализовать только благодаря сущностным коммуникационной и мыслительной функциям. Причем коммуникационная функция особенно отчетливо проявляется в функциях 1а, 1б, 1в, 1г, 2а, 2в, 3а, 3б, 3в, 4б, 4в, 4г — всего в 12 функциях из 15; остальные три прикладных функции — 2б, 2г, 4а — мировоззренческая функция, функция самоопределения и самовыражения, функция развития интеллекта тесно связаны с мыслительной сущностной функцией.

3. Коммуникационные барьеры

Реализация коммуникационной функции устной коммуникации затрудняется **коммуникационными барьерами** — препятствиями на пути движения смысла от коммуниканта к реципиенту. Эти барьеры делятся на 4 класса:

1. **Технический барьер** в виде шумов и помех в искусственных коммуникационных каналах. Шумы имеют естественное происхождение, а

помехи создаются умышленно. Из-за воздействия шумов и помех уменьшается различимость полезных сигналов и возникает актуальная задача распознавания сигналов на шумовом фоне. Эта задача актуальна для радиосвязи, проводной связи, видео-звукозаписи, компьютерной техники (вспомним компьютерные вирусы, засорение пространства Интернет) и окончательное решение ее вряд ли возможно, так как всякое новое поколение техники страдает своими «болезнями», неизвестными ранее.

2. Межъязыковый барьер возникает при несоответствии языков, кодовых систем, тезаурусов коммуниканта и реципиента. Это ситуация «Вавилонского столпотворения», когда люди говорят на разных языках и не могут понять друг друга.

В настоящее время насчитывается несколько тысяч стихийно возникших языков, наречий и диалектов. Главный ущерб, наносимый межъязыковым барьером, состоит не в том, что чужеземцы, сталкиваясь друг с другом, не могут объясниться на бытовые, торговые или военные темы. Здесь устное разноязычие преодолевается за счет невербального или иконического канала (если нет толмача-переводчика). Главная беда состоит в том, что в силу социально-мнемической функции, функции социализации и мировоззренческой функции естественный язык накладывает печать своеобразия на национальную культуру, общественное сознание, индивидуальное мировоззрение. Межъязыковые барьеры разделяют род человеческий на чуждые и враждующие друг с другом этносы, народы, нации. Манящий идеал межчеловеческой гармонии и мира оказывается не достижимым; разноязычное человечество не может быть единым человечеством.

Кардинальный способ преодоления межъязыкового барьера виделся в разработке искусственного языка между народного общения. Первым языком такого рода стал **воляпюк**, предложенный в 1879 г. в Германии И. М. Шлейером. Слова «естественных языков в нем видоизменялись и теряли опознаваемость, например, английское world — vol, speak — ruk, отсюда volaruk — всемирный язык. Воляпюк оказался чересчур сложным для практического использования, поэтому в дальнейшем международные языки стали строиться на основе интернациональной лексики, преобразованной по вкусу авторов. Грамматика максимально упрощалась. Количество проектов к 30-м годам XX века исчислялось тремя сотнями. Образовалось научное направление **интерлингвистика**. Наиболее популярны следующие продукты интерлингвистики:

Эсперанто (основан в 1887 г. Л. Заменгофом, Польша);

Идо (реформированный Эсперанто, 1907 г., Франция);

Окциденталь (1921—1922 гг., автор Э. Валем, Эстония);

Новиаль (синтез идо и окциденталья, осуществленный Л. Есперсеном, Дания, в 1928 г.);

Интерлингва — создан в 1951 г. Ассоциацией международного вспомогательного языка в США.

Наиболее успешным проектом оказался язык Эсперанто, который заслуживает специального рассмотрения (см. раздел 4.2.4).

3. Социальный барьер возникает между людьми, говорящими на одном и том же естественном языке, но принадлежащими к различным социальным

группам. Затруднено взаимопонимание разных поколений (споры «отцов» и «детей»), представителей разных классов и сословий, имеющих антагонистические интересы, жителей города и села, мужчин и женщин, людей с разным образовательным цензом и т. д. Сущность социального барьера не в различных социолектах, жаргонах, стилях речи, отличающих одну социальную группу от другой, а в различии ценностных ориентации, личного психофизиологического и житейского опыта, содержание групповой памяти.

Эти различия неустранимы, да и нет необходимости стремиться к их устранению, так как это привело бы к унылой унификации рода человеческого — «все на одно лицо».

4. **Психологический барьер** возникает вследствие искажений в перцепции, неизбежно сопровождающей коммуникацию. Перцепция, напомним, представляет собой познание (восприятие) коммуникантом и реципиентом друг друга. Это познание использует этические и эстетические критерии, ситуационные расчеты, привычные симпатии и антипатии. В результате в сознании общающихся людей формируется образ (имидж) партнера, который может быть привлекательным или отталкивающим, безразличным или волнующим и т. д. Большое значение имеет коммуникационная ситуация: являются ли люди равноправными сотрудниками, делающими общее дело, или они находятся в отношениях начальник — подчиненный и др. Кроме того, в сознании и коммуниканта, и реципиента всегда присутствует их собственный имидж, т. е. представление о себе самом.

Итак, в сознании коммуниканта складываются:

- собственный имидж — $Я^K$;
- имидж реципиента — $Р^K$.

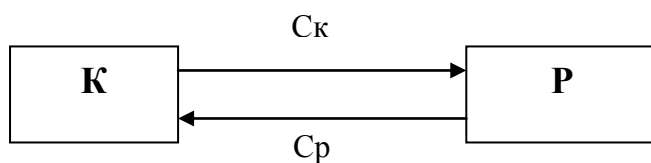
В сознании реципиента в свою очередь образуются:

- собственный имидж — $Я^P$;
- имидж реципиента — $К^P$.

В случае межличностного общения возникает следующая ситуация: коммуникант говорит в качестве $Я^K$, обращаясь к $Р^K$, реципиент отвечает ему как $Я^P$ и адресуется при этом к $К^P$ (см. рис. 4.4). $С_K$ и $С_P$ — сообщения, которыми обмениваются $К$ и $Р$.

Ясно, что в реальной жизни $Я^K$ и $К^P$, также как $Я^P$ и $Р^K$ не совпадают, а в лучшем случае имеют сходство. Коммуниканту трудно предугадать его имидж в сознании реципиента, и наоборот. В результате каждый из них обращается «не по адресу» и сам это не осознает. В этом и заключается суть психологического барьера, который, строго говоря, неустраним во всех видах и формах социальной коммуникации, кроме подражания.

I. Абстрактная схема коммуникации

II. Реальная схема коммуникации

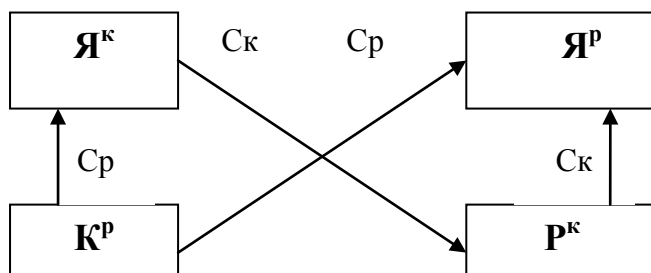

Рис. 4.4. Абстрактная и реальная схема коммуникации

При подражании действует схема

$$K^P - C_K - Y^P.$$

Краткая характеристика коммуникационных барьеров показывает их принципиальную неустранимость ни в настоящем, ни в обозримом будущем. Однако для познания законов социальных коммуникаций важно познакомиться с попытками, иногда весьма впечатляющими, преодоления этих барьеров.

4. Проект искусственного международного языка эсперанто

Идея искусственного международного языка очень соблазнительна для благородно и прогрессивно мыслящих энтузиастов. Единый, общепонятный и общепринятый язык мог бы стать платформой для преодоления национальной розни, для достижения взаимопонимания, доверия, в конечном счете — братства людей. Идее построения подобного языка посвятил свою жизнь **Людвиг Лазарь Маркович Заменгоф** (1859—917), родившийся в Белостоке (ныне Польша, тогда Россия). Еще в гимназические годы Людвиг разработал проект «универсального языка», но отец, будучи российским статским советником и цензором иностранных книг в Варшаве, сжег подозрительную рукопись. В студенческие годы, учась на медицинском факультете в Москве, затем в Вене, наконец в Варшаве, Людвиг Лазарь вернулся к своему проекту, но опубликовал его много лет спустя, будучи практикующим доктором медицины.

26 июля 1887 г. вышла в свет тиражом 2000 экземпляров брошюра: Д-р Эсперанто. Международный язык. Предисловие и полный учебник. Для русских. Варшава, 1887. Принципиальные начала эсперанто были изложены Заменгофом так:

- Слова взяты из важнейших европейских языков в наиболее употребительной форме.

- Я упростил до невероятности грамматику и притом, с одной стороны, в духе существующих живых языков, чтобы она могла быть легко усвоена, а с другой — нисколько не лишая этим языка ясности, точности и гибкости.

- Даны ясные правила для того, чтобы из одного слова создавать другие, не имея надобности запоминать их.

- Международный язык должен жить, расти и развиваться по тем же законам, по каким вырабатываются все живые языки, и та форма, которую я придал ему, та грамматика и тот словарь, которые я предоставил, должны быть лишь основой, на которой будет выработан реальный международный язык⁵⁴.

Эсперанто органично вобрал в себя основные лексико-грамматические элементы романо-германских и славянских языков, что значительно облегчило его освоение для европейцев. Отбор этих элементов был произведен рационально и экономно: в исходный словарь были внесены все корни, аффиксы и флексии, достаточные для обозначения основных понятий; оперируя ими, эсперантист может конструировать новые лексические единицы, выражая любые смысловые оттенки. Благодаря этому лексический фонд эсперанто в 4—5 раз превышает словари живых национальных языков. Упрощенность грамматики и приближенность к распространенным европейским языкам обеспечили демократичность эсперанто, т. е. доступность его людям, постигшим лишь основы грамматики.

История эсперанто делится на два периода: **до 1920 года**, когда миссия языка мыслилась в контексте *микроммуникации* — обеспечить межличностное общение людей разных национальностей; **после 1920 года** до наших дней, когда эсперанто стал ресурсом всемирного социально-коммуникационного движения, действующего в контексте *макрокоммуникации*.

В течение первого периода сбылась мечта д-ра Эсперанто (эсперанто значит «надеющийся» = «надежда» (эсперо) + суффикс причастия «ант»): был создан язык международного общения, получивший всеобщее признание. Даже Л. Н. Толстой в статье «О международном языке» благословил эсперантистов, считая, что распространение международного языка — дело христианское и богоугодное. С 1905 г. стали создаваться международные конгрессы эсперантистов. Идею эсперанто поддержали промышленники (даже выпускались спиртные напитки «эсперанто»), торговцы, ученые, учителя, адвокаты, военные, представители королевских фамилий. На конгрессах собиралось более 1000 человек, которые немедленно устанавливали между собой речевой контакт, что вызывало их удивление и энтузиазм. В России в 1891 г. было основано общество «Эсперо»; а в начале XX века организовалась Всероссийская лига эсперантистов, имевшая в 1911 г. (когда она была закрыта царским правительством) 30 отделений и около 900 членов.

Энтузиасты — филологи, используя богатые семантические ресурсы эсперанто, начали активно переводить на него мировую классику с античности до наших дней. На эсперанто издавалась и издается до сих пор художественная и общественно-политическая литература. В настоящее время фонд литературы

⁵⁴ Цит. по: Колкер Б. Г. Учебник языка эсперанто. Основной курс. — М.: Наука, 1992. — 160 с.

на эсперанто превышает 100 тысяч названий. Таким образом, можно сказать, что эсперанто успешно выполнил социальную функцию естественного языка: служить основанием для словесного искусства, и эсперанто можно назвать культурно-эстетическим феноменом. Успешно была реализована инструментальная функция, ради которой язык и создавался. Правда, остальные коммуникативные и мыслительные функции естественного языка и речи не были освоены искусственным языком общения. Национально-культурная и этнообразующая функции для эсперанто чужды по замыслу его создателей, о регулятивной и магической функции смешно говорить, а индивидуально-языковые и индивидуально-речевые функции эсперанто не присущи, потому что нет людей, впитавших эсперанто как матер-шпрахе.

Первая мировая война разразилась в день открытия 10-го конгресса эсперантистов в Париже. Война была тяжелым ударом для гуманиста-интернационалиста Заменгофа, который верил, что «если достаточно пропагандировать эсперанто, он распространится между всеми народами, и тогда люди перестанут быть злыми, поймут, что все они — братья». Он тщетно взывал к правительствам воюющих стран. 14 апреля 1917 г. он скончался в Варшаве, занятой кайзеровскими войсками.

Второй период развития эсперанто начался в атмосфере послевоенной Европы 20-х годов, насыщенной идеями пацифизма и международного сотрудничества. Была создана Лига наций и другие международные организации. Здесь Всеобщая Эсперанто-ассоциация, основанная в 1908 г., обрела поддержку. Эсперантистское движение вышло за рамки межличностной коммуникации и стало субъектом макрокоммуникации, провозгласившим своей задачей сближение народов и формирование общечеловеческой культуры. Вторая мировая война нанесла большой ущерб эсперанто-сообществу, особенно в Германии и Советском Союзе, но уже в 50-е годы оно возродилось с новой силой.

К столетию Заменгофа (1959 г.) были подведены итоги эсперантистского движения. В нем участвовали в то время более 1 млн. человек, представлявших 60 стран. Социальный состав участников: сотни тысяч бизнесменов, сотни тысяч представителей свободных профессий, десятки тысяч преподавателей и научных работников, сотни парламентариев. Издательская деятельность эсперантистских организаций всегда была активной; в 60-е годы выходило в свет 140 периодических изданий. Около 10 радиостанций вещали на эсперанто; эсперанто изучался в сотнях учебных заведений; туристическое бюро Кука сочло полезным использовать эсперанто наряду с основными национальными языками.

В России движение эсперантистов, насильственно прерванное в 1938 г., вновь возобновилось в 1955—1956 гг. В 1979 г. была учреждена Ассоциация советских эсперантистов, а в 1989 г. — Союз эсперантистов.

Современная организация эсперанто-движения имеет разветвленную бюрократическую структуру с двумя конкурирующими центрами: Универсальная Эсперанто-Ассоциация и Всемирная Вненациональная Ассоциация. Эти ассоциации объединяют международные профессиональные организации врачей, железнодорожников, художников, работников связи, журналистов, преподавателей эсперанто, любительские объединения

филологов, музыкантов, автомобилистов, радиолюбителей и т. п.; общественные объединения типа «Движение эсперантистов за мир во всем мире» и т. д. Ассоциации эсперантистов активно сотрудничают с ЮНЕСКО, ООН и другими международными учреждениями. Самих себя эсперантисты оценивают как субкультурное сообщество, обладающее групповой памятью, ядром которой служит эсперанто, и преследующее общественно значимые гуманистические цели, в том числе — развитие и распространение эсперанто. Нетрудно видеть, что эсперанто-движение далеко ушло от проекта Л. Заменгофа, направленного на преодоление межъязыковых барьеров, и посвятило себя более амбициозной и сложной задаче — формированию общечеловеческой культуры.

В настоящее время на роль языка международного общения реально претендует английский язык, опирающийся на промышленную и военную мощь англоязычных стран. Но эти претензии повсеместно встречают отпор, доходящий до конфликта. В конфликтной ситуации есть шанс для нового триумфа эсперанто. Во всяком случае история лингвопроекта Л. Заменгофа продолжается.

ДОКУМЕНТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

- 1. Система документной коммуникации в XX веке**
- 2. Функции документов**
- 3. Коммуникационные барьеры**
- 4. Цензура как орудие коммуникационного насилия**

Документная коммуникация соответствует элементарной схеме коммуникационной деятельности (рис.1.1) только в случае непосредственной переписки между коммуникантом и реципиентом. Появление почты означает подключение посреднического звена. Если же коммуникант использует издательские службы для публикации своего произведения, а реципиент обращается в книжный магазин или библиотеку, чтобы получить это произведение, требуются специальные посреднические службы, другими словами, — социально-коммуникационные институты (СКИ), обладающие профессиональными кадрами и материально-техническими средствами. В документально-коммуникационную систему (ДОКС) входят институты документной коммуникации и документные каналы. В книговедческой и библиотечно-библиографической литературе ДОКС называют «система документ — потребитель», «система книга — читатель».

Основными институтами документной коммуникации, существующими в наше время, являются (для упрощения картины оставляем в стороне музеи и машиночитаемые фонды):

- архивы,
- библиографические службы,

- библиотеки,
- издательства и типографии,
- книжная торговля,
- реферативные службы.

Основными документными каналами, согласно типизации документов в разделе 3.4, являются:

- каналы опубликованных документов, предназначенных для широкого общественного пользования и размноженных с этой целью полиграфическими средствами;

- каналы неопубликованных (в том числе — непубликуемых) документов, представляющих собой рукописи, машинописи, графику, живопись.

Целевое назначение ДОКС сводится к достижению следующих **целей**:

- обеспечивать творчески одаренным членам общества возможность включения своих произведений в документированную социальную память;
- сохранять документированную социальную память как овеществленную часть культурного наследия общества;
- обеспечивать общественное использование овеществленной и документированной части культурного наследия в интересах общества.

Для достижения этих целей нужно решить следующие **задачи**:

- обобществления исходных сообщений (рукописей), поступающих от творческих личностей, включая их смысловую оценку, редакционно-издательского оформления, полиграфического тиражирования, т. е. преобразования рукописи в документ общественного пользования (ДОП), часто называемый «первичный документ», или направления ее в фонд архивных документов (ФАД);

- смысловой обработки ДОП (свертывание и развертывание) для более полного их использования; другими словами, преобразования первичных документов во вторичные;

- формирования и долговременного хранения фондов общественного пользования (ФДОП);

- распространения первичных и вторичных документов в режимах постоянного оповещения или справочного обслуживания.

Принципиальная схема ДОКС, решающей перечисленные задачи, представлена на рис. 4.5. ДОКС выступает в качестве посреднического звена между коммуникантом **К** и реципиентом **Р**. Выделен контур обобществления (верхняя часть рисунка), где располагаются архивные и редакционно-издательские институты (**А**), и контур обработки, хранения, распространения (нижняя часть рисунка), где располагаются книготорговые, библиотечно-библиографические, реферативные службы (**Б**), предоставляющие в конечном счете реципиентам посреднические услуги в виде: первичных ДОП (книжная торговля и библиотеки), вторичных документов (библиографические и реферативные службы), рукописей (**Рп**), полученных из архивов.

Сфера идеальной реальности — область бытия личностных сознаний, неовещественной социальной памяти (**НВСП**), профессиональных сознаний (**ПС**), принадлежащих соответственно работникам контура обобществления (**ПС-А**) и работникам контура обработки, хранения, распространения (**ПС-Б**). На профессиональное сознание работников ДОКС оказывают воздействие

органы управления (государственная власть, церковь, общественные организации).

Сфера идеального противопоставляется сфере материального, охватывающей:

- МЭР — мир эмпирической (объективно существующей и чувственно воспринимаемой) реальности, к которому относятся живая и неживая природа, общественное; и личное бытие;

- овеществленная социальная память, включающая документированную часть в виде фондов документов.

Движение смыслов в ДОКС происходит следующим образом. МЭР служит объектом познания и практической деятельности, которые осуществляются коммуникантом (вектор 1). Для того чтобы добиться обобществления (общественного признания) своих достижений путем их публикации, коммуникант должен подготовить рукопись (**Рп**) (вектор 2), которая по каналу неопубликованных документов (вектор 3) поступает для рассмотрения в службу обобществления, например в редакцию журнала. Сотрудники редакции, руководствуясь профессиональным кодексом и указаниями органов управления (вектор 5), решают судьбу рукописи. Если ее содержание признается достойным обобществления, коммуникант приобретает статус элемента социальной коммуникационной системы (автор, отправитель информации, генератор идеи). Если **Рп** отклоняется, она поступает в фонд архивных документов (ФАД), откуда ее в принципе можно извлечь по требованию.

Службы обобществления А располагают нужными материально-техническими средствами для соответствующего оформления, тиражирования и подготовки к общественному пользованию принятой рукописи. В результате их усилий появляются публикации — документы общественного пользования (ДОП). ДОП может представлять собой любой вид издания (статья, монография, сборник, листовка) или вид литературы (научная, учебная, справочная, официальная, художественная, детская и пр.). Таким образом достигается одна из целей ДОКС: обеспечить творчески одаренным людям возможность включения своих произведений в документированную социальную память.

ДОП воздействует на общественное сознание, т. е. неовеществленную социальную память (НВСП), и если его содержание оказывается понятным и общественно значимым, в общественном сознании происходят какие-то изменения. Собственно говоря, в этих изменениях и состоит конечный эффект обобществления того смысла (знания, эмоционального настроения, стимула), который побудил коммуниканта к активности. Общественно признанные смыслы начинают циркулировать в сознании общества (вектор 11), доходя до сведения **К** и **Р**. Если отдельный ДОП не оказал никакого воздействия на современников (случай нередкий), он все-таки попадает на вечное хранение в архив печати или в фонды национальных библиотек в надежде на реанимацию в будущем.

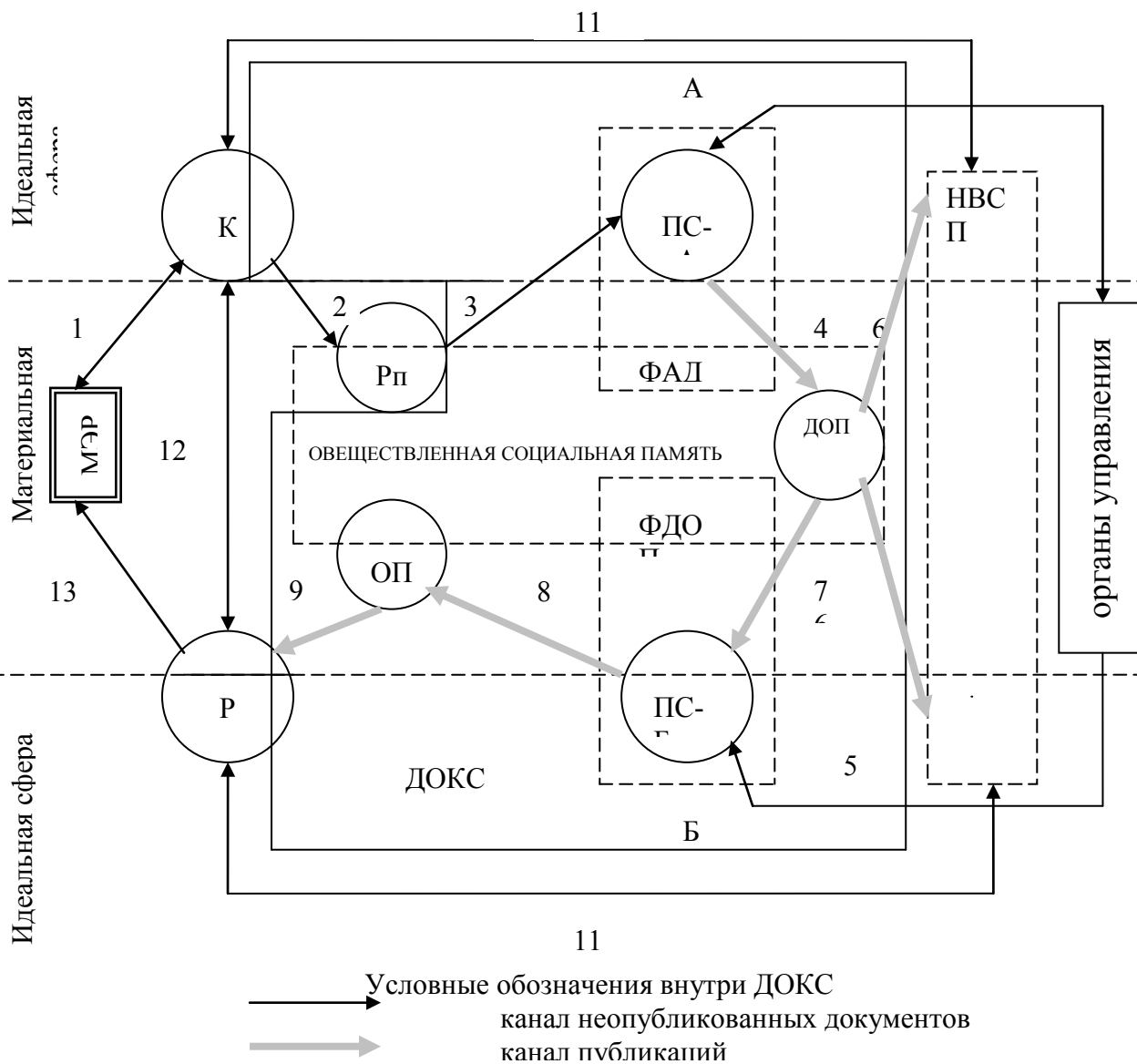

Рис. 4.5. Документная коммуникационная система (ДОКС)

Теперь проследим последовательность действий контура обработки, хранения и распространения. Вновь появившейся ДОП является объектом изучения (вектор 7) профессионалами, обладающими ПС-Б, в соответствии с их профессиональными обязанностями и указаниями органа управления (вектор 5). На базе этого изучения и соответствующей оценки осуществляются:

- заказы партий литературы книготорговыми организациями;
- комплектование библиотечных фондов (ФДОП);
- смысловая обработка ДОП, в результате которой создаются «вторичные документы» в виде библиографических пособий, реферативных журналов, обзоров литературы в печатном или машиночитаемом виде (вектор 8).

Обслуживание потребителей (ОП) осуществляется сотрудниками институтов Б, обеспечивающими распространение документов (обслуживание реципиентов). По каналу 9 предоставляются ДОП, продукты их обработки, архивные документы, поступившие по каналу 10. Разумеется, не исключается межличностная коммуникация К и Р (вектор 12). Надо полагать, что почерпнутые из документов знания, эмоции, стимулы обогатят сознание реци-

пиента, что не может не сказаться положительно на его практике взаимодействия с МЭР (вектор 13). Таким образом достигается цель, стоящая перед ДОКС: обеспечить общественное использование документированной части культурного наследия в интересах общества.

Наконец, терминологическое уточнение. В практике коммуникационного обслуживания получили распространение термины «первичный документ», «первичный документальный поток», «канал первичных документов» и — соответственно — вторичные документы, потоки, каналы. Нам также пришлось обратиться к этим терминам в настоящем разделе. Поскольку «первичность» и «вторичность» — понятия относительные, зависящие от принятого порядка счета, указанные термины толкуются по-разному разными авторами, и каждое толкование по-своему оправдано.

Возможны три точки зрения.

Книговедческая: первичными документами являются все первоиздания (оригиналы), а вторичными — их переиздания, копии; например, репринт — явно «вторичный» документ.

Гносеологическая: первичны документы, несущие не известные ранее факты и концепции, что свойственно научно-техническим отчетам, патентам, диссертациям, научным монографиям, а вторичны — компилятивные публикации, к которым относится учебная, справочная, научно-популярная литература.

Библиографическая: все произведения письменности и печати, содержание которых не сводится к библиографической информации (библиографическая информация — критерий отграничения библиографических явлений от небиблиографических) относятся к первичным, а библиографическая продукция — к вторичным документам. Так, объектами библиографирования в равной степени служат первоиздания и переиздания, научные монографии и учебники.

Мы придерживаемся последнего подхода, потому что книговедческий и гносеологический подходы не дают основания для формирования самостоятельных документно-коммуникационных образований, и библиографический подход оказывается продуктивным в этом отношении. Он позволяет выделить **два уровня** документной коммуникации:

- первично-документный уровень, на котором представлены опубликованные документы общественного пользования с соответствующими каналами; этот уровень — область библиотечной, архивной, музейной деятельности;

- вторично-документный или документографический уровень — область библиографической деятельности, использующей рукописные (неопубликованные) библиографические материалы, библиографические издания, библиографические базы машиночитаемых данных. Таким образом, библиография в наши дни имеет дело с тремя документными каналами: канал рукописей, канал полиграфический и канал машиночитаемых документов.

2. Функции документов

Документам, подобно языку и речи, присущи сущностные и прикладные функции. Сущностные функции, напомним, это те свойства предмета, которые неотъемлемо ему присущи, обусловлены его природой, а для искусственных объектов — их назначением. Утрата какой либо сущностной функции означает разрушение предмета. Сущностные функции не исчерпывают область практического применения предмета: они дополняются прикладными функциями. Прикладные функции — это те свойства предмета, которые не обязательно ему присущи, а привнесены извне. Другими словами, прикладные функции — результат приспособления данного предмета к потребности текущего момента.

Документам свойственно изначально социальное назначение, которое вытекает из авторского замысла. Социальное назначение определяет те сущностные функции, которые должны выполнять документы. С другой стороны, документы создаются для понимания их индивидуальным пользователем; если человек не может прочитать текст документа, документ утрачивает свои сущностные функции. Таким образом, областями проявления сущностных функций документов, как и в случае языка и речи, остаются: общественная жизнь и личный мир. Легко догадаться, что прикладные функции документов также представлены в этих мирах. В результате получаем таблицу функциональных свойств документов (табл. 4.3).

1. Социальное назначение документов проявляется в трех функциях:

1а. Социально-временной, или мнемической — фиксирование и сохранение во времени духовных творческих достижений — членов общества.

Таблица 4.3

Функциональные свойства документов

Области реализации функций	Типы функций	
	сущностные	прикладные
Общественная жизнь (социальное пространство)	1. Социальное назначение	3. Социальный прагматизм
Личный мир (индивидуально-психическое пространство)	2. Потребительские требования	4. Реальное использование

1б. Социально-пространственной — функции распространения в социальном пространстве актуальных смыслов (знаний, эмоций, стимулов).

1в. Ценностно-ориентационной функции, вытекающей из искусственного происхождения документов. Нет документов, созданных их авторами без глубинного замысла, без определенной цели. Всякий документ замышляется для того, чтобы повлиять на ценностные ориентации реципиентов, а в конечном счете — на их поведение. Поэтому ценностно-ориентационная функция оказалась сущностной для искусственно созданных сообщений, в то время как для речевых сообщений она является прикладной (функция 3а, использующая управляющую силу слова).

2. **Потребительские требования** обуславливают использование документа индивидуальными читателями (слушателями, зрителями). Это:

2а. *Содержательность* — бессмысленный набор знаков не может считаться документом; документ должен быть осмыслен, т. е. служить источником знаний, эмоций, стимулов.

2б. *Понимаемость* — если содержание текста не может быть воспринято (прочитано), то такой текст — не документ, ибо нельзя расшифровать его содержание.

2в. *Вещественность* — изображение, не имеющее стабильной, осязаемой формы не воспринимается людьми в качестве документа.

3. **Социальный прагматизм** заключается в использовании сущностных функций документов для решения актуальных общественных задач; здесь инициатива часто принадлежит органам управления.

3а. *Образовательная функция* (педагогическая, просветительская, воспитательная) — распространение знаний, этических норм, идеалов, убеждений, обеспечивающих социализацию личности.

3б. *Идеологическая функция* (агитационно-пропагандистская) — суггестивная популяризация каких-либо политических, религиозных, субкультурных доктрин (учений).

3в. *Вспомогательная функция* — содействие развитию специальных коммуникаций, обслуживающих профессиональные потребности социальных институтов; сюда относятся научно-вспомогательные, технико-вспомогательные, производственно-вспомогательные, военно-вспомогательные и т. п. функции документов, представляющих разные типы литературы.

3г. *Бюрократическая функция* — поскольку бюрократия зиждется на документных потоках и немислима без них, поддержку бюрократических систем можно считать одной из востребованных функций документации.

3д. *Художественно-эстетическая функция* — функция формирования и развития художественной литературы как особого, словесного вида искусства, а также изобразительного искусства, основанного на иконических документах.

3е. *Товарная функция* обусловлена тем, что все вообще документы являются продуктом труда, обладают рыночной стоимостью и могут функционировать как товар. Книготорговый социальный институт использует это качество произведений печати. Редкие книги, старинные рукописи, произведения живописи, графики, скульптуры могут стать предметом вложения капитала и превратиться в сокровища.

3ж. *Мемориальная функция* — отдельные документы приобретают особую социальную ценность, вплоть до музейных экспонатов, если они непосредственно связаны с тем или иным историческим лицом, тем или иным событием (имеют автографы, пометки на полях, экслибрисы, легенды, относящиеся к ним и т. д.). Такие документы становятся *культурными памятниками*.

4. **Реальное использование** — это фактическое функционирование документов в духовной жизни отдельных людей:

4а. *Познавательная функция*. Общеизвестно, что «книга — источник знания» и, строго говоря, любой документ может быть использован в этом

качестве; эта функция играет центральную роль в образовании и самообразовании.

4б. Гедонистическая функция свойственна произведениям художественной литературы и изобразительного искусства, выступающим в качестве источников эстетического наслаждения, положительных эмоций или просто увлекательного чтения; гедонистическую функцию можно назвать *культурно-досуговой*.

4в. Библиофильская функция — книги могут быть предметом страстного собирательства, коллекционирования, так же как и произведения искусства; здесь затрагивается эмоциональная сфера личности.

4г. Представительская функция — книжные собрания в доме — свидетельство образованности, начитанности, культурности хозяина.

4д. Функция личных реликвий выполняется документами, так или иначе связанными с биографией данного индивида. Сюда относятся семейные альбомы, подарки с автографами, дипломы, ордена и другие знаки отличия. Эту функцию можно назвать *еще лично-архивной*.

4е. Функция самовыражения автора, когда сочинение документа становится непринужденным актом творческого выражения личных талантов, способностей, убеждений, знаний, эмоций; творчество «по вдохновению».

4ж. Инструментальная функция — создание документов по профессиональной обязанности, ради честолюбия, сланы, заработка или других меркантильных расчетов.

Познавательно сравнить сущностные и прикладные функции документов с сущностными и прикладными функциями языка и речи (пункт 4.2.2). Сущностные коммуникационные функции в обоих случаях фактически совпадают и сводятся к передаче смыслов во времени и пространстве. Однако речи и языку присуща еще сущностная мыслительная функция (функция орудия мышления), которую документы не выполняют, но зато последние обладают ценностно-ориентационной функцией, вытекающей из их искусственного происхождения. Прикладные функции естественных и искусственных каналов различны; если бы документы просто дублировали речевые сообщения, то не было бы нужды в их создании.

3. Коммуникационные барьеры

Ни один из родов коммуникации не обходится без барьеров, препятствующих движению смыслов. В пункте 4.2.3 мы определили четыре барьера, свойственных устной коммуникации: технический, межъязыковой, социальный, психологический, эти же барьеры, за исключением специфического для устного общения межъязыкового, обнаруживаются и в ДОКС.

1. Технический барьер состоит в недоступности нужных документов для реципиента. Если реципиенту известны выходные данные требуемой публикации, то библиотечно-библиографические службы, благодаря межбиблиотечной кооперации, способны рано или поздно предоставить ему если не сам документ, то его копию. Это задача **адресного поиска**, которая носит чисто технический характер и не имеет непознанных проблем.

Гораздо хуже, если реципиент способен только сформулировать тему, но не может назвать соответствующие ей (релевантные) документы. Тогда возникает задача **семантического поиска информации**, которая служит центральным предметом **теории информационно-поисковых систем (ИПС)**. В этой теории присутствуют технические проблемы (проблемы реализации ИПС), но гораздо важнее логические, лингвистические, психологические проблемы, не нашедшие пока удовлетворительного решения. Именно в силу несовершенства ИПС, обеспечивающих поиск в документальных хранилищах, остается актуальным кризис информации, выражающийся афоризмом «мы не знаем, что мы знаем».

2. **Психологический барьер** при восприятии документов возникает вследствие **непонимания** реципиентом их смысла. Непонимание может распространяться на все типы документов: непонимание замысла художника встречается столь же часто, как непонимание замысла писателя. Мы ограничимся рассмотрением проблемы **понимающего чтения**, которое, очевидно, является разновидностью коммуникационного понимания. Как отмечено в разделе 1.3, различаются: коммуникационное познание — углубленное постижение содержания сообщения с целью извлечения нового для читателя знания; поверхностное коммуникационное восприятие, когда до глубинного смысла дело не доходит; псевдокоммуникация — механическое повторение текста. Психологические барьеры возникают не всегда; они тем ощутимее, чем усерднее стремится читатель постичь содержание книги. Рассмотрим суть дела более подробно.

Псевдокоммуникационное чтение иногда сталкивается с проблемой запоминания (зубрежка), но никогда не доходит до понимания. Классическим примером такого «псевдочтения» является чтение слуги Чичикова Петрушки. По словам Н. В. Гоголя, он «содержанием книг не затруднялся: ему было совершенно все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, — он все читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше само чтение, или лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает, что и значит». Петрушка имел реального предшественника — слугу поэта Шиллера, который хвастался, что в одну ночь, сидя у постели больного господина, прочел три тома сочинений Канта.

Поверхностное чтение соответствует коммуникационному восприятию, при котором психологические барьеры также мало тревожат. Исследования показали, что лишь около 10 % читателей художественной литературы стремятся к пониманию ее глубинного смысла. Вообще, досуговое, развлекательное чтение, как правило, является поверхностным. Поверхностное скорочтение — профессиональный навык работников книги — книготорговцев, библиотекарей, библиографов. Они относятся к литературе не как к источнику знаний или эстетических эмоций, а как к предмету труда или рыночному товару. С этой целью практикуется «чтение пальцами», выборочный просмотр отдельных страниц, оглавлений, предисловия, заключения, чего достаточно для получения общего представления о книге.

Углубленное чтение — это деловое, а не досуговое занятие, чаще всего связанное с учебной, производственной деятельностью или самообразованием. Активное углубленное чтение (штудирование) — вид коммуникационного познания. Читатель отграничивает себя от личности автора, ведет с ним мысленный диалог, критически оценивает прочитанное, делает собственные выводы. Следы активного отношения к содержанию книги часто остаются на ее страницах. Вспомним пушкинское:

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей.
Татьяна смотрит с трепетаньем,
Какою мыслью, замечаньем
Бывал Евгений поражен,
С чем молча соглашался он.
И на полях она встречает
Следы его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

Именно в процессе сознательного углубления в содержание произведения самобытного автора возникают барьеры непонимания, для преодоления которых даются противоречивые рекомендации. Эти рекомендации представляют собой *антиномии*, т. е. противоположные утверждения, истинность которых доказывается с одинаковой убедительностью. Например:

1а. Следует овладевать искусством медленного чтения, стараться правильно понять автора, делать выписки, конспектировать и многократно перечитывать текст. Ф. Ницше заявлял: «Филолог есть учитель медленного чтения».

1б. Следует овладевать техникой скорочтения, умением «перелистывать книгу», чтобы освоить как можно больше печатной продукции.

2а. Следует выбирать для чтения такие книги, содержание которых вас интересует, ибо интерес облегчает усвоение содержания и дает удовлетворение от чтения.

2б. Чтение — это труд, который может быть нелегким.

3а. Беспольных книг нет, в каждой книге при внимательном чтении можно почерпнуть новое и полезное знание,

3б. Подавляющее большинство печатной продукции относится к макулатуре и не заслуживает внимания.

4а. Нужно читать преимущественно новую, текущую литературу, чтобы не отстать от современной жизни, не впасть в старомодность.

4б. Лучше читать классическую, общепризнанную литературу, следуя совету Генри Торо (1817—1862):

«Читайте прежде всего лучшие книги, а то вы и совсем не успеете прочитать их».

5а. Из книг можно узнать обо всем, познать мир в целом.

5б. Без знания «некнижного» реального мира чтение книг — пустая и вредная трата времени, о чем свидетельствует печальная судьба Дон Кихота.

Какую же стратегию и тактику освоения книжного мира выбрать человеку, решившему познать накопленную человечеством книжную культуру? Ответа на этот вопрос нет, ибо никто помочь не может. Главное ограничение включается в индивидуальной психике реципиента, а этот барьер неустраним.

3. **Социальные барьеры** это препятствия, которые воздвигает ДИКС и управляющие ею органы на пути сообщения от коммуниканта к реципиенту. Главным из этих препятствий является *цензура*, которая имеет многовековую историю, заслуживающую специального рассмотрения. Надо заметить, что цензура — *специфический барьер* именно документной коммуникации; ее невозможно осуществить ни в устной, ни в электронной коммуникации, хотя попытки такого рода предпринимались властями.

4. Цензура как орудие коммуникационного насилия

В общем смысле **цензура** понимается как контроль и ограничение распространения по коммуникационным каналам каких-либо знаний (фактов, концепций), стимулов (призывов, волевых воздействий), эмоциональных настроений (возмущение, одобрение, скорбь и пр.). В Древнем Риме цензоры следили за соблюдением морали. **Цензурой** именуется также официально учрежденная служба, имеющая полномочия пресекать любые сообщения, нежелательные для власти. Цензурный контроль охватывает не только произведения письменности и печати или другие документы, но и театральные постановки, художественные выставки, научные собрания, публичные выступления и т.д.

Держателями цензуры являются как государственная, так и духовная власть.

Различаются виды цензуры:

- цензура **запретительная** или предварительная, когда для обнародования требуется предварительное разрешение цензурного ведомства; вызывающие подозрения произведения либо вовсе запрещаются к публикации, либо засекречиваются;

- цензура **карательная**, когда после выхода в свет неугодного властям произведения его издатель и автор подвергаются предусмотренным законом санкциям: конфискация тиража, штраф, заключение в тюрьму, закрытие неблагонадежного журнала или газеты и т. п.

Разновидностями карательной цензуры с точки зрения применяемых методов является **библиоцид** и **спецхран**. Библиоцид — полное уничтожение тиража произведения печати, сожжение рукописной книги и т. п. Спецхран — это «тюремное заточение», когда доступ к книгам читающей публики ограничен или вовсе исключен.

В результате получается следующая **классификация цензуры** (см. рис. 4.6).

Исторически цензура возникла во времена древнейших цивилизаций. Так, Ашурбанипал удалял из своей библиотеки клинописные таблички, содержание которых ему не нравилось. Римская цензура активно действовала во времена империи. Известно, что Овидий (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) был выслан из Рима за трактат «Искусство любви», несколько позже в ссылке оказался Ювенал (65—128), позволивший себе сатирическое осуждение глупости и пороков

римской знати. Император Юлиан, прозванный христианами «отступником», за недолгие годы своего владычества (361—363) уничтожил немало христианских текстов; христиане, в свою очередь, беспощадно сжигали сочинения античных язычников. Начиная с V века, римская церковь составляла списки запрещенных книг.

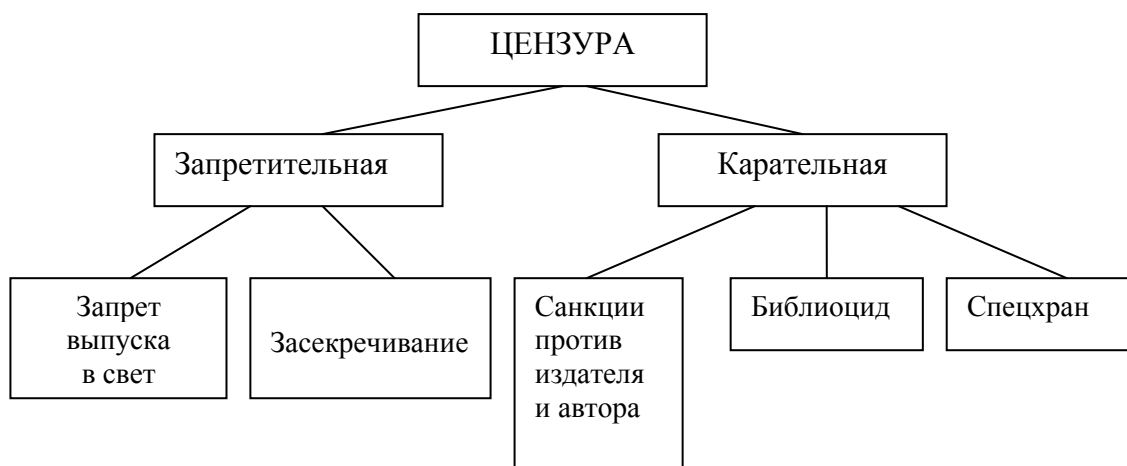

Рис. 4.6. Классификация цензуры

Цензурная практика докатилась до Древней Руси вместе с духовной литературой. Древнейший список рекомендованных для чтения книг дошел до нас в «Изборнике Святослава» и гласил: «Чтобы не прельститься ложными книгами — ведь от этого бывают многие безумные заблуждения — прими этот мой избранный любочисленник (перечень полезных книг) повествовательных книг (следует список из 42 названий). Тем самым имеешь все, что же кроме того, то не в их числе»⁵⁵. В период с XI по XVIII века на Руси было распространено не менее 100 списков истинных (канонических) и ложных (отреченных или апокрифических) книг.

В Московии цензура как таковая была введена на Стоглавом соборе в середине XVI века. Книжное дело подчинено было двойной опеке: духовной и светской власти. В постановлении собора были главы «о училищах книжных», «о исправлении книжном», «о книжных писцах», «о злых ересьях», «о живописцах и честных иконах». По инициативе Ивана Грозного была принята 41-я глава, гласящая: «царю свою царскую грозу учинити и святителям всем во всех градах запретити с великим духовным запрещением, чтобы православные христиане вперед богомерзких книг еретических у себя не держали и не чли, а которые учнут у себя такие книги держати и чести, или учнут иных прельщати и учити, и им быти от благочестивого царя в великой опале и в наказании, а от святителей по священным правилам, быти в отлучении и проклятии»⁵⁶. Однако это постановление осталось «гласом вопиющего», ибо не было механизма его реализации, т. е.

⁵⁵ Рейсер С. А. Хрестоматия по русской библиографии с XI в. по 1917 г. — М., 1956. — С. 7.

⁵⁶ Цит. по: Нотович О. К. Исторический очерк нашего законодательства о печати. — СПб, 1873. — 63 с.

цензурного ведомства. Создать же такое ведомство при господстве рукописной книги практически невозможно.

Первым законодательным актом о цензуре в России был указ Петра I (1721 г.), предписывающий, чтобы все типографии России были «под ведением святейшего правительствующего Синода, от которого о печатании книг повеления требовать, а без повеления того духовного Синода никаких книг не печатать». Таким образом вводилась всеохватывающая церковная цензура. Но после смерти Петра этот указ выполнялся лишь частично. В 1728—1755 гг. Академия наук с ее типографией была единственным в России учреждением, выпускавшим книги светского содержания. В академической типографии печатались газеты, журналы, календари, собрания сочинений, древние летописи, художественная проза и поэзия, научная литература, книги по военному делу, государственные законы и многое другое. С самого начала президент Академии наук лейб-медик Блюментрост стал сам давать разрешения на печатание книг, без «позволения Синода». Тем не менее Синод иногда вмешивался в издательскую деятельность Академии. Например, он запретил печатать русские летописи «понеже в оных писаны лжи явственные».

В царствование Елизаветы Петровны (1741—1761) была осуществлена целая система цензурных мероприятий. Однако в 1747 г., после того как президентом Академии стал К. Г. Разумовский, Елизавета освободила академические издания от цензуры не только церкви, но и правительства. Теперь президент свободно распоряжался изданиями Академии, а в его отсутствие издательские вопросы решала академическая канцелярия (но не общее собрание академиков).

Цензурного ведомства как такового в России до 1796 г. не существовало. Его заменяла так называемая практика рецензирования. В качестве рецензентов часто привлекали академиков, особенно когда речь шла об изданиях академической типографии. (Академиками-цензорами были М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, С. К. Котельников и др.).

С елизаветинских времен ведет свою историю российский спецхран. В Академической библиотеке была заведена «секретная камора», где хранился фонд «заповедных книг», т. е. книг, изъятых из обращения. В «секретную камору» попадали книги с посвящениями Иоанну Антоновичу и Анне Леопольдовне, Бирону, Миниху, Остерману, которые напоминали о нелегитимности дворцового переворота, приведшего Елизавету на трон. Здесь хранились карты Сибири, чтобы они не «показывались кому не следует», диссертация академика Миллера о начале русского народа, которая была признана оскорбительной для русских.

Екатерина II, играя роль просвещенного монарха, уделила немало внимания литературе, театру, наукам, книгоизданию. Памятником монаршего либерализма явился указ о вольных типографиях (1783 г.), разрешавший «каждому по своей воле заводить типографии, не требуя ни от кого дозволения, а только давать знать о заведении таковом управе благочиния». Цензура над частными типографиями была возложена на управы благочиния (полицию). Но управы благочиния не были однако достаточно бдительны, чтобы предотвратить появление «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева в 1790 г., где, в частности, писалось: «Цензура сделана нянькою

рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, ходят на помочах, от чего нередко бывают кривые ноги; где есть опекуны, следует, что есть малолетние, незрелые разумом, которые собою править не могут... Не дерзнут правители народов удалиться от стези правды и убоятся, ибо пути их, злость и ухищрения обнажатся»⁵⁷.

Устрашенная французским вольномыслием и раздраженная Н. И. Новиковым, А. Н. Радищевым, Я. Б. Княжниным, Екатерина «в прекращение разных неудобств, которые встречаются от свободного и неограниченного печатания книг» 16 сентября 1796 г. издала указ «Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг». Устанавливалась обязательная предварительная цензура для всей издаваемой литературы, включая научную. Частные типографии, за небольшим исключением, упразднились и создавались цензурные управления в Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивилловской таможне.

Павел I довел жестокость цензуры до крайности. 18 апреля 1800 г. он запретил ввоз в Россию каких бы то ни было иностранных книг, включая ноты. Он лично цензурировал книги. Так, в 1797 г. он «опробовал» ежегодный календарь и дал Академии наук указания, что печатать в этом издании.

Вступив на престол, Александр I отменил запрет на ввоз книг из-за рубежа. В 1802 г. он ликвидировал цензурные управления, введенные Екатериной в 1796 г., возложив тем не менее предварительное одобрение издаваемых книг на губернаторов. В 1804 г., когда было учреждено Министерство народного просвещения, цензура отошла под его ведение. Во вторую половину царствования Александра I цензурный контроль был ужесточен. Карамзин, имевший титул официального историографа, был вынужден лично обратиться к царю, чтобы добиться права бесцензурного печатания его «Истории государства Российского».

Приобрел печальную известность своим невежеством и самодурством А. И. Красовский (1780—1857), служивший, кстати сказать, секретарем Императорской публичной библиотеки и в 1832—1857 гг. возглавлявший комитет иностранной цензуры.

А. Я. Панаева в своих воспоминаниях приводит замечания Красовского по тексту стихотворения В. Н. Олина «Стансы к Элизе» (перевод из В. Скотта)⁵⁸.

О сладостно, клянусь, с тобою было жить,
Сливать с душой твоей все мысли, разговоры,
Улыбку уст твоих небесную ловить.

Замечание: Слишком сильно сказано, женщина недостойна того, чтобы улыбку ее называть «небесною».

И молча на тебе свои покоить взоры.

Замечание: Тут есть какая-то двусмысленность.

Что в мненье мне людей. Один твой нежный взгляд
Дороже для меня вниманья всей вселенной.

⁵⁷ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. — М.-Л., 1961. — С. 103—105; 108—109.

⁵⁸ Панаева А. Я. Воспоминания. — М., 1956. — С. 88—89.

Замечание: Сильно сказано; к тому ж во вселенной есть и цари, и законные власти, вниманием которых дорожить должно.

О как бы я желал всю жизнь тебе отдать...

Замечание: что же останется Богу?

У ног твоих норой для песней лиру строить.

Замечание: слишком грешно и унизительно для христианина сидеть у ног женщины.

Все тайные твои желанья упреждать

И на груди моей главу твою покоить.

Замечание: стих чрезвычайно сладострастен.

В итоге цензор делает вывод: все эти мысли противны духу христианства, ибо в Евангелии сказано: «кто любит отца своего или мать паче Меня, тот несть Меня достоин».

Николай I, подобно своему отцу Павлу, подозрительно и настороженно относился к литературе, журналистике, книжному делу. С подачи министра народного просвещения А. С. Шишкова 10 июня 1826 г. царь утвердил чрезвычайно суровый устав о цензуре, неслучайно названный «чугунным». О философской литературе говорилось категорично: «кроме учебных, логических и философических книг, необходимых для юношества, прочие сочинения сего рода, наполненные бесплодными и пагубными мудрствованиями новейших времен, вовсе печатаемы быть не должны». Предусматривался запрет периодических изданий «не имеющих хорошего образа мысли» и «имеющих вредное для читателей направление».

В 1828 г. Шишкова сменил князь Ливен, предложивший более мягкий цензурный устав. Впервые учреждались два параллельно существовавших комитета: один для отечественных, другой для иностранных изданий. Согласно этому уставу, в качестве цензоров в XIX веке привлекались профессора университетов и видные писатели. Так, цензорами по отечественной литературе были И.А.Гончаров (1812—1891), А. А.Григорьев (1822—1864), Н. И. Греч (1787—1867), С. Т. Аксаков (1791—1859), а в иностранной цензуре сотрудничали Ф. И. Тютчев (1803—1873), композитор А. Н. Серов (1820—1871), А. Н. Майков (1821—1897),] Я. П. Полонский (1819—1898)⁵⁹.

Европейские революции 1848 г. послужили поводом для гонения на интеллигентское свободомыслие и резкого ужесточения цензуры. Семилетие 1848—1855 гг. справедливо называют временем *цензурного террора*. Состав цензоров был пересмотрен: вместо университетских профессоров в цензурных комитетах появились чиновники, для которых служба в цензуре была основным, а не побочным занятием. 2 апреля 1848 г. был создан специальный комитет, который должен был стать органом «для высшего надзора в нравственном и политическом отношении за духом и направлением книгопечатания». Комитет по имени его председателя Д. П. Бутурлина (1790—1849) вошел в историю как «бутурлинский комитет». Этот комитет не занимался непосредственной цензурной практикой, а оценивал и контролировал усердие других цензурных органов, держа в трепете

⁵⁹ Кстати сказать, в это время в Пруссии цензорами были Александр Гумбольдт и И.Г. Фихте, а И. В. Гете выполнял цензорские обязанности в Веймаре.

чиновников-цензоров. Характерный пример: один цензурный комитет выступил с ходатайством о назначении в его состав музыканта для рассмотрения нот, ибо бывает необходимо определить «действительно ли представляемые ноты содержат в себе музыкальную пиесу, а не какое-либо безнравственное и вредное сочинение, написанное в виде нот знаками, составленными по известному ключу».

По докладам Бутурлинского комитета в 1848 г. был сослан в Вятку Салтыков, а в 1852 г. арестован и сослан в Спасское-Лутовиново Тургенев; подвергались гонениям славянофилы. Специальными циркулярами запрещалось публиковать исследования по истории народных движений, фольклору и т. п.; резко сократилось общее число книг, журналов, газет, издаваемых в России.

Реформы Александра II сопровождались смягчением цензуры. Образованное общество жаждало гласности, свободы слова и печати. Характерный документ настроений той эпохи — стихотворение Константина Аксакова, страстного славянофила, названное «Свободное слово»:

Ты чудо из божьих чудес,
Ты мысли светильник и пламя,
Ты луч нам на землю с небес,
Ты нам человечества знамя.
Ты гонишь невежества ложь,
Ты вечною жизнью ново,
Ты к свету, ты к правде ведешь,
Свободное слово.

.....
Ограды властям никогда
Не зижди на рабстве народа,
Где рабство, там бунт и беда;
Защита от бунта — свобода.
Раб в бунте опасней зверей,
На нож он меняет оковы...
Оружье свободных людей —
Свободное слово.

В начале 1863 г. цензурные учреждения были переданы в Министерство внутренних дел, где, помимо полиции, жандармерии, политического сыска, местной администрации, находились такие коммуникационные службы, как архивы, почта, телеграф. В 1865 г. вышел указ «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» и «Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях». Нового устава о цензуре принято не было, но указанные директивные документы действовали 40 лет — вплоть до 1905 года.

Главная особенность цензурного законодательства 1865 г. состоит в освобождении от предварительной цензуры некоторых видов произведений печати и использование методов карательной цензуры. От предварительной цензуры были освобождены:

а) **в обеих столицах:** все оригинальные сочинения объемом не менее 10 п. л.; все переводы объемом не менее 20 п. л.;

б) **повсеместно:** периодические издания, освобожденные министром внутренних дел от предварительной цензуры; все правительственные издания; все издания академий, университетов, учебных обществ; все издания на древних классических языках и переводы с этих языков; чертежи, планы, карты.

Но если освобожденные от предварительной цензуры издания допускали проявления «вредного направления», они подвергались санкциям: предостережение и временная приостановка, прекращение издания, арест отдельных номеров журнала, запрещение печатать частные объявления и запрет розничной продажи. Таким образом у правительства было достаточно рычагов, чтобы уничтожить негодные издания. На основании законодательства о печати 1865 г. были в следующем году закрыты «Современник» и «Русское слово», а впоследствии «Отечественные записки».

Цензурная практика, осуществляемая в период 1865—1905 гг., опиралась в качестве юридической основы на принятое в 1873 г. положение, гласящее: «Если по соображениям правительства опубликование или обсуждение в периодической печати какого-либо обстоятельства государственной важности будет признано в течение некоторого времени неуместным, то редакторы повременных изданий, не подчиненных предварительной цензуре, извещаются об этом по распоряжению министра внутренних дел Главным управлением по делам печати». Какие же «обстоятельства государственной важности» признавались неуместным обнародовать? В. Мякотин проанализировал циркуляры Управления по делам печати с 1881 по 1898 гг.⁶⁰ и выяснил, что запрещались к публикации:

- сведения об императоре и его семье, а также «затрагивающие честь турецкого султана»;
- сведения о «суждениях», происходящих в Государственном Совете и в Сенате;
- случаи скандалов, коррупции, судебных дел, касающихся представителей государственной власти, заодно не допускалась критика администрации императорских театров, ибо ее деятельность «наравне с действиями других правительственных учреждений подлежит только суждению высшего начальства, в данном случае директора императорских театров и министра двора»;
- статьи, «оскорбительные для чести русского войска или могущие ослабить уважение публики к военному сословию» или «поколебать основы военной дисциплины»;
- факты самоуправства домохозяев, антисанитарии домов, дабы «не возбуждать негодования общества против домохозяев, в особенности, когда домохозяевами состоят гласные думы»;
- сообщения о стачках, о спорах между фабрикантами и рабочими, между землевладельцами и крестьянами, а также о «предстоящем будто бы

⁶⁰ Мякотин В. Одна страница из новейшей истории русской печати // В защиту слова. — СПб, 1905. — С. 84 —105.

праздновании 25-летия освобождения крестьян» и о 750-летнем юбилее Москвы;

- сообщения о бедствиях типа холерной эпидемии, голода 1891 г., коронационной катастрофы на Ходынке; еврейский вопрос должен обсуждаться «спокойно и хладнокровно, без протеста и сочувствия евреям».

Короче говоря, чем важнее был тот или другой вопрос общественной жизни, чем более крупные интересы он затрагивал, тем меньше внимания ему уделялось в печати. Печать либо с лицемерным усердием пела хвалебные гимны, либо с серьезным видом занималась пустяками. Н. А. Рубакин цитировал «рукописное стихотворение 80-х годов»:

Так как пресса не прогресса,
А крамолы проводница,
А крамоле быть на воле
Уж тем боле не годится, —
Значит нужно для прогресса,
Чтоб была под прессом пресса.

Реакцией на постоянные цензурные ограничения стали:

- **бесцензурная** (вольная, свободная) **печать**, разновидностями которой является «тамиздат» — издания, публикуемые вне пределов данного государства (вспомним «Колокол» и «Полярную звезду» А. И. Герцена, «Искру» В. И. Ленина) и «самиздат» — издания (рукописи), тайно подготавливающиеся и распространяемые на территории страны-цензуродержателя⁶¹;

- **эзопов язык** — изложение неугодных власти идей в подцензурных изданиях, благодаря особому способу изложения. Эзопов язык широко практиковался в дореволюционной печати. Салтыков-Щедрин писал: «С одной стороны, появились аллегории, с другой — искусство понимать эти аллегории, искусство читать между строками. Создалась особенная, рабская манера писать, которая может быть названа эзоповскою, — манера, обнаруживающая замечательную изворотливость в изобретении отговорок, недомолвок, иносказаний и прочих обманных средств. Цензурное ведомство скрежетало зубами, но, ввиду всеобщей мистификации, чувствовало себя бессильным и делало по службе упущения... И существовала эта манера долго-долго, существует и донныне»⁶².

Н. А. Рубакин, со своей стороны, уже в XX веке добавил: «Сведущий обыватель и между строк прочитает! Поищи, пошмыгай по газетным строкам, — на то ты и обыватель! Коли на них нет ничего, — пожалуйста, куда следует, — в пустое пространство между строчек! В этом пустом пространстве ныне русская жизнь и помещается»⁶³.

Всего в 1865—1904 гг. было уничтожено 218 книг и закрыты 27 журналов; было сделано 282 предупреждения 173 периодическим изданиям, 218 раз

⁶¹ Одним из первых прецедентов «Самиздата» было грибоедовское «Горе от ума», которое, по свидетельству Н. А. Полевого (1833 г.), «было переписываемо тысячи раз» и «сделалось достоянием словесности... не имея надобности в изобретении Гутенберговом».

⁶² Салтыков-Щедрин М. Е. Соч.: В 20 т. Т. 15. — М., 1973. Кн. 2. — С. 185—186.

⁶³ Рубакин Н. А. Читатели между строк. Разговор в вагоне // В защиту слова: Сборник. — СПб, 1906. — С. 38.

запрещалась их продажа. 205 книг, в том числе сочинения Л. Толстого, Н. Лескова, А. Герцена не допускались в публичные библиотеки и кабинеты для чтения.

Манифестом 17 октября 1905 г. была возведена впервые в Российской империи **свобода слова, совести, собраний**, т. е. были признаны коммуникационные права человека. 24 ноября 1905 г. были изданы временные правила, отменявшие предварительную цензуру для периодических изданий и устанавливающие в случае нарушения закона наказание органов печати исключительно в судебном порядке. 26 апреля 1906 г. Николай II подписал указ, согласно которому для книг, брошюр также устанавливалась вместо предварительной карательная цензура. Это законодательство, соответствующее нормам, принятым в западноевропейских странах, сохранилось до марта 1917 г.

27 апреля 1917 г. Временным правительством был принят самый либеральный закон о печати, где провозглашалось: «Печать и торговля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается». Таким образом цензура была ликвидирована вообще. В силу слабости государственной власти социально-коммуникационные институты оказались полностью бесконтрольными и предоставленными сами себе.

Подытоживая сказанное, можно выделить следующие этапы цензурной деятельности в царской России:

- До 1796 г. — неинституциональный период: нет специального цензурного ведомства, а цензурные функции выполняют церковь, правительственные учреждения (Синод), научные общества (Академия наук), университеты, наконец, полиция в лице управ благочиния.

- 1796—1856 гг. — институированная предварительная цензура, регламентированная уставами и указами верховной власти. Этот период делится на этапы:

- 1796—1801 гг. — цензурный террор Павла I;

- 1802—1826 гг. — смягчение цензурного гнета;

- 1826—1848 гг. — ужесточение цензуры Николаем I;

- 1848—1856 гг. — цензурный террор Николая I.

- 1856—1905 гг. — реформированная цензура. Здесь различаются этапы:

- 1856—1865 гг. — поиск форм цензурного контроля;

- 1865—1905 гг. — цензура под эгидой Министерства внутренних дел.

- 1905—1917 гг. — провозглашение свободы слова и печати; установление карательной цензуры.

В условиях послеоктябрьского военного коммунизма, нэпа, сталинского и послесталинского тоталитаризма цензура играла очень важную роль в механизме коммуникационного насилия, действовавшем в СССР.

ЭЛЕКТРОННАЯ КОММУНИКАЦИЯ

- 1. Маршалл Маклюэн — пророк электронной коммуникации**
- 2. Функции электронной коммуникации**
- 3. Коммуникационные барьеры**

4. Глобальная коммуникационная система Интернет

Маршалл Маклюэн (M. McLuhan) (1911—1980), канадский профессор, первоначально специализировавшийся в области английской литературы, а с 50-х годов посвятивший себя философии социальной коммуникации. В 60-е годы одна за другой вышли в свет его блестяще написанные и оригинально оформленные книги «Галактика Гутенберга» (1962 г.), «Медиум — это Послание» (1967 г.), «Война и мир в глобальной деревне» (1968 г.), которые принесли ему мировую славу и имидж «пророка из Торонто». Пророческий дар М. Маклюэна проявился не только в афористичной форме его изречений, но и в тех картинах прошлого и будущего социальной коммуникации, которые рисовала его научная интуиция, а расцветчивала пылкая фантазия.

Главное **кредо веры** (методологический принцип) учения М. Маклюэна можно сформулировать так: духовный и материальный прогресс человечества определяют не орудия труда или освоение природы, не экономика, политика или культура, а **технология социальной коммуникации**, т. е. **коммуникационные каналы**, которыми располагают люди. В зависимости от доминирующих средств массовой коммуникации (mass media) история человечества делится на четыре эпохи:

- Эпоха *«дописьменного варварства»* характеризуется наивно-непосредственным отношением людей к окружающей среде. Их высшим коммуникационным достижением была членораздельная речь, воспринимаемая слухом, отсюда — формирование «человека слушающего». **«Человек слушающий»**, использующий естественные коммуникационные каналы, жил в открытом акустическом пространстве, был лично сопричастен происходящим вокруг событиям, что способствовало гармоническому развитию его психического мира.

- Эпоха *письменной кодификации* нарушила духовную гармонию и «сенсорный баланс» неграмотного варвара; теперь в коммуникации главенствует не слух, а зрение, не акустическое сообщение, а умопостигаемые тексты, закодированные письменами. Приобщение к умственным операциям кодирования-декодирования смыслов сделало человека рационалистическим и расчетливым «сторонним наблюдателем исторического процесса». На смену племенному братству пришла феодальная раздробленность (детрибализация). Однако вплоть до XV века ороакустический (устный) и визуальный (письменный) каналы коммуникации находились в условиях равновесия.

- Эпоха *Гутенберга* окончательно покончила с природной гармонией первобытного человека. Наступила «типографская эра», давшая возможность обращаться к массовой «безличной» аудитории. Человек становится «умнее» не за счет общения с другими людьми, а за счет индивидуального чтения. Вместо «человека слушающего» появляется **«человек смотрящий»**, у которого атрофированы все сенсорные каналы — слух, обоняние, осязание, вкус, зато гипертрофировано зрение. Личное мышление все больше уступает место ориентации на печатное слово и «книжные» авторитеты. Люди стали доверять «мертвой букве» больше, чем живому слову, отчуждение приобрело в обществе

угрожающие масштабы. Зависимость людей от продукции «Гутенберговской Галактики» привело к печальным последствиям. По мнению М. Маклюэна, массовые политические и религиозные движения, кровавые революции, мировые войны — все это следствие гипнотического воздействия печатных изданий. Такие уродливые черты европейской цивилизации, как индивидуализм, эгоизм и всеобщее отчуждение, национализм и безбожие, информационные перегрузки и психические расстройства, объясняются длительной монополией книги как господствующего средства коммуникации.

• Современная эпоха — *синтез* «человека слушающего» и «человека смотрящего» (стадия постнеокультуры). Электрические и электронные средства связи, по словам М. Маклюэна, это «**коммуникационная революция**» в истории человечества. Характерная особенность современных коммуникационных средств в том, что они оказывают воздействие не на отдельные органы чувств, а на *всю нервную систему* человека. Окружающая реальность снова предстает в своей живой конкретности, а человек получает иллюзию соучастия в текущих событиях. К людям возвращается «сенсорный баланс» эпохи дописьменной коммуникации. Электронные технологии общения способствуют слиянию мифологического (непосредственного) и рационалистического (опосредованного) способов восприятия мира, создают предпосылки для целостного развития личности. «Электронная галактика» влечет «ретрибализацию» существующих обществ и на новой технологической основе воспроизводит «первобытное единство коллективного сознания», превращая нашу планету в единую «**глобальную деревню**». В этой «деревне» не будет индивидуализма и национализма, отчуждения, агрессивности и военных конфликтов. Грядущая всемирная цивилизация, — пророчил М. Маклюэн, — будет обществом «гармоничной коммуникации» и «образного мышления», являющихся непременным условием формирования высших культур.

М. Маклюэн формулировал свои предвидения в 60-е годы, отталкиваясь от потенциала телевидения, появившегося в это время. Он предсказывал закат «Галактики Гутенберга» и появление гармоничного «хомо телевизионис». Он не учитывал перспективы компьютерной техники, ибо в его время она еще не стала коммуникационным инструментом; не было персональных компьютеров, банков данных с дистанционным доступом, электронной почты, «мировой паутины» Интернет. Но Маклюэн предвидел появление «гипермедиа» — единства звука, статических и динамических изображений, реализованного в системах мультимедиа. С позиции метатеории социальной коммуникации большой интерес представляют его периодизация коммуникационных «эпох» и выводы о воздействии коммуникационных технологий на человеческую историю, правда, скорее напоминающие наивные утопии, чем научные прогнозы. Тем не менее есть основание считать Маршалла Маклюэна **пророком электронной коммуникации**.

2. Функции электронной коммуникации

В наши дни существуют три вида коммуникации: устная, документная, электронная. Суждено ли им мирное сосуществование в дальнейшем? М. Маклюэн и многие его единомышленники давно уже пророчат крах «Галактики Гутенберга», обвиняя ее во многих смертных грехах и обещая духовное

возрождение человечества, живущего в «глобальной деревне». Итак, речь идет о конкуренции искусственных социально-коммуникационных систем. Если телевизионно-компьютерная система сможет выполнять социальные функции лучше, чем ДОКС, и при этом коммуникационные барьеры будут снижены, документная коммуникация утратит свои социально-культурные приоритеты и будет оттеснена на периферию социальных коммуникаций. Что касается устной коммуникации, ее позиции всегда будут незыблемы, потому что она зиждется на *естественных* коммуникационных каналах — вербальном и невербальном, которые не подлежат ампутированию и протезированию. Заменить можно лишь искусственные, а никак не естественные каналы передачи смыслов.

Функциональные свойства документов представлены в табл. 4.3 и рассмотрены в пункте 4.3.2. Оценим их с точки зрения возможности замены телевизионно-компьютерными средствами.

Мнемическая (1а), функция распространения смыслов в социальном пространстве (1б) и ценностно-ориентационная функция (1в) несомненно могут быть выполнены более полно, оперативно, комфортно и экономично электронной системой. Причем, не в национальном или региональном, а в глобальном масштабе. Здесь выигрыш общества очевиден. Потребительские требования, которые действовали в условиях документной системы (2а, 2б, 2в) не изменятся. Правда, улучшатся возможности компиляции, справочного разыскания, редактирования и оформления новых текстов; труд будущих писателей, ученых, журналистов и других творческих личностей будет облегчен, а это немаловажный довод в пользу электроники.

Социально-прагматические функции, такие как образовательная (3а), идеологическая (3б), вспомогательная (3в), бюрократическая (3г), уже сейчас успешно освоены телевидением и компьютерной техникой и здесь вопроса о конкуренции уже нет. Несомненно также, что классическая художественная литература, а может быть, и постмодернистские издания не изменят книжной формы и останутся бастионами книжности. Тогда сохранится и книжный рынок, и социальный престиж книги, делающий ее ценным и привлекательным предметом. Следовательно, останутся в силе художественно-эстетическая функция документов (3д), товарная функция (3е) и мемориальная функция (3ж). В обыденной сфере познавательная и гедонистическая функции (4а и 4б) будут перехвачены телевизорами, видеокассетами и компьютерными системами, которые способны предавать не только знания, упакованные в тексты и изображения, но и *умения* (компьютерные тренажеры, имитаторы, программное обучение и т.п.); зато библиофильская функция (4в), представительская функция (4г) и функция личных реликвий (4д) вряд ли могут быть поколеблены. Что касается индивидуально-пользовательских функций (4е) и (4ж), то они сохранятся, если сохранится ДОКС, и отомрут, если она исчезнет.

Итак, несмотря на некоторые оговорки, получается в целом неблагоприятный для ДОКС прогноз: все функции документной коммуникации могут так же или лучше выполняться электронной коммуникацией. При этом надо иметь в виду, что потенциал электронной коммуникации не только не реализовался в полной мере, но даже не осмыслен общественным сознанием (за исключением писателей-фантастов). Мы не представляем способностей ком-

пьютерной техники середины XXI века. Несомненно, появятся телевизионно-компьютерные виды искусства, которые откроют невиданный простор для творческого самовыражения писателей, художников, режиссеров, артистов. Самое главное — вырастет массовая аудитория, воспитанная не в атмосфере книжности, а в атмосфере мультимедиа. Она-то и разрешит спор между документной и электронной коммуникацией.

3 Коммуникационные барьеры

1. **Технический барьер** в телевизионно-компьютерных системах, надо надеяться, не будет угрожать качеству коммуникации, ибо надежность и качество электронной техники XXI века достигнут высочайших кондиций. Вероятно, будут беспокоить компьютерные бандиты и хулиганы, для борьбы с которыми понадобится компьютерная полиция. Однако, говоря о социальной коммуникации нового века, человечеству следует опасаться не слабостей техники, а зависимости от техники. Было бы чересчур оптимистично надеяться, что проблемы информационного поиска будут успешно разрешены, ибо для автоматического ретроспективного поиска в документных фондах прошлых лет нужно их соответствующим образом обработать — задача трудоемкая и неблагодарная. Здесь будут по-прежнему царствовать традиционные документные ИПС в модернизированной электронной форме, но с теми же высокими показателями потерь информации и информационного шума. Так что ситуация «мы не знаем, что мы знаем» сохранится для фондов документов, изданных до XXI века. Другое дело — поиск в базах данных и ИПС, реализованных по информационным технологиям электронной коммуникации. В них поисковые проблемы вряд ли будут носить кризисный характер.

2. **Психические барьеры**, возникающие в электронной коммуникации, вызывают озабоченность современных ученых. Они обращают внимание на следующие негативные последствия постоянного общения с телевизионной техникой для нормального развития человеческой психики:

- ослабление внимания, поскольку телесмотрение не требует той сосредоточенности, которую требует чтение; нельзя читать и разговаривать, читать и мыть посуду, а телесмотрение можно сочетать с разными другими занятиями, не занимающими визуальный канал;

- снижение интеллектуальной восприимчивости, вследствие облегченного доступа к аудиовизуальным сообщениям; чтение же требует умственных усилий для понимания содержания текста; отсюда — «леность мысли» у телезрителя и интеллектуальная работоспособность у читателя;

- мозаичность индивидуальной памяти складывается у телезрителей из-за бессвязности и разноголосицы предлагаемых им сообщений; чтение же может быть (правда, редко) систематическим и целенаправленным.

В результате человек читающий лучше подготовлен к творческой и коммуникационной деятельности, он более полноценен социально и богат духовно, чем люди «облученные телевидением». С. Н. Плотников, известный социолог культуры, рисует два довольно красочных портрета «читателей» и «нечитателей». Первые, по его словам, «способны мыслить в категориях проблем, схватывать целое, выявлять противоречивые взаимосвязи; более адекватно оценивают ситуацию и быстрее находят правильные решения; обладают

большой памятью и активным творческим воображением; лучше владеют речью — она выразительнее, строже по мысли и богаче по запасу слов; точнее формулируют и свободнее пишут; легче вступают в контакты и приятны в общении; обладают большей потребностью в независимости и внутренней свободе, более критичны, самостоятельны в суждениях и поведении»⁶⁴. «Нечитатели» же испытывают трудности в речи, перескакивают в разговоре с одного предмета на другой, обладают пассивным, мозаичным сознанием, которое легко поддается манипулированию извне.

Конечно, эти портреты гиперболизированы, можно сказать, шаржированы. Читательский труд, требующийся для коммуникационного познания, по плечу очень немногим читателям (напомним, что лишь 10 % читателей художественной литературы ставят задачу постичь глубинный смысл произведения), а массовое чтение газет, иллюстрированных журналов, детективов и триллеров вряд ли можно считать «гимнастикой ума» и «воспитанием души». Подлинным полигоном для развития логического мышления, сообразительности, способности «мыслить в категориях проблем, схватывать целое, выявлять противоречивые взаимосвязи» является компьютерная техника, которая вместе с телевидением образует основу электронной коммуникации. Опыт показывает, что «нечитателями-телезрителями» являются в большинстве своем люди старшего поколения, в прошлом — усердные читатели; а «нечитателями-компьютерщиками» — молодежь, предпочитающая Интернет и чтению, и телесмотрению. Однако, психологические барьеры в электронной коммуникации, безусловно, существуют и они нуждаются в исследовании.

3. Социальные барьеры. Электронная коммуникация уже в конце XX века приобрела глобальный характер: потребителями телепрограмм и пользователями компьютеров является большая часть человечества, и это, бесспорно, значительное достижение просвещения, науки и культуры. Создаются материально-технические основы для превращения человечества в жителей «глобальной деревни», для формирования Всемирной цивилизации, охватывающей все народы. Главные препятствия на этом пути — не технического или экономического плана, а плана социально-культурного и политического.

- Общечеловеческая единая и унифицированная культура представляет *угрозу* для свободного развития *самобытных национальных культур*, и следовательно, — духовной независимости наций. Отсюда — недоверие национально ориентированной интеллигенции к лозунгам «открытого общества», космополитизма и интернационализма и стремление воспрепятствовать их реализации. Надо полагать, унифицировать национальные культуры не удастся никогда. В связи с этим возникает проблема *кросс-культурной коммуникации*, открывающей общечеловеческое в национальном. Проблема эта пока не нашла своего решения (вспомним проект «Память мира»).

- Электронная коммуникация — огромная и привлекательная *сфера вложения капитала*; капитализация телевидения и компьютерного

⁶⁴ Плотников С. Н. Чтение и экология культуры // Homo legens. Памяти С. Н. Плотникова. — М., 1999. — С. 64.

производства — необходимое условие их развития и совершенствования. Но капитал небескорыстен. Массовые аудитории, вовлеченные в глобальные коммуникационные сети, оказываются *объектом эксплуатации*: они должны не только возместить капиталистам их издержки, но и принести вожделенную прибыль.

Коммерциализация коммуникационных систем означает их *продажность*. Продажность «желтой прессы» — общеизвестный факт документной коммуникации, но там все-таки существовали независимые издательства, журналисты, писатели. Монополизированные телекомпании и компьютерные сети не терпят никакой свободы слова, кроме показной демагогии. Отсюда — *барьеры лжи и обмана*, воздвигаемые электронными средствами массовой коммуникации между правдой и доверчивой многомиллионной аудиторией.

- Демократическая западноевропейская пресса в начале XX века завоевала обязывающий титул «четвертой силы» в смысле влияния на социально-политическую жизнь. Электронная коммуникация сохраняет этот титул, причем ее потенциал воздействия на население значительно вырос. Роль средств массовой коммуникации в политической борьбе часто оказывается решающей. Но эти средства зависят от своих хозяев, они отработывают заказ, полученный от них. Поэтому массовые аудитории *становятся жертвой* политических махинаций со стороны своекорыстных владельцев телекомпаний и компьютерных сетей. Есть, правда, одно исключение — это сеть Интернет, заслуживающая особого рассмотрения (см. пункт 4.4.4).

Обзор психологических и социальных барьеров, соблазнов и затруднений, возникающих в связи со становлением электронной коммуникации, позволяет осознать суть проблемы экологии культуры, приобретающей актуальность в наши дни. Экологически безопасное развитие — это такое развитие, при котором человек, удовлетворяя свои сегодняшние потребности, не ставит под угрозу возможность будущих поколений удовлетворять свои потребности. Бездумное разрушение ДОКС, вытеснение чтения, уничтожение книжных фондов, абсолютизация коммуникационного могущества электронных средств может причинить невосполнимый ущерб национальным культурам и общечеловеческой культуре в целом. Нынешние тенденции развития социальных коммуникаций не гарантируют, что такой ущерб не может быть причинен.

4. Глобальная коммуникационная система Интернет

История возникновения Интернет такова. В конце 60-х — начале 70-х годов Агентство перспективных разработок Министерства обороны США создало компьютерную сеть, охватывающую все научные центры страны (в основном — университеты), для обеспечения информационного обмена между ними и сохранения ценной информации в случае поражения некоторых из этих центров во время ядерной войны. Была разработана технология связи между сетью и компьютером посредством протоколов, которая используется до сих пор. Постепенно компьютерная сеть охватила все вузы США, к ней подключились частные информационные и почтовые системы, различные образовательные, гуманитарные и коммерческие службы.

В начале 90-х годов в Европейском центре ядерных исследований в Женеве Тим Бернерс-Ли разработал технологию «Всемирной паутины» (World Wide Web = WWW). В эту «паутину» вошли организации различных стран, и Интернет стала международной, в принципе — глобальной компьютерной сетью. Но она была не общедоступным, а элитарным коммуникационным средством.

Во второй половине 90-х годов происходит *взрывоподобное* развитие сети Интернет и связанных с нею коммуникационных технологий. В конце XX века в Интернете насчитывалось более 300 млн. постоянно подключенных к ней серверов. *Сервер* — компьютер несколько большей мощности по сравнению с обычным персональным компьютером, который служит физическим носителем информации, доступной пользователю Сети. Интернет, по общему мнению, превращается в **виртуальное государство** со своей собственной «киберкультурой», территорией и населением, не зависящим от национальных или политических границ.

Россия, несмотря на кризисное состояние науки и экономики, с 1995 г. подключилась к Всемирной паутине. В 1999 г. были сотни коммерческих провайдеров — владельцев серверов и региональных научно-образовательных сетей, обеспечивающих доступ к Интернет практически во всех крупных городах России. Особенно большую и активную деятельность по внедрению Интернет в России развернул Институт «Открытое общество» (фонд Сороса).

Дефиниция Интернет вытекает из *сущностных функций*, присущих сети, а именно:

- Интернет — *глобальный коммуникационный канал*, обеспечивающий во всемирном масштабе передачу мультимедийных сообщений (коммуникационно-пространственная функция);

- Интернет — *общедоступное хранилище информации*, всемирная библиотека, архив, информационное агентство (коммуникационно-временная функция);

- Интернет — вспомогательное средство *социализации* и *самореализации* личности и социальной группы путем общения с заинтересованными партнерами, *всепланетный клуб* деловых и досуговых партнеров.

Исходя из сказанного, получаем **дефиницию: Интернет** — *глобальная социально-коммуникационная компьютерная сеть, предназначенная для удовлетворения личностных и групповых коммуникационных потребностей за счет использования телекоммуникационных технологий*. В этой дефиниции учтены следующие отличительные признаки Интернет:

- *социально-коммуникационная сущность* сети, обусловленная коммуникационно-пространственной и коммуникационно-временной функциями, т. е. способностью обеспечивать движение смыслов в социальном пространстве и времени;

- *предназначенность* для удовлетворения коммуникационных потребностей не общества в целом, а отдельных *личностей* и *социальных групп*, обусловленных их стремлением к социализации и самореализации;

- *вхождение* в систему *электронной коммуникации*, благодаря использованию компьютерной базы и телекоммуникационных технологий;

- *глобальные масштабы* Сети.

Не касаясь технологических подробностей, перечислим **основные технические решения и термины**, принятые в Интернет.

WWW — *Всемирная паутина* представляет собой пространственно распределенную информационно-поисковую систему, состоящую из следующих элементов:

информационных ресурсов в виде: *Web-страниц*, представляющих собой адресованные (имеющие однозначный адрес) машиночитаемые документы, содержащие текст, графическую информацию, в том числе — многоцветные изображения, и ссылки на другие документы, как-то связанные с данным; система ссылок образует *гипертекст*, облегчающий информационный поиск; *сайтов* — совокупности страниц, принадлежащих частному лицу или организации и размещенных на каком-либо сервере; сайты (от англ. site — участок) имеют свои адреса; на одном сервере может размещаться несколько сайтов; *каталогов* и *файлов* — средств организации информационных ресурсов;

информационно-поисковых языков *словарного* и *классификационного* типа, служащие для поиска информации по ключевым словам и индексам иерархических классификаций (русскоязычные поисковые системы Рамблер, Апорт, Индекс, Ау; англоязычные — Altavista, Info-see и др.);

логических операций, используемых при поиске с помощью *операторов* И, ИЛИ, НЕ, а также расширении поисковой зоны путем отбрасывания окончаний и суффиксов слов;

технических средств реализации в виде серверов с размещенными на них сайтами и страницами и средствами проводной и радиосвязи, образующими *узлы* и *глобальную структуру* сети;

программного обеспечения, включающего *протоколы*, регламентирующие обмен информацией между компьютерами (интерфейс), *систему адресов* компьютеров, сайтов, документов, страниц, гипертекстовые языки для описания содержания документов, специальные программы для движения в Сети (*браузеры*, или *навигаторы*) и др.

Несмотря на постоянное повышение «дружелюбия» и комфортности диалога с Интернет, тематический поиск релевантных страниц в информационных ресурсах Паутины несколько не проще традиционного библиографического разыскания и требует огромного трудолюбия, настойчивости, логичности мышления, интуиции, цепкой памяти, которыми всегда отличались профессиональные библиографы. Однако Интернет — не только информационно-поисковая система; он решает задачу, которая совершенно не свойственна ИПС: он формирует *виртуальные клубы* духовно близких пользователей Сети. Этой цели служат *телеконференции*, *списки рассылки*, наконец, *чаты* (chat — англ. болтовня).

Характерным фактом виртуальной коммуникации является заявление в 1998 г. Радикальной Эсперанто Ассоциации о формировании «сетевых этносов». «Мы убеждены, — заявляют инициаторы, — что не только территория делает возможным существование государства, но также культура, самосознание. Сегодня исторический рост нашей культуры обязывает нас сделать качественный скачок в развитии нашего сообщества через создание своей Конституции и своего Правительства... Интернет позволяет сделать все это без расходов на постоянные очные встречи». При этом они ссылаются на то, что

«число говорящих на эсперанто в Европе достигает 10 млн. человек и превышает население многих европейских государств»⁶⁵.

Использование Интернет, по сути дела, представляет собой реализацию *прикладных функций* Сети. Не будем рассматривать коммерческую эксплуатацию, а обратимся к бесприбыльным областям применения Интернет.

А. Образование. Учителя общеобразовательных школ охотно используют Интернет для общения друг с другом и с родителями своих учеников, для обмена профессиональным опытом, иногда обращаются к ресурсам Сети, чтобы обогатить содержание уроков, но многие педагоги настороженно относятся к стремлениям детей углубиться в виртуальное пространство Интернет, опасаясь нежелательных последствий. Другое дело — средняя специальная и высшая школа.

Здесь активно разрабатывается идея *дистанционного обучения*, суть которого состоит в замене физического перемещения студентов к источникам знания на виртуальное перемещение знаний к студентам. Дистанционное обучение особенно привлекательно для заочного образования. Большинство вузов имеет в Интернет свои сайты, где размещаются не только рекламно-ознакомительные материалы, но и электронные версии учебных пособий, методические материалы, контрольные задания и т.д. Существуют привлекательные проекты *виртуальных вузов*, предусматривающие мобилизацию лучших преподавателей и специалистов региона для участия в педагогическом процессе.

Б. Библиотеки используют телекоммуникационные возможности Интернет: 1) для обслуживания читателей в режиме теледоступа, без посещения читальных залов; правда, авторское право не допускает размещение на библиотечных серверах текстов первоисточников, но зато поиск информации в электронных справочниках, энциклопедиях и библиотечных каталогах вполне доступен; 2) для библиотечной кооперации в виде обращения к электронным каталогам других библиотек, скачивания библиографических записей из центра каталогизации, передачи фрагментов баз данных, заказа литературы в книжных магазинах, книгообмена и др.; 3) для развития профессиональных контактов с отечественными и зарубежными коллегами путем: электронной почты, подписки на тематические листы рассылки, телеконференций и т. п. Библиотечные работники высоко оценивают колоссальные информационные ресурсы Интернет, но склонны рассматривать их как дополнение к справочно-библиографическим фондам, а не как их замену.

В. Музеи используют свои серверы для предоставления следующих *услуг*: справки об адресах, часах работы, телефонах; предварительный заказ билетов и организация экскурсий, публикация анонсов выставок и коллекций; проведение дискуссий специалистов и любителей искусства и др. Реализуется проект «Музеи России», который ставит задачи: открыть миру Российское культурное наследие, способствовать росту культурного туризма в Россию; развивать дистанционное образование; формировать среду общения для музейных

⁶⁵ Иванов В. Г. Народ эсперанто: от сетевых сообществ к сетевым этносам // Интернет. Общество. Личность. Тезисы для междунар. конфер. — СПб., 1999. — С. 323.

специалистов. Создан «Всероссийский реестр», включающий более двух тысяч музеев, многие музеи располагают сайтами, раскрывающими их экспозиции.

Г. **Здравоохранение** в Интернет впечатляюще представлено телемедициной. *Телемедицина* — это использование телекоммуникаций и компьютерной технологии в сочетании с опытом специалистов-медиков для оказания врачебной помощи в отдаленных районах, в любое время суток и при любой погоде. Телемедицина незаменима в чрезвычайных (ургентных) обстоятельствах и при катастрофах. Кроме телемедицины, Интернет используется для распространения медицинских знаний, фармакологической информации, экологического мониторинга и поддержания экологической безопасности.

Д. **Трудоустройство** облегчается с помощью баз данных Интернета, где собраны сведения о компаниях-работодателях, об имеющихся вакансиях и требованиях к соискателям. Кроме того, есть банк биржи труда, куда работник может включить свои предложения по трудоустройству. Благодаря Сети, — утверждают американские специалисты, — «вы почти всегда можете найти рабочее сообщество, которое вам подходит, если дадите себе труд поискать его».

Е. **Гражданские инициативы.** Виртуальное пространство Интернет — прекрасное поле для развертывания гражданских инициатив независимо от официального одобрения. Характерный пример — использование Интернет российскими правозащитниками.

Надо признать, что мнения относительно значимости и перспектив Интернет не отличаются единодушием: одни видят в нем миф о демократическом равенстве, о гармонии личности и власти; другие рассматривают его как мощное средство интеллектуального и духовного развития людей; третьи усматривают в нем стимул для пробуждения социальной активности. Энтузиасты придумали интернетовский шлягер, где есть слова:

Для нас сомнений больше нет,
Что миром правит Интернет.
Познать поможет целый свет
И на любой вопрос ответ
Тебе подскажет Интернет.
Исчезни тьма! Да будет свет
С простым названьем — **Интернет!**

Феномен Интернет — привлекательный предмет для метатеоретических обобщений. Источниками материала для обобщающих выводов могут служить конкретные (частные) науки, изучающие различные аспекты явления Интернет.

• **Философско-исторический аспект.** С точки зрения историософии (философии истории) очевидно, что появление глобальной коммуникационной сети — убедительный аргумент в пользу формирования **Всемирной информационной цивилизации, т. е. постиндустриальной информационной культуры.** Во-первых, Сеть транснациональна, она преодолевает государственные и национальные границы, способствуя диалогу и сближению народов; во-вторых, она способствует интеграции национальных и региональных экономических зон в глобальную экономику; в-третьих, она способна сосуществовать с разными политическими режимами, культурными и

языковыми различиями; в-четвертых, она может стать платформой для формирования всемирного универсума знаний человечества и всемирного дистанционного университета. По мнению некоторых мыслителей, Интернет способствует становлению новой формы существования человека — виртуальных социумов, которые в перспективе сольются в глобальное виртуальное общество.

- **Организационно-управленческий аспект.** Главный организационно-управленческий принцип Сети, создающий ей репутацию абсолютно демократического института, заключается в *децентрализации*, в отсутствии верховного управленческого органа и иерархии власти. Правда, есть уровень начальных организаторов-управленцев — это провайдеры. Провайдер — владелец фрагмента виртуального пространства, который взимает с клиентов плату за пользование доступом к Сети, но никак не ограничивает содержание их диалогов. Если провайдер по тем или иным причинам не устраивает клиентов, они могут расторгнуть заключенное с ним соглашение и перейти к другому собственнику виртуальной области. Насколько устойчива и эффективна подобная организация, чтобы служить основой для формирования глобального сообщества?

- **Этико-правовой аспект** обусловлен противоречивостью идеологии Сети: с одной стороны, — полная гласность и открытость, свобода слова и самовыражения; с другой стороны — неприкосновенность частной жизни, соблюдение этических норм, исключение насилия. Дело в том, что абсолютная гласность неизбежно приводит к нарушению *privacy* — неприкосновенности частной жизни. Отслеживая поведение того или иного клиента в Сети при покупках, путешествиях, лечении, общении и т. д., можно синтезировать интимный облик человека, вовсе не предназначенный для публикации. Есть мошенники, которые таким образом собирают и продают компромат на известных людей. Открытость Сети способствует распространению по всему миру клеветы и дезинформации, что провоцируется анонимностью авторов, входящих в Сеть. Для детей и юношества, образующих широкую аудиторию Сети, нравственно опасны порнографические, сексуальные, насильнические сайты, которыми переполнено пространство Интернета. В целях защиты детей на персональных компьютерах устанавливаются *фильтры*, ведущие селекцию информации, поступающей извне. Но эффективность такой «домашней цензуры» очень сомнительна.

Нерешенной проблемой глобальной Сети остается соблюдение *авторского права*. Согласно юридическим нормам, только владелец авторского права на интеллектуальную собственность типа полиграфического издания (книги) или виртуального документа имеет право делать с них копии. Прочим людям предписано ограничиваться небольшими выдержками с обязательной ссылкой на первоисточник для целей цитирования, комментирования, пародии и т. п. Но в настоящее время нет средств для того, чтобы защищать интеллектуальные произведения от несанкционированного копирования и распространения.

- **Социальный аспект** — это осмысление круга пользователей Сети. В первый период становления Интернет это были профессионалы-технократы и компьютерная «богема», создавшие физическую структуру Сети и ее программное обеспечение. Ныне к ним присоединились менеджеры и бизнесмены,

служащие, преподаватели и студенты, а также коллективные пользователи — банки, больницы, фирмы, университеты и школы, средства массовой коммуникации, библиотеки, музеи и пр. Для этих пользователей Интернет — удобный и незаменимый рабочий *инструмент*, позволяющий успешно решать производственные или учебные задачи. Сложилась третья группа — *субкультурное сообщество* пользователей Интернет, для которых Сеть — не вспомогательный инструмент деловой активности, а жизненная среда, с которой связаны жизненные смыслы личности, место самореализации человека.

• **Психологический аспект** особенно отчетливо проявляется при изучении субкультурного сообщества, состоящего главным образом из молодежи, не достигшей 30 лет. Виртуальная реальность при глубоком погружении воздействует на все органы чувств человека, а также на его воображение и мышление. Сознание раздваивается из-за постоянных переходов от виртуального мира к реальности, и наоборот. В результате трансформируется духовный мир человека, его образ мысли и образ жизни. У него появляется ряд психических новообразований — интересов, мотивов, установок, стремлений, целей, ориентированных на виртуальность. Психиатры обращают внимание на появление таких психических отклонений как тревожность при работе с компьютером, Интернет-зависимость, хакерство, поглощенность компьютерными играми, социальная инфантильность. Особую озабоченность психологов и педагогов вызывает проблема «Интернет и дети».

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ИНСТИТУТЫ

1. Происхождение и виды социально-коммуникационных служб, систем, институтов

2. Сущностные и прикладные функции социально- коммуникационных явлений

1. Происхождение и виды социально-коммуникационных служб, систем, институтов

Археологическая общинная коммуникационная система не имела коммуникационных служб. Для удовлетворения абсолютных и вторичных коммуникационных потребностей первобытных общин было достаточно двух естественных (невербальный и вербальный) и двух искусственных (символьные и иконические документы) коммуникационных каналов. Посредством этих каналов общинная ОКС осуществляла **сущностные** функции: функцию

распространения смыслов в социальном пространстве (коммуникационно-пространственную) и *мнемическую* (коммуникационно-временную) функцию, а также **прикладные** функции: *магическую* и *социализации* молодежи. Сущностные функции коммуникационной системы удовлетворяли абсолютные коммуникационные потребности общины (см. сущностные функции языка, речи и документов — пункты 4.2.2. и 4.3.2.); а прикладные функции — вторичные потребности. Таким образом установилась причинно-следственная связь

Коммуникационные потребности

дописьюменной общины:

→ **Общинная ОКС:**

А — потребности

→ Сущностные функции

В — потребности

→ Прикладные функции

С появлением письменности возникла потребность в службах оформления и размножения документов (писцы, переписчики, скриптории) и в службах хранения, обработки и распространения документов (библиотеки, книжная торговля). Сформировалась рукописная документная система (ДОКС), включающая два контура: контур обобществления и контур хранения, обработки и распространения (см. рис. 4.5). ДОКС — важнейшая подсистема рукописной ОКС, которая удовлетворяет как абсолютные, так и вторичные потребности ранних палеокультурных цивилизаций.

Поскольку потребности цивилизованных обществ гораздо разнообразнее, чем потребности первобытных общин, значительно расширились функции рукописной ОКС. В число сущностных функций ОКС, помимо исходных социально-пространственной и социально-временной функций, стали входить функции *формирования документных потоков*, *ценностно-ориентационная* (отбор и рекомендация ценных сообщений) и *поисковая* (разыскание нужных сообщений по запросу). Вместо двух получилось пять сущностных функций, из которых три новых инициированы ДОКС. В составе прикладных функций

появились: *образовательно-просветительская, идейно-воспитательная (идеологическая), бюрократическая, гедонистическая, научно-вспомогательная (точнее сказать — схоластическая), художественно-эстетическая, товарная, библиофильская* функции. Сохранилась магическая функция, которая распространилась на священные писания, а также функция социализации молодежи не по книге, а путем показа. Можно сделать вывод, что в рукописной ОКС документы стали необходимым коммуникационным каналом в социальных институтах духовного производства (религия, литература, наука, философия, право), в государственном управлении и образовании, но коммуникационные социальные институты еще не сформировались, хотя службы документальной коммуникации были налицо.

Становление мануфактурной ОКС несомненно стимулировалось ростом коммуникационных потребностей духовной жизни и социально-культурной практики. Сущностные и прикладные функции мануфактурной ОКС внешне остались теми же, что и при рукописной ОКС, но средства их реализации качественно изменились благодаря механизации печатного процесса, формированию книжной культуры и литературоцентризму, когда основные культурные смыслы стали распространяться и храниться в книжной форме. Появились новые службы в составе ДОКС: типографии и книгоиздательские дома, книготорговые предприятия, библиографические службы, различные библиотеки, включая национальные. В век Просвещения (XVIII век) магическую функцию книги сменила *национально-символическая* прикладная функция — национальный литературный язык, национальные библиотеки, национальная библиография стали символом самосознания формирующихся европейских наций.

Можно ли говорить о появлении социально-коммуникационных институтов в это время? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно уточнить понятие «социальный институт», которое понимается двояко. Первое понимание можно назвать **нормативным**, поскольку здесь институт понимается как совокупность исторически сложившихся неформальных социальных норм (обычаев или стереотипов), концентрирующихся вокруг

какой-то главной цели, ценности или потребности. Типичные примеры: институт семьи, экономический институт (производство и распределение товаров), институт морали. Нормативными институтами в области социальной коммуникации являются естественный язык, фольклор, искусство, народные традиции и народные промыслы.

Второе понимание социального института **учрежденческое**, кстати сказать, ближе подходящее этимологии слова «институт», которое изначально имело значение «учреждение». Социальный институт в этом случае понимается как формально организованная система учреждений (служб, центров) и профессиональных групп, обладающая определенным, социально признанным назначением. Нормативные институты отличаются от учреждений тем, что они являются неформальными, т. е. не учреждаются властью, не имеют профессиональных кадров и не нуждаются в официальном признании их общественного назначения.

Учрежденческие социальные институты вырастают из нормативных институтов, что хорошо видно на примере коммуникационных служб. Рукописная ОКС и особенно мануфактурная ОКС располагали разными службами производства, хранения и распространения документов, где трудились профессиональные работники. Но формально организованной системы учреждений не было. Поэтому на этапе мануфактурной ОКС, соответствующей второму поколению книжной культуры, есть основания говорить о *нормативных* социально-коммуникационных институтах (СКИ). Учрежденческие СКИ появляются в период индустриальной ОКС и третьего поколения книжной культуры.

Индустриальной ОКС свойственно новое сущностное качество, отличающее ее от предыдущих коммуникационных систем, это качество — системная **структурность**. Различают две трактовки понятия «система»:

- Система — **любая** совокупность, всякая **сумма**, в том числе — груда камней, толпа людей, звездное небо и т. д.
- Система — внутренне **структурированная** (организованная, упорядоченная) совокупность, образующая единое целое.

Первую трактовку можно назвать широкой, вторую — узкой; первая относится к *суммативным* системам, вторая — к *структурированным* системам. В суммативной системе части предшествуют целому, чтобы познать целое, нужно знать его части. В структурированной системе целое обладает интегративными (системными, эмерджентными) свойствами, которыми части ее, каждая в отдельности, не обладают. Например, если разделить живой организм на составные части, он перестанет быть живым; если разделить стих на отдельные слова, он утратит свой смысл.

Рукописные и мануфактурные общественные коммуникационные системы были суммативными системами. Исчезновение или появление той или иной библиотеки, типографии или издательского дома не вызывало существенных изменений в системе в целом, поскольку все ее элементы автономны и не зависят друг от друга. В индустриальной ОКС элементом является не отдельное учреждение, а **система** служб, поэтому изменения в ее составе не могут остаться незамеченными. *Системность* и является тем интегративным качеством, которое делает индустриальную ОКС структурированной **системой систем**. Как происходит преобразование суммативных ОКС в структурированную коммуникационную систему?

Резкое возрастание социальных коммуникационных потребностей на стадии неокультуры вызывает стремительный количественный рост коммуникационных служб всех видов (книгоиздательств, библиотек, книжных магазинов, музеев и т.д.). Возникает потребность в рационализации их деятельности, которая видится в сотрудничестве, специализации и разделении труда между ними. Прежде независимые и конкурирующие друг с другом службы начинают объединяться в системы, элементами которых становятся функционально специализированные службы, образовавшиеся на базе прежних, неспециализированных служб. Системы делятся на *организационные*, объединяющие функционально сходные службы и *технологические*, объединяющие функционально различные службы. Например, сеть детских библиотек или сеть академических библиотек образуют организационную систему, а централизованная каталогизация или путь книги в крупной

библиотеке — технологическая система. Признаком структурности является наличие **органов управления** в коммуникационных системах.

Итак, индустриальная ОКС — это управляемая система систем, располагающая мощными коммуникационными ресурсами, распределенными по различным подсистемам. Так, ДОКС (рис. 4.5.), есть одна из подсистем современной индустриальной коммуникационной системы. Она представляет собой технологическую суперсистему, включающую в свой состав различные функционально специализированные системы, объединенные в контур А и контур Б. Но ДОКС — не социально-коммуникационный институт, она объединяет в своем составе документные СКИ.

Теперь можно дать определение социально-коммуникационному институту. *Социально-коммуникационный институт* — это элемент индустриальной ОКС, представляющий собой формально учрежденную, т.е. имеющую свой орган управления, совокупность организационных и технологических систем, обладающих определенным, социально признанным назначением. В современной индустриальной ОКС различаются следующие виды институтов.

1. **Кумулятивные институты**, выполняющие в числе своих сущностных функций социально-временную (социально-мнемическую) функцию:

- архивное дело;
- библиотечно-библиографическое дело;
- музейное дело;
- система научно-технической информации;
- телекоммуникационные сети, например Интернет.

2. **Некумулятивные институты**, не выполняющие социально-мнемическую функцию и не входящие в состав социальной памяти:

- народное образование;
- система массовой коммуникации (радио, телевидение);
- средства связи: почта, телеграф, телефон;
- газетно-журнальное дело;
- книгоиздательское дело;

- книготорговое дело;
- туристическое дело;
- культурно-досуговая система.

Каждый институт располагает профессионально подготовленными кадрами, занятыми *практическим* удовлетворением общественных коммуникационных потребностей, обусловивших возникновение института. Кроме того, в его состав входят: отраслевая *наука*, занятая совершенствованием практики и самопознанием института; отраслевое *образование*, обеспечивающее подготовку и переподготовку кадров профессионалов; *органы управления*, организующие работу института; групповая *специальная коммуникация* — профессиональная пресса, литература, устное общение, формирование специальных фондов.

Кроме социальных институтов, в составе индустриальной ОКС находятся службы или даже системы, *не достигшие* уровня *институционализации*. Такими доинституционными элементами являются: агентства по рекламе, фирменные маркетинговые службы, службы паблик рилейшенз, службы референтов-переводчиков, команды имиджмейкеров, биржи труда и справочные городские службы, организаторы массовых праздников, шоу, чемпионатов и т. п.

Перечисленные социально-коммуникативные институты ориентированы на удовлетворение коммуникационных потребностей общества в целом, поэтому входящие в них службы называются **общими**, или публичными, массовыми, общедоступными. В дополнение к общим, различными ведомствами и общественными организациями учреждаются **специальные** коммуникационные службы: издательства, редакции журналов, библиотеки, информационные органы, архивы, которые призваны обслуживать групповые потребности тех или иных категорий специалистов. Эти службы обладают двойственностью: с одной стороны они входят в состав индустриальной ОКС, где заимствуют технологии и используют общедоступные ресурсы; с другой стороны они принадлежат некоммуникационным специальным институтам (армия, государственное управление, материальное производство и т. д.) и подчиняются органам управления этих институтов. Эта двойственность

обусловила разделение коммуникационных служб индустриальной ОКС на две категории: общие и специальные, нередко соперничающие друг с другом за приоритеты обслуживания специалистов. Специальные службы образуют свои организационные и технологические системы, но до формирования коммуникационных институтов дело не доходит. Исключением является Государственная система научно-технической информации (ГСНТИ), достигшая статуса специального социального института.

Наконец, можно *по масштабам деятельности* разделить коммуникационные службы на международные, национальные, региональные (областные, краевые), городские, районные, локальные (точечные). По признаку *собственности* те же службы подразделяются на государственные (федеральные), ведомственные, муниципальные, общественные, частные, личные.

Сказанное не означает, что в индустриальной ОКС не сохранились нормативные социальные институты. Они есть, и ими остаются с давних пор естественный язык, фольклор, искусство, народные промыслы и традиции, создателем и потребителем которых являются массовые аудитории.

В итоге получается четырехслойная структура индустриальной ОКС:

- нормативные коммуникационные институты;
- учрежденческие коммуникационные институты общего назначения, включающие кумулятивные и некумулятивные институты;
- коммуникационные службы некоммуникационных социальных институтов и специальные коммуникационные институты (ГСНТИ);
- доинституционные коммуникационные службы.

В качестве социальных коммуникантов и реципиентов индустриальной ОКС выступают: население, массовая аудитория (**М**) и специальные социальные группы (**Г**). При посредничестве ОКС происходит диалог **МдМ** и **ГдГ**, а также управление **ГуМ**, соответствующие миди- и макро- коммуникации (см. рис. 2.2). Взаимодействие индустриальной ОКС со своими коммуникантами и реципиентами наглядно представлено на рис. 9.1.

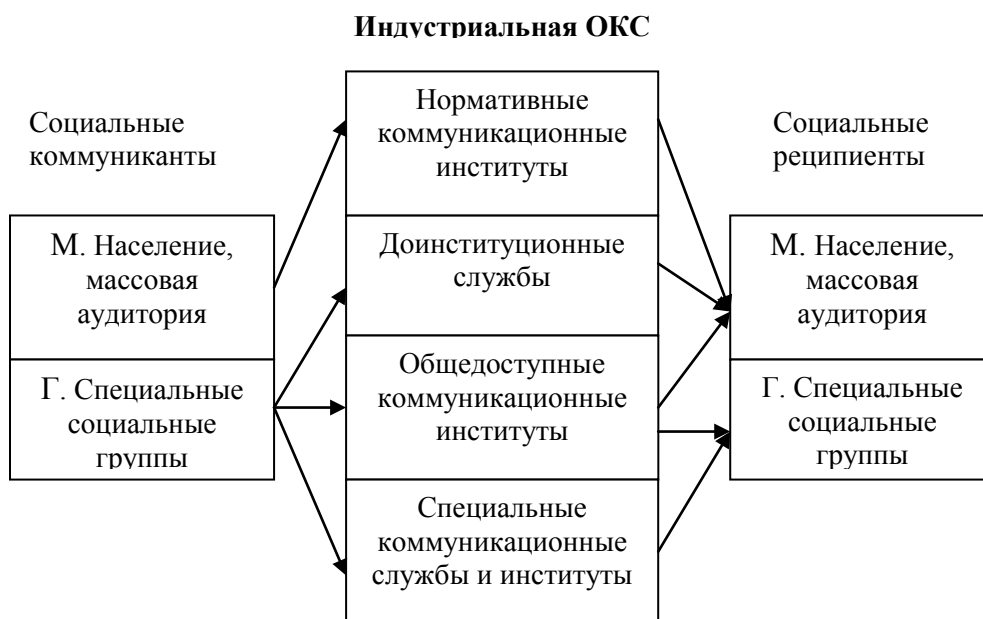

Рис.9.1. Социальные коммуниканты и реципиенты
индустриальной ОКС

2. Сущностные и прикладные функции социально-коммуникационных явлений

В предыдущем параграфе было показано наращивание сущностных и прикладных функций ОКС по мере перехода от археокультуры к неокультуре. Функциональный подход наглядно демонстрирует динамику развития ОКС, поэтому он заслуживает специального рассмотрения. Мы обращались к этому подходу в пункте 4.2.2, анализируя функции естественного языка и речи, которые осуществляются в процессе устной коммуникации, и в пункте 4.3.2, когда шла речь о функциях искусственно созданных документов. Выяснилось, что язык, речь и документы используются не только в личной практике, но и в общественной жизни, приобретая сущностные и прикладные социальные функции. Коммуникационные службы, являясь социальными учреждениями, имеют только социальные функции, ибо они взаимодействуют с социальными группами, а не с отдельно взятыми индивидами (см. рис. 9.1). Познавательное сопоставить социальные функции языка, речи, документов с функциями комму-

никационных служб. Предварительно уточним отличия сущностных и прикладных функций — см. табл. 9.1.

Заметим, что разграничение функций на сущностные и прикладные можно проследить не только применительно к коммуникационным явлениям (предметам), но и применительно к другим искусственным или естественным объектам, используемым в социальной практике. Например, сущностная функция корабля заключается в способности перемещаться по поверхности воды, а прикладные функции проявляются в его назначении: грузовой, пассажирский, военный, научно-исследовательский и т. д. Многие особенности сущностных и прикладных функций противоположны. В то же время они связаны друг с другом, предполагают и дополняют друг друга. Сущностные функции реально проявляются через прикладные функции. Только в абстракции может мыслиться «корабль вообще», а реально существуют конкретные, функционально специализированные корабли.

Таблица 9.1

Отличительные особенности сущностных и прикладных функций

Сущностные функции	Прикладные функции
Первичны, исходны.	Вторичны, производны.
Независимы от социальных, экономических, политических условий в пределах археокультуры, палеокультуры, неокультуры.	Зависимы.
Стабильны, неизменны, ограничены по составу.	Динамичны, изменчивы, неограниченны по составу.
Раскрывают сущность данного предмета.	Раскрывают конкретные возможности использования данного предмета для решения текущих общественных задач.

Изначально и необходимо присущи данному предмету.	Появляются в процессе создания или общественного использования предмета
--	---

Языку и речи присущи, согласно лингвистическим теориям, две сущностные функции: коммуникационная и познавательная, причем коммуникационная функция расщепляется на коммуникационно-временную (мнемическую) и коммуникационно-пространственную функции. Коммуникативно-временная — сущностная функция языка; коммуникативно-пространственная — сущностная функция речи. На этих функциях основаны многочисленные прикладные социальные функции, используемые на различных уровнях коммуникации — межличностном, групповом и массовом.

Документная коммуникация выполняет те же коммуникационно-временные и коммуникационно-пространственные сущностные функции, но в связи с искусственным происхождением документов им присуща еще одна сущностная функция, которая отсутствует у естественно возникших языка и речи. Эту функцию мы назвали ценностно-ориентационной, и определяется она целевым назначением документа: нет бесцельно созданных документов, значит, ценностная ориентация — сущностное качество документальной коммуникации. Прикладные функции документов обусловлены появлением ДОКС и коммуникационных служб, которые начали оформлять, тиражировать, хранить и распространять документы по заказам различных социальных институтов (церковь, государство, литература, позже — наука).

Индустриальная ОКС, как и предшествовавшая ей рукописная и мануфактурная коммуникационные системы, унаследовала три сущностные функции документов: коммуникационно-временную, коммуникационно-пространственную и ценностно-ориентационную, но, кроме того, освоила еще две сущностные функции: функцию формирования документных потоков и поисковую функцию. Эти пять функций распределились между социально-коммуникационными институтами (см. рис. 9.1) следующим образом: *нормативные* институты выполняют коммуникационно-временную,

коммуникационно-пространственную и ценностно-ориентационную функции (в пределах народных пониманий правды, добра, красоты); *общедоступные* коммуникационные институты и *специальные* коммуникационные службы функционально специализировались на *кумулятивные*, которым свойственны коммуникационно-временная, коммуникационно-пространственная, ценностно-ориентационная и поисковая функции, и *некумулятивные*, ограничивающиеся коммуникационно-пространственной, ценностно-ориентационной и функцией формирования документных потоков; *доинституционные* службы имеют ту же функциональную специализацию, что и некумулятивные институты.

Обратим внимание, что все коммуникационные службы и институты выполняют ценностно-ориентационную функцию, т.е. ставят задачу повлиять на сознание массовых аудиторий или специальных социальных групп. Причем все они, за исключением народных нормативных институтов, выражают не собственную точку зрения, не свою мировоззренческую, идейно-политическую, научную позицию, (такой позиции у подлинных коммуникационных органов нет и быть не должно), а пропагандируют взгляды своих органов управления, фактически — заказчиков или хозяев, которые предписывают им выполнять те или иные прикладные функции.

Итак, сущностные функции всех коммуникационных явлений — от естественного языка и речи до социально-коммуникационных институтов включают две основополагающие функции — коммуникационно-пространственную и коммуникационно-временную; остальные сущностные функции наращиваются на их основе по ходу социально-культурной эволюции человечества.

Такое положение естественно и вытекает из определения социальной коммуникации как движения смыслов в социальном времени и пространстве; в противном случае эти явления не были бы коммуникационными.

Сущностные функции, как уже отмечалось, (табл. 9.1) не зависят от социально-культурных, экономических, политических условий в пределах данной стадии социально-культурной эволюции: археокультура, палеокультура, неокультура. Это означает, что сущностные функции

социально-коммуникационных институтов западного либерально-демократического общества XX века и советского тоталитаризма **одни и те же**. Зато коренным образом различаются прикладные функции, предписанные им органами управления. Рассмотрим более подробно схемы управления общественными коммуникационными системами в индустриальных обществах XX века.

ЛИБЕРАЛЬНО – ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И СХЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ

Либерально-демократическая схема управления социально-коммуникационными институтами свойственна правовому государству. **Правовым государством**, в отличие от деспотии (тирании, охлократии), признается государство, которому свойственны, во-первых, верховенство права, во-вторых, реальность прав и свобод граждан, в-третьих, осуществление принципа разделения властей. Право — это не любой законодательный акт, принятый народным собранием, царский манифест или президентский указ, а независимая от воли законодателя **реализация социальной справедливости**. Социально справедливым признается удовлетворение абсолютных потребностей личности, социальной группы, общества в целом. Коммуникационные потребности относятся к числу абсолютных, поэтому в правовом государстве законодательно защищаются коммуникационные права и свободы граждан. Право — это мера (норма) свободы, поэтому о правах и свободах говорят одновременно. **Коммуникационными свободами** являются: свобода слова и печати, свобода союзов и собраний, свобода совести (вероисповедания). Ограничение этих свобод есть **коммуникационное насилие**.

Правовое государство, в котором нет коммуникационного насилия и беспрепятственно реализуются коммуникационные права и свободы, есть идеал. Исторические, а не утопические государства далеки от этого идеала. Тем

не менее человечество со времен античности (Платон, Аристотель, Демосфен, Цицерон) медленно, но верно приближается к правовому государству. Английская, американская и французская революции XVII и XVIII веков стали полигоном для практического опробования идей социальной справедливости, прав и свобод человека.

Первым юридическим документом, «первой декларацией прав человека» (К. Маркс) стала **Декларация независимости США**, составленная Томасом Джефферсоном в 1776 г. В ней провозглашаются естественные права человека: право на жизнь, на свободу и стремление к счастью, утверждается равноправие всех людей и правомерность народного восстания и свержения правительства, нарушающего права народа и не пользующегося его доверием. В 1787 г. была принята **Конституция США**, где зафиксированы демократические принципы организации и функционирования государственной власти. Первая поправка к Конституции, принятая в 1791 г., гласила, что правительство США не имеет права использовать прессу в своих целях.

Другим классическим документом, отразившим либерально-демократическую идеологию, стала **Декларация прав человека и гражданина**, торжественно провозглашенная 26 августа 1789 г. во Франции. Декларация исходит из теории естественного права, в соответствии с которой человек представляет собой *самостоятельную ценность*. Он от природы, с самого рождения наделен определенными, неотъемлемыми правами, которые не должны произвольно ограничиваться. Государство же, напротив, производно, возникает в результате «общественного договора» и призвано защищать неотъемлемые права человека.

Страстным сторонником свободы слова и печати показал себя М. Робеспьер (1758—1794). В речи, произнесенной в Якобинском клубе 11 мая 1791 г. и повторенной в Национальном собрании 22 августа того же года, он заявлял: «свобода печати не может быть отделена от свободы слова; и та и другая так же священны, как священна природа; свобода печати так же необходима, как необходимо общество»; «свобода печати должна быть

безусловная и безграничная, или она вовсе не существует»; «свободная печать — страж свободы, печать связанная — ее бич».

Эти мысли Робеспьера нашли свое отражение в Конституции Франции, принятой в 1791 г., гарантировавшей «свободу всякого говорить, писать, печатать и публиковать свои мысли без того, чтобы они подлежали какой-либо цензуре или надзору до их опубликования».

Современное международное право, сформировавшееся после Второй мировой войны, включает нормы, регулирующие сотрудничество государств в области прав и свобод человека.

Всеобщая декларация прав человека была принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Несмотря на рекомендательность Декларации, она пользуется большим моральным авторитетом, стала основой для разработки международных пактов о правах человека; конституции некоторых государств признали положения Декларации обязательными для них. Не случайно по решению ООН в 1950 г. день провозглашения Декларации — 10 декабря — отмечают как День прав человека.

Всего в Декларации 30 статей. Перечислим те, которые касаются социально-коммуникационных прав и свобод:

Ст. 18. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии.

Ст. 19. Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право облегчает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать, распространять информацию и идеи любыми средствами независимо от государственных границ (эта статья гарантирует свободу слова, свободу вхождения в социальную коммуникацию).

Ст. 26. Каждый человек имеет право на образование. Начальное и общее образование должно быть бесплатным. Начальное образование должно быть обязательным. Высшее образование должно быть одинаково доступным для всех на основе способностей каждого.

Ст. 27. Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и

пользоваться его благами. (В данном случае речь идет о праве свободного доступа к социальной памяти).

Развернутые и четкие формулировки социально-коммуникационных прав и свобод содержатся в **Международном пакте о гражданских и политических правах**, принятом Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 г. Прочитируем некоторые из них.

Ст. 19. Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору. Пользование указанными правами сопряжено с ограничениями, которые должны быть установлены законом и являться необходимыми для уважения прав и репутации других лиц или для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Ст. 20. Всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом. Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом.

Ст. 21. Признается право на мирные собрания.

Ст. 22. Каждый человек имеет право на свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы.

В развитие Всеобщей декларации в 1949 г. ЮНЕСКО был принят **Манифест о публичных библиотеках** (в 1972 г. он был переработан в ознаменование Международного года книги). В Манифесте говорится:

Публичная библиотека является важным средством обеспечения свободного и всеобщего доступа к продуктам разума и творческой фантазии человека.

Публичная библиотека призвана обогащать духовную жизнь человека, предоставляя ему книги для чтения в целях проведения досуга и развлечения,

помогать учащимся и студентам, обеспечивая их новейшей технической, научной и социологической информацией. Библиотека должна содержаться полностью за счет государства, и библиотечное обслуживание должно быть бесплатным.

Публичная библиотека должна быть доступна для всех членов общества, независимо от национальности, цвета кожи, возраста, пола, вероисповедания, языка, общественного положения и уровня образования.

Итак, можно сделать вывод, что в международном общественном мнении прочно утвердилась идея социально-коммуникационных прав и свобод, которая закреплена юридически в международных декларациях и договорах, разработанных под эгидой ООН. Всякое государство, являющееся членом ООН, не может игнорировать принятые мировым сообществом документы о правах человека, и даже тоталитарный советский режим был вынужден лицемерно заявлять о своей приверженности им.

Либерально-демократическая концепция *правового государства* отстаивает право гражданского общества на неконтролируемую государством хозяйственную, политическую, семейную и социально-культурную деятельность. За государством остается роль «ночного сторожа», охраняющего общественный порядок, безопасность, нравы и свободы граждан.

ТОТАЛИТАРНЫЕ ПРИНЦИПЫ И СХЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ

Ленинский принцип партийности

Анализ трудов В.И. Ленина показывает, что он обращался к принципу партийности в двух случаях: во-первых, для разоблачения претензий того или иного деятеля на надклассовую объективность; во-вторых, для обоснования конкретных практических решений. В обоих случаях партийность понималась не как формальная принадлежность к политической партии, а как мерило

направленности реальной деятельности отдельного человека, учреждения, общественной организации. Для В.И. Ленина высшим проявлением партийности была коммунистическая партийность, заключающаяся в верности марксистскому учению, строгом следовании требованиям партийного устава и текущим решениям руководства партии.

С изменением статуса ленинской партии обнаруживались различные грани принципа партийности, раскрывался его обоюдоострый характер. В истории КПСС выделим период революционной борьбы в подполье, военный коммунизм и послеленинскую эпоху. С этими этапами связаны, так сказать, «партийность подпольная» и «партийность правящая». Их различие состоит в том, что в первом случае критерий партийности распространялся только на членов партии, во втором случае — гораздо шире. Следует различать 4 ипостаси принципа партийности:

1. Путеводный луч научной истины. Неологизм «партийность» появился в 1894 г. в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Здесь Ленин противопоставляет «объективиста» и «материалиста», то есть марксиста, и доказывает, что материалист последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм». Далее следуют знаменитые слова о том, что материализм (читай: марксизм) «включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»⁶⁶. В этом же смысле В.И. Ленин использовал термин «партийность» в «Материализме и эмпириокритицизме», в рецензии на второй том указателя Н.А. Рубакина «Среди книг».

Итак, принцип партийности предстает в качестве методологического принципа научного познания, подобного, допустим, принципу историзма. Отмечается как лицемерие и обман объективистская иллюзия бесклассовости и беспартийности. Истинное познание общественных явлений и процессов, утверждает В.И. Ленин, может быть достигнуто только через призму марксистской партийности. Отсюда вытекает требование к ученым, писателям,

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. — С. 419.

работникам культуры — опираться в своей деятельности в качестве методологической базы на марксистскую идеологию.

1. **Кредо партии нового типа.** Партия большевиков как партия нового типа отличалась бескомпромиссной нацеленностью на социалистическую революцию и диктатуру пролетариата. Понятие партийности получило отчетливо выраженный **оценочный смысл**: партийный — свой, беспартийный — чужой, антипартийный — враг. Подлинным партийцем-ленинцем считался тот, кто сознательно и добровольно подчинял свою личную волю воле партии, воплощенной в ее Программе, Уставе и текущих решениях. Если в научных спорах «оппонентом» партийности был «схоластический объективизм», то в жизни принцип партийности оказывался противопоставленным **свободе личности**. Ставя интересы партии выше интересов отдельного человека, принцип партийности допускал ограничение демократических свобод — слова, печати, совести, т.е. противоречил правам человека.

Трактовка принципа партийности, характерная для подпольной партии нового типа (1905 г.), содержится в статье В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» (Полн. собр. соч. Т. 12.— С. 99—105). В. И. Ленин перечислял формы реализации этого принципа:

- газеты должны стать «органами разных партийных организаций»;
- литераторы беспартийные, литераторы-сверхчеловеки изгоняются, и их место занимают литераторы, состоящие в партийных организациях;
- «издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами» контролируются пролетариатом.

Если обратиться к историческому контексту, то станет ясно, что Ленин имеет здесь в виду газеты, издательства, библиотеки, читальни, содержащиеся на средства партии, а не все российское библиотечное и газетное дело начала XX века. Говоря о привлечении литераторов в партийные ячейки, В. И. Ленин не требовал от М. Горького, активно сотрудничавшего в то время с большевистской печатью, вхождения в одну из ячеек. «Свобода слова и печати, — писал Ленин, — должны быть полными».

Итак, партийная печать, так же как члены партии, должна добровольно и бескорыстно, последовательно и неуклонно проводить линию партии, отстаивать интересы партии, подчиняться партийной дисциплине. Приоритет партийности — отличительная черта партийца. Именно пролетарская партийность, по мысли В. И. Ленина, несмотря на дисциплинарное насилие, есть путь к духовной свободе. Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, поэтому истинную свободу приобретает тот, кто сознательно подчиняется партийной дисциплине, а не беспартийный индивидуалист, торгующий своим талантом.

Право партии контролировать деятельность своих печатных органов сомнений не вызывает. Но нельзя согласиться с правом какой-либо партии диктовать, навязывать свою партийность, свою идеологию всем остальным, беспартийным членам общества и социальной коммуникации в целом. Это — тоталитарное насилие. Но В. И. Ленин и не претендует в этой статье на тоталитарное коммуникационное насилие.

3. Карающий меч диктатуры. Октябрьская революция превратила большевиков из подпольной организации в правящую партию. И мгновенно изменилась трактовка партийности, как и понимание морали. Мораль также стала партийной, «коммунистической».

Выступая на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г., В.И. Ленин говорил: «Всякую нравственность, взятую из внеморального внеморального понятия, мы отрицаем... Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем... В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма».

Л.Д. Троцкий, в свою очередь, писал: «Общество без социальных противоречий будет, разумеется, обществом без лжи и насилия. Однако, проложить к нему мост нельзя иначе, как революционными, т. е. насильственными средствами... Цель (демократия или социализм) оправдывает,

при известных условиях, такие *средства* (курс. авт.), как насилие и убийство. О лжи нечего и говорить! Без нее война немыслима, как машина без смазки»⁶⁷.

Двадцатые годы изобиловали революционными безнравственными проповедями. Так, профессор А.Б. Залкинд в книге «Революция и молодежь» (М., 1924 г.) развивал теорию особой пролетарской нравственности, «необходимой для переходного периода, для периода обостренной классовой борьбы»:

- «Не убий» было ханжеской заповедью, пролетариат подойдет к этому правилу строго по-деловому, с точки зрения классовой пользы. Убийство злейшего, неисправимого врага революции, убийство, совершенное организованно, классовым коллективом — по распоряжению классовой власти, во имя спасения пролетарской революции — законное этическое убийство.

- «Чти отца» — пролетариат рекомендует почитать лишь такого отца, который стоит на революционно-пролетарской точке зрения. Других же отцов, враждебно настроенных против революции, надо перевоспитывать: сами дети должны их перевоспитывать.

- «Не прелюби сотвори» — формула неправильная. Половая жизнь есть неотъемлемая часть боевого арсенала пролетариата и должна исходить из соображений классовой целесообразности. Выбор полового объекта должен на первом месте считаться с классовой полезностью и не допускать элемента грубого собственничества. Позорным и антиклассовым становится ревнивый протест, если новый половой объект является в классовом смысле более ценным»⁶⁸.

Воинствующая пролетарская аморальность захлестнула литературный процесс. РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей — стала ее проводником в литературе, а службы социальной коммуникации, клубы и библиотеки в том числе, были мобилизованы на идеологический фронт и встали под знамена революционной партийности.

⁶⁷ Троцкий Л. Их мораль и наша // Вопр. философии. 1990. № 5. С. 117.

⁶⁸ Нанивская В.Т. Анатомия репрессивного сознания // Вопр. философии. 1990. № 5. С. 53.

В тоталитарном государстве партийность становится тоталитарно-господствующей, нейтральная беспартийность осуждается, а отклонения от партийной линии безжалостно караются. Что получается в результате?

4. Оправдание лжи: свобода есть рабство. В результате почти векового учреждения принципа партийности в Советском Союзе был получен чудовищный урожай тотальной, воинствующей, растлевающей лжи. Ложь стала настолько привычной, что перестала восприниматься сознанием. Справедливо сказал А.И. Солженицын в своей Нобелевской лекции: «Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом. Рождаясь, насилие действует открыто и даже гордится собой. Но едва оно укрепитя, утвердится — оно ощущает разрежение воздуха вокруг себя и не может существовать дальше иначе, как затуманиваясь в ложь, прикрываясь ее сладкоречием»⁶⁹. Невольно вспоминается «двоемыслие» в «1984» Дж. Оруэлла, одной из максим которого было «свобода есть рабство; рабство есть свобода».

В чем конкретно состояло содержание этой лжи? Пропаганда преимуществ советского образа жизни и осуждение пороков загнивающего капитализма, восхваление КПСС и ее вождей и очернение оппозиции, утверждение высоких идеалов коммунистического братства, социальной справедливости, освобождение труда и т. д. находились в явном противоречии с обнищанием, бесправием, бездуховностью населения. Революционный заряд марксизма-ленинизма выхолащивался, а диалектическая теория умышленно догматизировалась. Не случайно и Сталин, и Хрущев, и Брежнев объявляли себя верными ленинцами, постоянно ссылались на классиков марксизма-ленинизма.

Догматизация марксизма-ленинизма открывает широкие возможности для манипулирования общественным мнением и контроля за обыденным сознанием. Подконтрольность идеологии обуславливает подконтрольность социальной психологии, подконтрольность общественного сознания в целом. Готовое, упрощенное, эмоционально преподанное и централизованно

⁶⁹ Солженицын А.И. Нобелевская лекция // Новый мир. 1989. № 7. С. 144.

внедряемое мировоззрение не только легко усваивается массами, но и мобилизует их на действия в нужном направлении.

Тоталитарная схема управления социально-коммуникационными институтами

Прилагательное «тоталитарный» (от лат. целостность, полнота) появилось в итальянском языке около 1925 г., когда Муссолини стал говорить о «тотальном государстве», противопоставляемом «гнилому либерализму». В «Энциклопедии Итальяна» в 1932 г. авторы статьи «фашизм Бенито Муссолини и Джуованни Джентиле» широко использовали термин «тоталитарный». Кстати, слово «фашист» тоже итальянского происхождения. В Германии о «тоталитарности» говорили в первые годы правления нацистов. Но затем это слово вышло из употребления, так как Гитлер предпочитал термин «авторитарность». В СССР термин «тоталитаризм» был в ходу после 1940 г. в связи с критикой фашизма; в 1970-е гг. диссиденты стали использовать его применительно к советской власти. В англоязычных демократиях тоталитарными называли страны с однопартийным режимом, как коммунистические, так и фашистские. Во время Второй мировой войны осуждался тоталитаризм Гитлера и Муссолини, во время холодной войны американцы и англичане стали клеймить советский тоталитаризм.

В современной науке **тоталитаризм** понимается как форма диктаторского (авторитарного) государственного управления. Для появления тоталитаризма требуются материальные и духовные средства, которые появляются лишь в индустриальном обществе. Не случайна почти полная синхронность появления на исторической арене фашизма и большевизма — двух «классических» тоталитарных режимов, наложивших мрачный отпечаток на историю XX столетия.

На Западе пик интереса к феномену тоталитаризма пришелся на 50—60-е годы. В это время появились романы Дж. Оруэлла и Р. Кестлера, научные исследования Х. Арндт, Т. Адорно, К.И. Фридриха, К. Поппера, Д.Л. Тулмина, Э. Бжезинского, Р. Арона, Л. Шапиро и др. Исследователи пришли к выводам:

- тоталитаризм представляет собой исторически новую форму господства, отличающуюся от старых форм автократии;
- несмотря на внешние различия, есть сущностная общность между социал-нацизмом и большевизмом;
- оперируя демагогическими лозунгами и утопическими целями, тоталитарные режимы добиваются массовой поддержки, в то же время систематически нарушая права человека и практикуя массовые репрессии.

Различные авторы перечисляют разные отличительные особенности тоталитарных режимов, имея в виду, как правило, два «классических»: германский и советский тоталитаризм. Наиболее существенными признаются следующие отличительные особенности.

1. Тоталитарный (всеобъемлющий) контроль, полное господство идеологической и социально-политической системы над личностью, государства — над обществом; стремление контролировать не только поведению людей, их личную жизнь, но даже их эмоции и мысли. Джордж Оруэлл точно заметил: «Тоталитаризм посягнул на свободу мысли так, как никогда прежде не могли и вообразить... Не просто возбраняется выражать — даже допускать — определенные мысли, но диктуется, что именно надлежит думать»⁷⁰. Выдвигаются догмы, не подлежащие обсуждению, но изменяемые по воле властей самым неожиданным образом. Оруэлл пишет о «кошмарном порядке», «при котором Вождь и правящая клика определяют не только будущее, но и прошлое. Если Вождь заявляет, что такого-то события никогда не было, значит, его не было. Если он думает, что дважды два пять, значит так и есть» (там же, С. 255).

2. Способность добиваться массовой поддержки, сплачивая общество (или значительную его часть) вокруг харизматического Вождя, ведущего народ к вдохновляющей массы высокой цели. Культ Вождя играет важную мобилизующую роль во всяком тоталитарном государстве. Цели могут быть разными: советский народ строил коммунизм, отстаивая принципы интернационализма, братства трудящихся всех стран; в фашизме (национал-

⁷⁰ Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. — М., 1989. — 245 с.

социализме) главенствовали воинствующий расизм и национализм, воплощавшие социалистическую идею, в «Майн капф» Гитлер писал, что в отличие от «буржуазного и марксистско-еврейского мировоззрения» в национал-социалистическом «народном государстве» значение человека оценивают в «его базовых расовых терминах». Поскольку «вся человеческая культура, все достижения искусства, науки и техники», по его мнению, являются плодами творчества арийцев, то именно арийская раса призвана господствовать в мире. Если в марксизме-ленинизме двигателем истории признавалась классовая борьба, то нацисты видели в этом качестве борьбу наций; если марксизм придерживался материалистического рационализма, то для фашизма характерны иррационализм и мистицизм. Однако исторический опыт показал, что массовый культ Вождя достигается не благодаря содержанию предлагаемой им путеводной идеи, а благодаря умелой ее пропаганде партийным идеологическим аппаратом.

3. Легитимное, общественно признанное господство одной партии и одной идеологии, опирающееся на мощь государства. В тоталитарном государстве исповедуется одна и только одна идеология в качестве единственно возможного мировоззрения. Остальные идеологии отвергаются как враждебные, опасные для государства, и их сторонники подвергаются репрессиям. Признанная идеология становится подобием государственной религии со своими пророками, апостолами, жрецами, священными книгами, догматами, символами веры, обширным аппаратом проповедников и миссионеров. Создается и содержится за государственный счет мощный идеологический аппарат, направляющий и контролирующий духовно-производственные и социально-коммуникационные институты.

4. Культивирование социально-психологического настроения воинствующей мобилизованности для отражения происков коварных «врагов народа», для противостояния враждебному окружению, для умножения мощи государства, чтобы «догнать и перегнать» передовые страны. Отсюда — шпиономания, доносительство, всеобщая подозрительность, готовность на

жертвы, и в итоге — укрепление сплоченности вокруг вождя, который служит надежной и защитой.

5. Тоталитарные режимы вызывают следующие экономические, политические, социальные изменения в общественной жизни:

- *в экономике* — ликвидация свободного предпринимательства; огосударствление (полное — при социализме, частичное — при фашизме) материального производства, внедрение централизованного планового управления им; милитаризация экономики;

- *в политике* — сращивание государства и партии, формирование административно-командной бюрократической системы, имперская внешняя политика;

- *в социальной жизни* — расслоение общества по признаку отношения к власти: номенклатура (иерархически организованная правящая элита); партия (резерв номенклатуры); народная масса — объект принуждения. Апофеозом тоталитаристских социальных мутаций является **новый тип человека**, известный как «советский человек», или «хомо советикус».

Сближает различные разновидности тоталитаризма схожесть их социокультурных корней. Фашистские партии были выпестованы в недрах социалистического рабочего движения, не случайно в название своей партии гитлеровцы оставили слова «социалистическая» и «рабочая». Та же социальная база была у большевиков. Коммунизм и фашизм утверждают коллективизм, осуждая буржуазный индивидуализм, являющийся сердцевиной либерально-демократической доктрины. Известно, что Риббентроп после возвращения из Москвы в марте 1940 г. признался: «Я чувствовал себя в Кремле словно среди старых партийных товарищей».

Какими средствами пользовался тоталитаризм для самоутверждения?

Средства утверждения тоталитаризма делятся на материальные и духовные. *Материальные* средства — это, во-первых, партия «нового типа», состоящая из дисциплинированных и решительных членов, готовых насилием и трудом, правдами и неправдами самоотверженно добиваться поставленных целей; во-вторых, мощный репрессивный аппарат (ЧК, ОГПУ, КГБ, гестапо,

СС, СД, концлагеря, массовые убийства, «ночи длинных ножей» и т.п.), физически устраняющий противников режима или недостаточно преданных Вождю и поддерживающий атмосферу страха, деморализующую общество.

Духовными средствами тоталитаризма являются:

- идеология, способная укорениться в массовом менталитете и заменить закон и нравственность;
- идеологизированные духовно-производственные социальные институты, прежде всего: образование, литература, искусство, философия, общественные науки;
- управляемые партийно-государственными органами коммуникационные институты, а именно: пресса, радиовещание, кино, книгоиздание, библиотеки, музеи, клубы.

Итак, тоталитаризм вызывает существенные преобразования в социально-экономическом и политическом устройстве общества, наглядными проявлениями которых являются: тотальный контроль общественной жизни, массовый культ вождя, монополия догматизированной идеологии, воинствующий милитаризм. Очевидно, что эти изменения возможны только при условии превращения социально-коммуникационных институтов в «опорные пункты» тоталитарной идеологии, пропагандистские и идейно-воспитательные центры. Тоталитаризм немыслим без мощнейшей пропагандистской машины, располагающей индустриальной коммуникационной базой XX века. Правомерно сказать, что для тоталитарного режима социальная коммуникация — одно из его главнейших духовных орудий. Неслучайно школы и театры, библиотечные и клубные учреждения буквально с первых дней советской власти сделались предметами пристального внимания большевиков. Можно сказать, что коммуникационные институты России оказались в железных объятиях тоталитаризма, вырваться из которых они не могли, а часто и не хотели.

На рис. 9.3 представлена схема тоталитарной индустриальной ОКС. Если ее сравнить с либерально-демократической схемой (рис. 9.2), то нельзя не обратить внимание на следующие их различия:

- публика в либерально-демократической схеме выступает как равноправный партнер коммуникационных служб, предлагающий последним социальный заказ (субъект-субъектные отношения); тоталитарная схема превращает публику в пассивный объект манипулирования (субъект-объектные отношения);

- монопольным хозяином коммуникационной системы в тоталитарном государстве являются идеологические органы, диктующие подлежащие пропаганде идеи, имена, события и осуществляющие всеобъемлющую цензуру; в либерально-демократической схеме подобного хозяина нет;

- либерально-демократическая ОКС строится на основе правовых норм и законов гражданского общества, а тоталитарная система приводится в действие директивами руководящих органов;

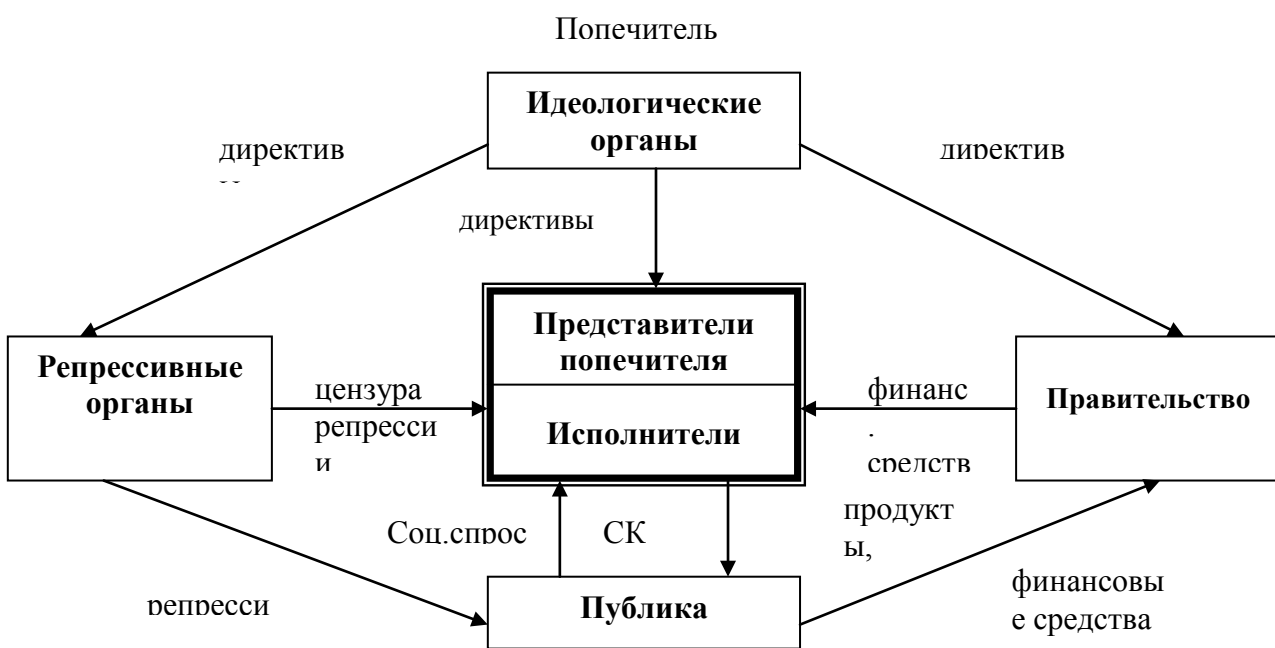

Рис.9.3. Схема тоталитарной индустриальной ОКС

- включение репрессивных органов в структуру общественной коммуникационной системы — свидетельство аморального коммуникационного насилия в тоталитарном государстве;

- менеджеры, руководящие СКИ в либерально-демократической системе, существенно отличаются по квалификационным характеристикам от своих

коллег в тоталитарных СКИ, которые зачастую являлись номенклатурными представителями идеологических органов, подбирались и утверждались ими; различны также требования к рядовым работникам и исполнителям.

Тотальная цензура. Опыт Советского Союза

Одним из существенных признаков тоталитаризма, как уже отмечалось, является тотальный (всеобъемлющий) контроль всех сторон общественной и личной жизни. В области социальной коммуникации этот контроль осуществлялся посредством тотальной цензуры. Тотальная цензура — это запретительная цензура, охватывающая все виды и уровни коммуникации (от массовой коммуникации и научной информации до частной переписки и частных бесед), все коммуникационные службы (от начальной школы и университетов до детских библиотек и Выставки достижений народного хозяйства), все виды документов (от технических листков, почтовых марок, значков, спичечных коробков до многотомных собраний сочинений). Тотальная цензура — результат практической реализации ленинского принципа партийности. Проследим основные этапы становления и развития тотальной цензуры в Советском Союзе.

1. Октябрь 1917—1921 гг. — подавление буржуазной (кадетской, эсеровской) печати посредством карательных мер: закрытие редакций, лишение бумаги, арест сотрудников, уничтожение тиража.

Одним из первых актов Советской власти был подписанный В.И. Лениным **Декрет о печати**, опубликованный 27 октября 1917 г., буквально на следующий день после революционного переворота. Декрет гласил: «Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественных орудий буржуазии..., оно не менее опасно, чем бомбы и пулеметы... Как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены: для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно широкому и прогрессивному в этом отношении законодательству». Декрет гласил, что поводами для закрытия органов печати могли быть: «призыв к открытому сопротивлению и

неповиновению рабочему и крестьянскому правительству», распространение «сеющих смуту, клеветнических слухов» и т. п. Подобные поводы легко находились, и в октябре—ноябре 1917 г. было закрыто около 60 периодических изданий.

Для последовательной реализации декретированной политики 18 декабря 1917 г. постановлением наркомата юстиции был учрежден **Революционный трибунал печати**, имеющий право закрывать издания, конфисковывать типографии и т. п. На основании заключений трибунала органы ЧК применяли по отношению к журналистам такие меры, как лишение политических прав, заключение в тюрьму, ссылка, высылка из страны. Трибунал предписал всем газетам перепечатывать на первой полосе декреты и постановления советской власти, что закрепилось на долгие годы.

Из сотен независимых газет к лету 1918 г. осталось только 10. На издание книг, прикрываясь дефицитом бумаги, ввели лицензии, которые выдавались местными советами очень выборочно. Тем не менее издатели находили лазейки для выпуска в свет книг Н.А. Бердяева, П.А. Сорокина и других вольномыслящих интеллигентов.

Тоталитаризму, как известно, органически свойственно стремление к бюрократизации и централизации общественной жизни. Проявлением этого стремления является учреждение **Госиздата РСФСР**, образованного постановлением ВЦИК от 20 мая 1919 г. «в целях создания в РСФСР единого государственного аппарата печатного слова». В Госиздате были сосредоточены полиграфические мощности и бумага; он выпускал до 2/3 книжной продукции страны, а оставшаяся треть также издавалась с его ведома и разрешения. Госиздат регистрировал издательства, утверждал издательские планы, распределял бумагу. В дальнейшем он стал требовать на просмотр рукописи до их издания, т.е. взял на себя функцию предварительной цензуры. В роли цензоров Госиздата выступали Д. Фурманов, В. Брюсов, А. Серафимович.

Централизованное удушение печати привело к возникновению самиздата. По словам М. Цветаевой, произошло «преодоление Гутенберга», которое выразилось в том, что поэты стали продавать в книжных лавках

«автографированные» книги, т. е. переписанные от руки собственные сочинения.

2. **1922—1932 гг.** — становление советской цензуры. 6 июня 1922 г. декретом СНК РСФСР, подписанным А.И. Рыковым, было создано Главное управление по делам литературы и издательств — Главлит. Таким образом было восстановлено цензурное ведомство, ликвидированное в 1905 г. Главлит был подчинен Наркомпросу, и А.В. Луначарский не без кокетства заявлял: «Да, мы несколько не испугались необходимости цензурировать даже изящную литературу». Декрет СНК гласил:

- С целью объединения всех видов цензуры печатных произведений учреждается Главное управление по делам литературы и издательств при Наркомпросе и его местные отделы при губернских отделах народного образования.

- На Главлит и его местные органы возлагается: а) предварительный просмотр всех предназначенных к опубликованию произведений, нот, карт и т. д.; б) составление списка произведений, запрещенных к опубликованию.

- Главлит воспрещал издание и распространение произведений: а) содержащих агитацию против Советской власти; б) разглашающих военные тайны республики; в) возбуждающих общественное мнение; г) возбуждающих национальный и религиозный фанатизм; д) носящих порнографический характер.

- Освобождаются от цензуры издания Коминтерна, коммунистическая партийная печать, издания Госиздата и Главполитпросвета, научные труды Академии наук (в 1926 г. этот пункт утратил силу).

* * *

- На Главлит возлагаются: надзор за типографиями, борьба с подпольными изданиями и их распространением, борьба с привозом из-за границы не разрешенной к обращению литературы.

- Зав. типографиями под страхом судебной ответственности обязаны неуклонно следить за тем, чтобы печатаемые в них типографиях произведения имели разрешительную визу Главлита.

9 февраля 1923 г. при Главлите был создан Комитет по контролю за репертуаром и зрелищами (Главрепертком). Ему принадлежало право разрешать к постановке драматические, музыкальные, кинематографические произведения. С 1926 г. предварительной цензуре стали подвергаться афиши, плакаты, пригласительные билеты, почтовые конверты, спичечные наклейки, граммофонные пластинки и даже стенные газеты. В 1927 г. появились уполномоченные Главлита на радиостанциях. В последующие годы сложный и разветвленный механизм тотальной цензуры был достроен до конца и введен в действие в масштабах всей СКС.

3. **1933—1955** гг. — годы тотального цензурного террора. В этот период ярко проявилась еще одна органическая черта тоталитаризма: способность добиваться массовой поддержки господствующей власти и успешно насаждать культ Вождя. Образовалась достаточно большая группа интеллектуалов, возвеличивающих «великого отца и учителя», «гения всех времен и народов» и разжигающих ненависть к «врагам, которые не сдаются». С 1932 г. партия стала принимать меры для организации лояльного режиму деятелей искусства и культуры в творческие союзы, исповедующие доктрину социалистического реализма. Свобода творчества, вырвавшаяся за рамки этой доктрины, как показали примеры многочисленных репрессий, может быть опасной для художника. Поэтому появилось новое, чуждое классической русской интеллигенции явление — **самоцензура**.

Писатели, журналисты, художники, композиторы, ученые научились «наступать на горло собственной песне», если она получалась несозвучной тотальному хору. Эмигрант «третьей волны» Анатолий Кузнецов (1929—1979) назвал самооценку «уродливой и неизбежной формой надругательства над самим собой». Он вспоминал: «Однажды, еще будучи «советским писателем», я испытывал величайшее счастье писать без внутреннего цензора, но это потребовало от меня огромных усилий, дабы сбросить цепи и стать полностью свободным... Вечерами я запирали дверь, чтобы абсолютно удостовериться в том, что никто не может ни видеть меня, ни слышать меня — совсем как герой романа Оруэлла «1984». И после этого я позволял себе писать все, что мне

вздумается. В итоге я написал нечто столь неортодоксальное и столь «подрывающее основы», что немедленно закопал написанное в землю, ибо в мое отсутствие дом мой часто подвергался обыску. Я считаю, что тогда написал лучшее из всего, мною написанного. Но это было столь необычно, настолько дерзко, что и по сей день я не решаюсь показать написанное даже самым близким моим друзьям»⁷¹.

Благодаря неформальной самоцензуре создалась такая обстановка, что формальная государственная цензура сделалась не столь потребной, как раньше. Получился парадокс: в сгущающейся атмосфере страха и насилия 30-х годов коммуникационное насилие стало как бы ослабевать. И вот с 1937 года цензура в СССР испарилась! В отличие от прошлых лет, никаких упоминаний о Главлите и его органах в открытой печати не встречается. Конечно, тоталитаризм вовсе и не думал отказаться от услуг цензурного ведомства, оно продолжало свою деятельность с тем же, даже еще большим размахом, но только имя его было засекречено, точнее, знали о нем те, кому положено по службе. В течение более чем 20 лет страна жила под гнетом цензурного террора, а имя террориста вслух не произносилось.

О бдительности Главлита свидетельствуют архивные изыскания А.В. Блюма, недавно обнародованные⁷². В «Материалах» Главлита о вредительстве в печати» (1937 г.) говорится: «Враги плодили антисоветские опечатки, придумывали всякие гнусности, используя газету как трибуну для антисоветской агитации... Например, в газете «Спартак» (Ленинград) дана была такая «опечатка»: «мелкий тоскливый **вождь** сеял над зеркальным прудом стадиона» (вместо «дождь»)... И эти подлые ухищрения газетных вредителей иногда удаются благодаря беспечности некоторых редакторов и работников цензуры».

Интересна «Сводка важнейших изъятий и задержаний», произведенных органами Главлита:

- В либретто «Маскарад» вместо «великосветской черни» набрано «великосоветской». Корректор был снят с работы.

⁷¹ Цит. по: Цензура иностранных книг в Российской империи и Советском Союзе: Каталог выставки. М., 1993. С. 11.

⁷² Блюм А.В. Советские опечатки // Литературная газета. 1993.1 сентября.

- В газете «Челябинский рабочий» напечатано «достигнутые за 19 лет под руководством (вместо «руководством») партии Ленина-Сталина». Дело передано в НКВД.

- В радиовещании 14 ноября в детской передаче «Октябрьские звездочки» имелась такая фраза: «Самым большим желанием у меня было побывать в Мавзолее и увидеть Вас, товарищ Сталин».

Засекреченный Главлит активно проявлял себя в кампаниях библиоцида и организации спецхранов. Главлитом разрабатывались списки литературы, подлежащей изъятию из общедоступных библиотечных фондов. Списки обреченной литературы насчитывали несколько тысяч наименований. В 30-е годы подлежали уничтожению все произведения «врагов народа» — Бухарина, Пятакова, Рыкова, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Тухачевского.

Мало того, изымались книги, где имелись написанные ими предисловия или просто уважительное упоминание о них.

В 60-е года «Сводный список книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети» насчитывал 15 тысяч названий. В том числе: программа и устав Российской Коммунистической партии (Л., 1926); В.И. Ленин в Октябре и первые дни Советской власти (М—Л., 1934); 50-летие В.И. Ульянова-Ленина (1870 — 23 апреля 1920). Речи и стихи, произнесенные на празднике в его честь 23 апреля 1920 г. в помещении Московского комитета (М., 1920); юбилейный альбом в связи с 70-летием И.В. Сталина; сочинения Есенина, Бабеля, Фурманова, Волошина; книга О. Бергольц говорит Ленинград (Л., 1946); даже Л.Б. Хавкиной Руководство для небольших и средних библиотек (все издания по 1930 г. включительно).

В крупнейших библиотеках «репрессированная» литературы попадала в «спецхраны», в массовых библиотеках либо сжигалась, либо пропускалась через бумагорезательные машины типографий. Библиоцид — подлинное преступление против отечественной истории и культуры — неизменный спутник тоталитаризма. В фашистской Германии книги сжигались на площадях, в Советском Союзе они уничтожались без публичной огласки.

Таким же специфическим для тоталитарной СКС явлением являются библиотечные спецхраны. Особенно богатыми были специальные хранилища Библиотеки имени В.И. Ленина, Государственной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеки Академии наук СССР. Эти хранилища в 80-е годы насчитывали более 300 тыс. томов и включали следующие виды изданий: «приказная» литература, изъятая по письмам Главлита (около 20 тыс.); зарубежная немарксистская философия и некоммунистическая политическая и публицистическая литература; зарубежные газеты; русская антибольшевистская литература и эмигрантские издания; издания первых лет Советской власти; ведомственные советские издания с грифом ДСП (для служебного пользования); порнографическая литература.

Массовая передача книг из открытых фондов в спецхраны происходила дважды: в 1935—1938 гг. в связи с разгромом партийной оппозиции и в 1948—1953 гг. в связи с политическими процессами «Ленинградское дело», «Дело врачей», борьбой с космополитизмом и формализмом в науке, культуре, искусстве. В 1953 и 1959 гг. были изъяты из общих фондов все книги Л.П. Берии и участников антипартийной группировки В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича. В 60—80-е гг. та же участь постигла произведения эмигрантов третьей волны (В.П. Аксенов, В.Н. Войнович, А.А. Галич, А.А. Зиновьев, В.П. Некрасов, А.И. Солженицын и др.)⁷³.

4. **1956—1964** гг. Несмотря на некоторое смягчение тоталитарного давления на общество, цензурное ведомство не уменьшало свою активность. Причем, идеологи КПСС и чиновники Главлита иногда оказывались более «партийно выдержанными», чем классики марксизма-ленинизма, основатели и руководители партии. В собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, подготовленное в это время, не вошли такие «радикальные» сочинения как «История тайной дипломатии XVIII века», речи и статьи о Польше. В полное собрание сочинений В.И. Ленина не попали свидетельские показания В.И. Ленина по делу о провокаторстве Р.В. Малиновского, его многочисленные

⁷³ Более подробно — см.: Варламова С.Ф., Спецхран РНБ: прошлое и настоящее // Библиотековедение. 1993. № 2. С. 74—82; Шикман А.П. Совершенно несекретно // Сов. библиография. 1988. № 6. С. 3—12.

письма Зиновьеву, Каменеву, Рыкову, Троцкому и другим «врагам народа». Совершенно парадоксальный казус произошел с докладом Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, посвященном культу личности Сталина. Текст этого доклада сразу стал известен во всем мире, до советского же читателя он дошел только 33 года спустя.

5. **1965—1985** гг. — двадцатилетие «застоя», которое характеризуется новым «похолоданием» духовного климата в стране. В это время появляются акты открытого протеста, ширится, несмотря на репрессии, диссидентское движение, активизируется самиздат. Самиздат — специфическое коммуникационное явление, которое уместно рассмотреть в настоящем разделе.

По легенде, название «самиздат», пародирующее общеизвестный «Госиздат», было придумано поэтом-диссидентом Н. Глазковым для обозначения рукописной литературы, распространяемой нелегально. «Самиздатовскому» произведению присущи три отличительных признака: во-первых, это литературное произведение, зачастую имеющее высокие художественные достоинства; во-вторых, оно тиражировалось путем переписки (машинописи, копирования) и в силу этого относится не к современной индустриальной книжности, а к догутенберговской рукописной книжной культуре; в-третьих, нелегальный и наказуемый способ распространения вне официально контролируемых формальных коммуникационных каналов. Объединяя перечисленные признаки, получаем следующее определение — **самиздат** — способ (система) нелегального (неформального) распространения рукописной литературы.

Слово «самиздат» — советский неологизм, но фактически «самиздатовское» производство всегда сопровождало официально признанное издательское дело. Предшественниками советского самиздата являются:

- еретические сочинения, апокрифы, травники, сонники и т.п. отвергнутые цензурными властями;
- бесцензурные политические трактаты, в том числе «вольная печать», основоположником которой в России был А.И. Герцен;

- порнография и морально неприемлемая эротика; российским классиком этого жанра является И.С. Барков (1732—1768)⁷⁴.

Среди авторов досоветского русского «самиздата» — протопоп Аввакум, А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Грибоедов, Н. Гоголь, Ф. Достоевский, Л. Толстой. Произведения этих авторов, несмотря на рукописную форму, становились литературными фактами, а тиражи их превосходили типографские. В советское время ходили в списках сочинения В. Короленко, А. Платонова, М. Булгакова, О. Мандельштама, С. Есенина, А. Солженицына, записи судебных процессов Бродского, Синявского и Даниэля. Более пятнадцати лет выходил самиздатский бюллетень «Хроника текущих событий». За рубежом самиздатские художественные и публицистические произведения издавались в качестве серий, например, «Архив Самиздата» (издательство радиостанции «Свобода», Мюнхен), «Библиотека Самиздата» (Амстердам, Фонд имени Александра Герцена), «Вольное слово» (издательство «Посев», Франкфурт на Майне).

Самиздат — не самостоятельный, а **дополнительный** коммуникационный канал, служивший для обхода цензурных барьеров официальной власти. Потребность в подобном «обходном» канале тем выше, чем жестче цензурный гнет. Привлекательность самиздатских документов не только в обсуждении запрещенных тем и получении официально не распространяемых сведений, но и в непосредственности общения автора и читательской аудитории, без редакторских правок или цензурных изъятий. Правда, при переписывании манускриптов возможны искажения и ошибки, но они имеют частный характер и с ними можно примириться. Другой, более серьезный дефект самиздата состоит в том, что по рукам ходит множество фальшивок и совершенно бредовых документов, избавиться от которых невозможно.

⁷⁴ О живучести порнографического самиздата свидетельствует тот факт, что осенью 1935 г. было принято специальное постановление ЦИК и СНК СССР, в соответствии с которым в Уголовный кодекс РСФСР была включена статья: «Изготовление, распространение и рекламирование порнографических сочинений, печатных изданий, изображений и иных предметов, а также торговля, хранение с целью продажи или распространения влекут за собой лишение свободы на срок до пяти лет с обязательной конфискацией порнопредметов и средств их производства».

Сущность политического самиздата застойных лет тоталитаризма хорошо выразил изгнанный в 1976 г. из страны выдающийся философ, мыслитель и писатель А.А. Зиновьев (род. 1925 г.) в стихотворении «Мое издательство».

Допустим, в душе у тебя накипело.
Решение пачкать бумагу приспело.
Не мешкай в сомненьях. Исполнить спеши.
Забудь о цензуре. Что вздумал — пиши.
Но вот ты закончил последнюю строчку,
Но вот ты поставил последнюю точку.
Что дальше? Представь, что твой труд есть солдат
Скомандуй ему: шагом марш в «самиздат»!
И чудо великое вмиг сотворится.
Дитя твоей мысли в борца превратится.

Годы пройдут и потомки когда-то
Откроют останки бойца «самиздата».
И скажут... Ну, скажут, конечно, муру.
Я лично потомков в расчет не беру.
Если случается, высижу что-то,
Птенцов отдаю «самиздата» заботам.
Потом узнаю я случайно, что вроде
Они еще живы, они где-то бродят.
Обидно, никто не поверит, что эти
Бродяги-стихи суть родные мне дети⁷⁵.

Главными потребителями самиздата были гуманитарная интеллигенция и студенчество, но не только они. Во всех грамотных социальных группах имелся самиздатовский репертуар, соответствующий их культурным и коммуникационным запросам. Есть произведения самиздата, интересующие всех, например, рецепты народной (восточной) медицины, частная жизнь кинозвезд и политиков, преступный мир и т. п.

⁷⁵ Зиновьев А. А. Мой дом — моя чужбина. Хомо советикус. — М., 1991. — С. 22—23.

Бесцензурная советская литература, помимо самиздата, включала еще и тамиздат. **Тамиздат** представлял собой способ публикации за рубежом произведений печати, отвергнутых советской цензурой. Первый прецедент Тамиздата — публикация в Милане романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» в 1957 г. В 1966 г. А. Синявский и Ю. Даниэль подверглись судебному преследованию за их «тамиздатовские» произведения, вышедшие под псевдонимами. Роль тамиздата выполняли многочисленные эмигрантские журналы («Грани», «Континент», «Новый журнал», «Время и мы», «Вестник РХД», «Стрелец», «Эхо» и др.), а также книжные издательства США, Франции, Англии, ФРГ. Кроме современников, эти издательства выпускали в свет книги А. Ахматовой, М. Булгакова, Вяч. Иванова, Д. Хармса, А. Введенского, Н. Олейникова, которые не публиковались в СССР. Наконец, зарубежные русские издательства публиковали писателей-эмигрантов, живущих за рубежом.

Публикации тамиздата поступали в спецхраны крупнейших советских библиотек, доходя таким образом до русского читателя.

Самиздат и тамиздат, помимо политического и социально-психологического аспектов, имели еще аспект экономический. Дело в том, что торговля продукцией самиздата и тамиздата стала одной из первых зон **рыночного предпринимательства**. Стихийно установился маркетинговый порядок производства и сбыта продукции, круг клиентов, связь с поставщиками. Цены устанавливались по законам свободного рынка. На нелегальном книжном рынке, как и на советском государственном рынке, царил дефицит, а обладание самиздатом или тамиздатом было одним из видов престижного потребления, символом принадлежности к культурно-оппозиционной элите.

Не случайно в процессе перехода к рыночной экономике первыми независимыми издателями стали бывшие диссиденты и активисты самиздата. В 1985—1987 гг. самиздат легализовался. Ему не нужна была реклама, он имел налаженные связи с производителями и запас продукции, поэтому легко добился лидерства на книжном рынке. Благодаря зарубежным связям, самиздатовские предприниматели перешли на компьютерную полиграфию и

заказные типографские издания. Чтобы сохранить привлекавший читателей имидж в конце 80-х годов стали практиковать стилизацию самиздата, имитируя внешние формы самодельных брошюр и журналов. В это время спрос на самиздатовскую и тамиздатовскую литературу достиг максимума. В 90-е годы интерес к диссидентству и советскому самиздату пошел на убыль. Можно констатировать завершение истории советского самиздата и тамиздата⁷⁶.

Однако мы забежали вперед. В 1965—1985 гг. самиздат и тамиздат играли очень важную роль в духовной жизни страны. Благодаря самиздату была спасена честь русской литературы, деформированной социалистическим реализмом. Между тем дряхлеющий советский тоталитаризм продолжал беспомощные попытки противопоставить вольной самиздатовской мысли подцензурную идеологическую догматику. Ю.В. Андропов в 1983 г. призвал даже к пропаганде, нацеленной против вражеского свободомыслия. Но тотальная цензура, как и советский тоталитаризм в целом, были исторически обречены.

Хронологической вехой падения тоталитарной цензуры является август 1990 г., когда вступил в силу Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации». Под средствами массовой информации — уточняется в Законе — понимается периодическое издание (газета, журнал, альманах, бюллетень и т. д.), радио-, теле-, видеопрограмма, кинохроника и т. п. Цензура массовой информации, т. е. требование со стороны должностных лиц, государственных органов или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы, а также наложение запрета на распространение сообщений и материалов, — не допускается. Не допускается также создание и финансирование организаций, учреждений, органов или должностей, в задачи которых входит осуществление цензуры.

Выводы

⁷⁶ Голлербах Е. Самиздат на марше // Радуга. 1991. № 4. С. 88—93; Смирнов-Греч Г. Постсамиздат. Новая рукописная книга // Знание — сила. 1991. № 11. С. 94—97; Советский самиздат // Диалог. 1990. № 3. С. 99 —101.

1. Существуют **нормативные и учрежденные** коммуникационные институты. Нормативные институты (естественный язык, фольклор, искусство, народные традиции и народные промыслы) представлены **во всех общественных коммуникационных системах**; они базируются на четырех исходных коммуникационных каналах. **Рукописная и мануфактурная ОКС** обогатились коммуникационными службами, обеспечивающими функционирование каналов письменности и книгопечатания; эти ОКС представляли собой **суммативные системы**. **Индустриальная ОКС** является **структурированной системой систем**, включающей нормативные институты, социальные службы и институты, доинституционные службы.

2. **Социально-коммуникационный институт** — это элемент индустриальной ОКС, представляющий собой формально учрежденную, т. е. имеющую свой орган управления, совокупность организационных и технологических систем, обладающую определенным, социально признанным назначением. Различаются кумулятивные и некумулятивные СКИ.

3. Всем коммуникационным явлениям — от устной коммуникации до индустриальной ОКС свойственны две основополагающие **сущностные функции** — *коммуникационно-пространственная* и *коммуникационно-временная*. На базе этих функций в документных системах развиваются дополнительные сущностные функции: *ценностно-ориентационная, формирования документных потоков, поисковая*.

4. Поскольку сущностные функции социально-коммуникационных институтов не зависят от социально-культурных, экономических, политических условий в пределах индустриальной неокультуры, они остаются **одними и теми же** в либерально-демократическом обществе и в тоталитарном обществе. Зато коренным образом **различаются** их прикладные функции.

5. **Социально-коммуникативные права и свободы** являются важнейшей частью международно-признанных прав человека.

6. Главная организационная особенность либерально-демократической схемы ОКС — **субъект-субъектные отношения** между публикой и социально-коммуникационными институтами.

7. **Ленинский принцип партийности** — руководящий принцип коммуникационной деятельности всех институтов и служб советской ОКС. Главная организационная особенность тоталитарной схемы ОКС заключается в **субъект-объектных отношениях** между идеологическими органами и СКИ, которые трансформируются в **субъект-объектные отношения** между СКИ и Публикой. В результате получается *иерархическая административно-командная* система.

8. Тоталитаризм невозможен без массивированного коммуникационного воздействия на сознание людей. В Советском Союзе за время его существования получен **уникальный опыт** тотальной цензуры, который показал как силу, так и ограниченность коммуникационного насилия.

9. Принципиальные различия между либерально-демократической и тоталитарной ОКС наглядно проявляются при сопоставлении их характеристик в табличном виде (таб. 9.2)

Таблица 9.2

№ п/п	Характеристика	Либерально-демократическая ОКС	Тоталитарная ОКС
1.	Основополагающий принцип	Свободное предпринимательство	Принцип партийности
2.	Попечитель-владелец учреждений	Государство, общества, частные лица	Партийно-государственная монополия
3.	Отношение Попечитель/СКИ	Субъект-субъектное, кооперация	Субъект-объектное, административно-командное

4.	Отношение СКИ/Публика	Субъект- субъектное, маркетинговое	Субъект- объектное, манипулятивное
5.	Схема управления	Самоуправление, децентрализованная	Иерархическая, централизованная
6.	Критерии эффективности	Рыночная конкуренция	Идеологическая выдержанность

10. *Terra incognita* социально-коммуникационных институтов включает следующие проблемы:

- **Многоаспектная типологизация институтов и служб**, входящих в различные общественные коммуникационные системы (ОКС).

- Разработка **функционального подхода** к ОКС, раскрывающего динамику сущностных и прикладных социальных функций в связи с эволюцией коммуникационных систем.

- Нуждается в дальнейшем развитии системный подход к индустриальной ОКС, представляющей собой сложную структурированную систему систем. Этот подход должен раскрыть элементный состав этой системы, отношения между элементами, конфигурацию, т.е. состав подсистем.

- Какова возможная функционально-структурная конфигурация мультимедийной ОКС? Какие органы управления могут возникнуть в этой конфигурации? Сохранятся ли социально-коммуникационные права и свободы в мультимедийных ОКС?

- Возможно ли возрождение в будущем тоталитарных принципов и схем функционирования социально-коммуникационных институтов?

Литература

Основная

[5,9,11]

Дополнительная:

1. Бабиченко Д.Л. Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. — М.: ИЦ «Россия молодая», 1994. — 173 с.
2. Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917—1929. — СПб.: Академический проект, 1994. — 320 с.
3. Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929— 1953. — СПб.: Академический проект. 2000. — 312 с.
4. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 — начало 90-х годов). — М.: Изд-во МГУ, 1996. — 207 с.
5. Панкратов Ф.Г., Серегина Т.К., Шахурин В.Г. Рекламная деятельность: Учебник. — М.: Маркетинг, 1998. — 244 с.
6. Почепцов Г.Г. Информационные войны. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. — 576 с.
7. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: Учеб. пособие. — М.: Изд-во МГУ, 1995. — 94 с.
8. Тульчинский Г.Л. Public relations. Репутация, влияние, связи с прессой и общественностью, спонсорство. — СПб.: СПбГАК, 1994. — 80 с.
9. Яковлев И.П. Паблик Рилейшенз в организациях. — СПб.: Петрополис, 1995. — 148 с.

Основные источники:

1. [Авраева Ю. Б. Методист и библиотекарь: проблемы взаимодействия // Библиосфера. — // 2011. — №4. — С. 30-36](#)
2. [Алтухова Г. А. Профессиональные компетенции библиотекаря в эпоху глобализации и информатизации общества // Вестник МГУКИ. — // 2017. — №3 \(77\). — С. 164-171](#)
3. [Бруй Е. В. Свойства личности библиотекаря в системе его коммуникативной культуры // Библиотековедение и документальная информация. — // 2016. — №3 \(62\). — С. 57-62](#)
4. [Куриленко Е. А. Педагогические условия формирования профессиональной культуры библиотекаря / Е. А. Куриленко, Н. А. Туралина. Библиосфера. — // 2017. — №3. — С. 45-50](#)

5. [Павлюк В. Н. Профессиональное чтение в непрерывном образовании как способ повышения квалификации библиотекаря // Библиотсфера. — // 2009. — №3. — С. 39-44](#)
6. [Семенова Н. Ю. Развитие профессиональной направленности библиотекаря в библиотечном сообществе / Н. Ю. Семенова, Ю. В. Маслова](#)
7. [Традиции и инновации в массовой коммуникации : материалы Первой Междунар. науч.-практ. конф. — Краснодар : КГУ, 2019. — 253 с.](#)
8. [Стародубова Г. А. Формирование информационной культуры личности: инновационная модель подготовки и повышение квалификации библиотечных кадров в регионе / Г. А. Стародубова, Ю. В. Уленко. Вестник Кемеровского университета культуры и искусств. — // 2010. — №12. — С. 141-149](#)
9. [Дворкина М. Я. Библиотечная среда : теория и организация : научно-практическое пособие / М. Я. Дворкина. — М. : Литера, 2009. — 93 с.](#)

Дополнительные источники:

- [1.ГОСТ Р 7.0.11-2011 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Диссертация и автореферат диссертации. — М. : Стандартинформ, 2012. — 16 с.](#)
- [2.ГОСТ Р 7.0.66-2010 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Индексирование документов. — М. : Стандартинформ, 2011. — 14 с.](#)
- [3. Ворошилов В. В. Теория и практика массовой информации : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : КНОРУС, 2014. — 464 с.](#)
- [4. Андреева А. В. Учебно-методическое пособие по дисциплине "Мировые информационные ресурсы" / сост. А. В. Андреева. — Смоленск : Универсум, 2010. — 194 с.](#)
- [5. Блюмин А. М. Мировые информационные ресурсы : учеб. пособие / А. М. Блюмин, Н. А. Феоктистов. — М. : Дашков и К, 2011. — 296 с.](#)
- [6. Традиции и инновации в массовой коммуникации : материалы Первой Междунар. науч.-практ. конф. — Краснодар : КГУ, 2019. — 253 с.](#)
- [7. Барышева А. В. Инновации : учебное пособие / А. В. Барышева, К. В. Балдин, И. И. Передеряев и др. — 3-е изд. — М. : Дашков и К, 2010. — 384 с.](#)
- [8.Стародубова Г. А. Формирование информационной культуры личности: инновационная модель подготовки и повышение квалификации библиотечных кадров в регионе / Г. А. Стародубова, Ю. В. Уленко. Вестник Кемеровского университета культуры и искусств. — 2010. — №12. — С. 141-149](#)
- [9. Дворкина М. Я. Библиотечная среда : теория и организация : научно-практическое пособие / М. Я. Дворкина. — М. : Литера, 2009. — 93 с.](#)